Литературный Азербайджан

ИЗДАЁТСЯ с 1931 года

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
УЧРЕДИТЕЛЬ - СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ АЗЕРБАЙДЖАНА

№ 11

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОЗА

Сейяд АРАН. **Надгробие.** *Роман* 3
Гюлюш АГАМАМЕДОВА. **Война. Свидание с Президентом.** *Новеллы* 72
Мейхош АБДУЛЛАХ. **Счастье, закованное в камни.** *Рассказ* 78
АТАГАМ. **Два глупца в океане.** *Рассказ* 79
Рамиз МОВСУМ. **Взгляды через кровавую призму, или вторая жизнь Габиля Алиева. Обжоры** 98
Медина ЭЛЬДАРОВА. *Миниатюры* 109

ПОЭЗИЯ

Сабина ХАМЕДОВА. *Стихи* 63
Камилла КЕРИМОВА. *Стихи* 64
Шахрун СУЛЕЙМАНОВА. *Стихи* 65
Александр РОДИОНОВ. *Стихи* 65
Аладдин ЯГУБОВ. *Стихи* 67
Елизавета КАСУМОВА. *Стихи* 67
Рауф МАМЕДОВ. **Лицом в небо.** *Стихи* 102
Галиб ШЕФАЕТ. *Стихи* 122

ПУБЛИЦИСТИКА

Александр ХАКИМОВ. **Дима-солнце** 69
Мустафа ЧЕМЕНЛИ. **Литературная судьба Хуршидбану Натаван** 112
Гусейн ШАРИФ. **История одного подарка** 116
Юсиф ГАСАНБЕЙ. **Заступнические строки Галиба Шефаета** 119
Марк ВЕРХОВСКИЙ. *Три эссе* 125

Главный редактор – **Солмаз ИБРАГИМОВА**

Ответственный секретарь – **Эльдар ШАРИФОВ – СЕЙШЕЛЬСКИЙ**

Отдел поэзии – **Алина ТАЛЫБОВА**

Отдел подписки и рекламы – **Джамиля ШАРИФОВА**

Литсотрудники – **Егана МУСТАФАЕВА, Натаван ХАЛИЛОВА, Ниджат МАМЕДОВ**
https://soundcloud.com/nijat-mamedov-489264474
https://www.youtube.com/channel/UCoPQ9ounuR9X3KgCh0JdFYg

Корректор – **Анна КУЗЁМКИНА**

Редакционная коллегия: **Кямаля АГАЕВА, Эльмира АХУНДОВА, Агиль ГАДЖИЕВ, Асиф ГАДЖИЕВ, Шелаля ГАСАНЛИ, Александр ГРИЧ (Лос – Анджелес, США), Динара КАРАКМАЗЛИ, Азер МУСТАФАЗАДЕ, Эльчин ШЫХЛЫ**

Литконсультант – **Натиг РАСУЛЗАДЕ**

Журнал зарегистрирован 19.04.96 г. в Министерстве печати и информации Азербайджанской Республики
Регистр. № 352

Адрес редакции:
AZ 1000, Баку, ул.Хагани, 53
Электронный адрес: litaz1931@gmail.com

Сдано в печать 25.10.2022г.
Бумага офсетная. Формат 70x100 1/16
Печать офсетная, 8.25 печ. л.
Тираж 400
Отпечатано в типографии «OL»NKPT MMC
Тел.: 497 – 36 – 23
Адрес: ул. Мирзы Ибрагимова, 43

ПРИ ПЕРЕПЕЧАТКАХ ССЫЛКА НА ЖУРНАЛ ОБЯЗАТЕЛЬНА

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.
В публикуемые материалы редакция вносит необходимую правку.

Во всех случаях полиграфического брака в экземплярах журнала обращаться в типографию «OL»NKPT MMC

© «Литературный Азербайджан», 2022 г.

СЛАВА ГЕРОЯМ – ЗАЩИТНИКАМ АЗЕРБАЙДЖАНА!

27.09 – 10.11. 2020г. – Вторая Карабахская война

СЕЙЯД АРАН

НАДГРОБИЕ

Роман

… в полумраке рассвета тень у ворот несколько раз качнулась. Семендеру стало не по себе. Нет, он не испугался; все здесь было родным – двор, где он знал каждую пядь земли, село, люди… Он и не думал о вероломстве кого-то из односельчан. Правда, в последнее время мир уже не тот. Уже нельзя, как прежде, со спокойной душой ходить по лугам, полям, долинам и пастбищам, где они всегда гуляли. Теперь там бродили в основном вооруженные гражданские и солдаты. Свои говорили: «Старик, тебе, видать, делать нечего! Что ты здесь потерял?! Разве не видишь, что в паре километров армянское село?! Там не то, что взрослые, малые дети и те вооружены до зубов! Чего доброго, поймаешь выпущенную для потехи шальную, а то и прицельную пулю… Тебе что, жить надоело?!»

Соседнее армянское село давно уж стало для них источником постоянной тревоги. Вот ведь что на свете творится… Кумовья, в селе у которых они всю жизнь отдыхали, ели-пили, занимались торговлей, превратились в головорезов. «Ничего себе переобулись…»

Накануне вечером, перед тем, как лечь спать, он, как обычно, запер ворота изнутри, подпер дверь хлева. Он не припоминал ни единого случая воровства в этом селе. Ворота на ночь запирали просто по привычке. Все так делали. Как говорится, береженого Бог бережет. Посторонний никак не мог попасть во двор. А коли так, кто это мог быть? Если это вор, почему не ушел вовремя? Отпереть ворота изнутри было проще простого. Всем известно, что все ворота имеют изнутри либо деревянный, либо железный засов. Неужто, тать замешкался и не успел сделать свое темное дело?! Или Семендер застал его врасплох, и тот, опешив, не смог отпереть ворота и замер на месте… Он невольно потянулся к поясу. Оружия у него, конечно же, не было, но был внушительный тесак. В последнее время, как стало неспокойно, он стал носить его при себе. Пока он присматривался, тень шагнула вперед.

– Я с тобой, отец!

Услышав голос, он немного успокоился и опустил руку. То была его дочь – Минара. Она узнала о том, что отец собирается в Гянджу, к своему армейскому другу – мастеру Агабале. Наверное, услышала вчера вечером, когда он шептался с женой. От нынешних детей ничего не утаишь… Все улавливают на лету. Как говорила покойная Насиба Зейналова, «по губам читают».

Ночью, перед сном, Минара сказала отцу, что решила ехать с ним.

– Нужно сделать достойный Гурбата памятник. Может, на него будет смотреть и возлюбленная моего несчастного брата.

Мать разрыдалась. От подступившего к горлу кома Минара не смогла продолжить.

Он знал, что уж если Минара задумала что-то, никто не в силах ее переубедить. Тем более, если дело касается Гурбата.

Ничего не ответив, он лег и укрылся. Минара восприняла это как согласие.

***

В мастерской было людно. То были родители шехидов, заказывавшие надгробные памятники для своих сыновей.

Мастер Агабала обнялся с Семендером, и они некоторое время простояли так молча. Его сын тоже погиб в Шуше. Он своими руками высек надгробный памятник сыну. Знакомые говорили: «Словно не каменное изваяние, а живой человек стоит перед тобой».

…Хотя до призыва в армию оставалось еще несколько месяцев, Агабала не смог отговорить сына. Микаил недавно окончил школу. Несмотря на все уговоры родных, он не стал подавать документы ни в один из университетов Гянджи. «Сейчас не до образования. Армяне над Гёйгёлем. Где гарантия, что завтра они не сунутся в Гянджу? А раз так, отец, что сейчас важнее – учиться или защищать наш город и могилы наших дедов?..»

Отец не смог ничего возразить. «Как же быстро повзрослели, поумнели дети!» Сын был прав. Действительно, какой уж тут университет, когда решается судьба Родины?..

Микаил вместе со своими одноклассниками отправился в военный комиссариат и заявил о желании служить. В военкомате некоторым из них, в том числе и Микаилу, пояснили, что они не подходят по возрасту, но по настоянию молодых людей их заявления были приняты, а сами они отправлены в воинскую часть под Гянджой. После двух месяцев подготовки они вступили в свой первый бой. То ли по неопытности, то ли из рвения, то ли из пылкого чувства патриотизма они ушли далеко вперед. Увидев, что их одноклассник Самир попал под обстрел, Микаил бросился к нему на помощь. Забыв о безопасности, он встал во весь рост под огнем и побежал. И в тот же миг его сразила снайперская пуля… После него был убит и Самир. Оба простились с жизнью с простертыми друг к другу руками… Впоследствии один из сослуживцев проговорился, что Микаил любил сестру Самира…

Минара тоже знала об этом. Она хотела, чтобы надгробие брата было таким же, как надгробие Микаила, но боялась, что отец не сможет толком объяснить и надгробие не будет высечено должным образом. Решила лично поговорить с мастером. Дядя же как-никак. Не раз бывал у них дома…

Появление Минары в цеху сбило с толку мастера. Все смотрели на нее. Видимо, это было неприемлемо. Что здесь понадобилось юной девушке? Это почувствовала и сама Минара, однако возвращаться было поздно.

Мастер и Минару обнял, прижал к груди, как родное дитя. Прослезился. Прижав ее голову к груди, поцеловал в макушку. Он понял, что она неспроста приехала вместе с отцом сюда, где столько мужчин. Поздоровался, как полагается, справился о здоровье, расспросил, как поживают Салахат, Минаввар, Джамал, как мать уживается с ее неотесанным отцом. «Только Нубар могла ужиться с этим сиволапым, ни одна женщина и часу бы не выдержала с ним под одной крышей».

Так он пытался разрядить обстановку и дать девочке высказаться. Не зря же она пришла в цех, где такое сборище мужчин. Все трое улыбнулись, понимая, что он шутит. Сложно было найти более подходящие слова, чтобы сгладить неловкость. «Не смущайся, говори».

Приободренная таким приемом, Минара перешла к сути:

– Дядя Агабала, молю, ради Бога, сделай так, чтобы надгробие Гурбата… получилось… – чуть не сказала «как у твоего сына» – такое, чтобы казалось, видишь живого Гурбата… И гранатомет изобразите… И развернутое письмо… Чтобы слова «Любимая Севда» ясно читались. Я и письмо его принесла с собой, чтобы почерк повторили…

Мастер вновь обнял Минару, прослезился.

– Не беспокойся, доченька, все будет так, как ты сказала.

Наблюдавшие со стороны, осуждающие и отца – больше отца! – и дочь, поняв причину и существующую между ними близость и искренность, уже просили прощения у Бога за свои скверные мысли. Все отводили взоры и спешили удалиться.

В тот же день отец с дочерью воротились в село. Домой добрались после темноты.

***

Мусеиб заказал надгробие на могилу сына в Гяндже в том же цеху, только другому мастеру. Встретив на сельской дороге Семендера, гнавшего животных к пастбищу, он, глядя себе под ноги, тихо сказал:

– Еду в Гянджу, за надгробиями, ты уж не утруждайся… Младшего своего везу с собой, пусть подсобит. Даст Бог, к вечеру вернемся.

– Тяжело тебе будет… – поблагодарил Семендер.

Так и не подняв глаз, полных скорби, Мусеиб ушел, махнув рукой. «Тяжелее мне уж не будет… Теперь мне уж все одно…»

Это было относительно спокойное время. Жизнь шла своим чередом. Десятки тысяч людей еще не были изгнаны из родных краев.

Теплый, мягкий вечер опускался на деревню. Проводящие дни в тяжком труде люди, с напряженными мышцами, затвердевшими, словно камень, ладонями, умываясь родниковой водой в своих дворах, возносили благодарственные молитвы за прожитый и грядущий дни и ждали наступления вечера. Как только они сядут у самоваров, облокотившись на мутаки, и аромат еды из снятых с огня казанов разойдется на всю округу, вызывая волчий аппетит, усталость дня как рукой снимет. Начнутся беседы о том, о сем, за трапезой каждый расскажет, что нового услышал, что принес этот день. В былые времена беседы велись о хлопотах насущных, заботах о сене и кормовых, о том, чей сын по чьей дочери чахнет, как учится сельская молодежь в Баку, Гяндже, России, сколько посылок присылают своим родителям, братьям и сестрам, что присылают в посылках, и т.д. В последнее же время на эти темы словно наложили строгий запрет, обо всем этом никто не заикался.

Повседневные темы совершенно изменились. Сейчас все больше говорили о добровольческих батальонах, об азербайджанской армии, о часто сменяющейся власти, о том, какую нацию открыто поддержала ни на шаг не отходящая от них советская армия, сколько добровольцев вступили в отряды самообороны из того или иного села и т.д… В один из таких вечеров кто-то сказал, мол, вы слышали, солтанлинские купили у Щербака танк?.. Многие вздохнули так, что у остальных кольнуло в сердце.

– Что?!

– Танк купили?!

– Счастливчики!

У одного из сельчан при слове «танк» слезы градом покатились из глаз. Другой так причмокнул языком, словно рот был набит вареньем.

Окрестные армянские села были до отказа забиты боеприпасами. В отличие от азербайджанцев, армяне свободно, как в свои дома, входили в воинские части советской армии, за бутылку самогона, баллон вина покупали у них ящиками патроны, гранаты, снаряды. С помощью армянских девушек учились «кататься» на танках, водить их. Добирались до постов азербайджанской армии, батальонов самообороны и собирали важную информацию. Затем, используя эту информацию, совершали быстрые вылазки, диверсии, разрушали фермы и здания государственного значения, электростанции, мельницы, кормовые базы, расположенные в окрестностях села, отравляли пастбища, озера, словом, делали все возможное, чтобы выжить отсюда азербайджанцев.

Стемнело. Картинка на экране телевизора была четкой, а не такой размыто-серой, как давеча.

И снова свежий ветерок пронесся через деревню, неся прохладу. Все, от мала до велика, втягивали в легкие этот свежий воздух, который словно холодная родниковая вода омывал нутро.

Воздев руки к небу, люди молились: «О, Всевышний, не лишай нас этой красоты и умиротворения. Не дай нам быть изгнанными с земли наших отцов и дедов, из своих домов. Посрами наших врагов, придай сил нашим солдатам, образумь наших руководителей. Чтобы были заодно, не тянули одеяло на себя, не грызлись ради «кресла», будь оно неладно, и не срамили народ». Иные называли поименно лидеров Народного фронта и молили Всевышнего о согласии между ними.

Народ не мог понять сути большинства происходящих событий. Люди видели, что мир катится в пропасть, времена настали смутные, не осталось ничего от всего того, на чем стоял свет. В частности, люди не понимали частую смену власти в Баку, распри за должность и прочие интриги. «Да разве ж сейчас до кресла?! Вы бы сначала освободили захваченные армянами земли, а потом уже грызлись бы вволю за место под солнцем! Никто у вас ваши кресла не отнимет, нам не сдались ни должности ваши, ни посты! И гибнут, и калечатся наши сыновья! Никто из вас до сих пор и пальца не занозил! Все беды на нас свалились! Образумьтесь же вы наконец! Хватит уже грызться, как свора собак!»

Дни, полные тревоги и напряженности, сменяли друг друга. Уверенность в будущем таяла день ото дня, выгорала, как последние угольки под пеплом, не оставляя надежд на повторное возгорание очага. И поэтому у всех опустились руки. Люди чувствовали себя временными жильцами, арендаторами в своих собственных селах.

Прохладный ветерок все еще дул с гор свежим потоком. На село пока не сыпался град пуль и артиллерийских снарядов, не трещали пулеметы и не лаяли танки. В этой тишине и безмолвии не знакомому с местностью человеку даже в голову не пришло бы, что это фронтовая деревня, расположенная всего в двух километрах от позиций врага. Было бы величайшим грехом посягнуть на эту красоту, стада, спокойно пасущиеся на лугах, на пятнистых и серых пастушьих собак, преданно охранявших дома и имущество своих хозяев, мирно спящую на склоне гор деревню и ее жителей.

***

Старенький, потрепанный ГАЗ-53, дни напролет снующий вместе с хозяином на долгих грунтовых дорогах, со стоном остановился у ворот Семендера. Мусеиб воротился из Гянджи. Он вышел из машины, открыл настежь ворота, как у себя дома, и носком ботинка пододвинул камни, подперев ими створки ворот, чтобы они не захлопнулись. Он завел машину во двор и спросил, глядя на приближающуюся к нему длинную тень:

– Куда поставлю?

– Прислони к крыльцу.

Семендер, увидев, что отец, сын и водитель собираются выгружать надгробие из машины, поспешил им на помощь.

– Тяжелый! Как же вы его в кузов загружали?

– Работники цеха подсобили.

– Дай Бог им здоровья!

Выходя со двора, Мусеиб предупредил:

– Я переговорил с мастерами. Завтра в восемь утра будут на кладбище. В половине восьмого я заеду за тобой.

– Хорошо…

Надгробие было завернуто в черный полиэтилен, а поверх полиэтилена в красное свадебное одеяло – его принесла накануне перед отъездом Минара.

Когда Мусеиб уехал, Семендер увидел, что его жена, сын и дочери направляются к надгробию. Он понял: им нужно излить душу, выплакаться. Сказать им, не плачьте, слезы не вернут его, было бы жестоко. «Пускай поплачут, отведут душу», – подумал он, а сам направился к саду, под сень деревьев.

Минара с трудом сняла одеяло с надгробия, рыдая, поцеловала изваяние брата в щеки, глаза, прижалась лицом к шершавому камню, но все не могла успокоиться. Она провела руками по щекам, лбу, носу Гурбата. Что тут говорить, честь и хвала Агабале – брат словно живой стоит.

Минару насилу оторвали от надгробия.

«Видишь, я вернулся». Еще и улыбнулся. Но Минара не увидела этой улыбки. Внутри Гурбата – внутри изваяния – словно что-то оборвалось.

Минара была безутешна. Гурбат был старше нее. Она была младшей из дочерей, а Гурбат – младшим из сыновей. Они были не просто братом и сестрой, но и очень близкими, сердечными друзьями. Гурбат больше, чем кто-либо, потакал всем желаниям Минары, доставал все, что ни пожелает: книги, духи, платки, всякие сладости... Духами, купленными братом в последний раз, она больше не пользовалась, хранила как память о нем – время от времени открывала, вдыхала аромат, вспоминала брата. Потерю брата она ощущала с каждым днем все острее. Казалось, какая-то огромная зияющая пропасть приближается к ней, и этот ужас, это обостряющееся с каждым днем чувство разрушали ее мир и опустошали душу. Намедни, обнимая надгробие брата, она задрожала с головы до пят... Камень был теплым. Ей показалось, что она обняла самого Гурбата. Даже почувствовала его руки на своих плечах. Ей стало не по себе. Обернулась и снова посмотрела на него… Нет, это просто камень.

Запах, лицо, волосы, осанка брата – все было таким же, как в тот день, перед его отправкой в разведку, когда они сначала пошептались, а затем крепко обнялись за домом. «Все запомнила? Сегодня же передай! Я тотчас узнаю. Как только сердце перестанет колотиться, пойму, что ты передала». Глаза Гурбата горели, во рту пересохло от волнения. Он говорил невнятно, сбивчиво, но Минара понимала все недосказанное им. Она не хотела, чтобы брат волновался перед дорогой, часто целовала его в щеки и глаза, приговаривая: «Целую тебя и за Севду». Услышав имя Севды, Гурбат всякий раз словно хмельной прислонялся к стене, глаза его блестели, сердце учащенно колотилось. Минара очень боялась этого состояния Гурбата. Упаси Бог… «Родненький мой, клянусь, вы из деревни не успеете выйти, я прямиком отправлюсь к ним, расцелую ее. А сама скажу так…«Целую тебя за Гурбата».

Гурбат удовлетворенно улыбнулся.

– Спасибо, сестренка, кому бы я излил душу, если бы не ты? – поблагодарил он, погладив ее по волосам… Как сейчас…

…Несмотря на то, что нетерпеливый и раздраженный сигнал машины прозвучал уже в который раз, перед тем, как расстаться, они обнялись в последний раз…

И больше она его не видела…

Мать, сестра и брат тихо плакали. Они не ведали о чувствах Минары. Значит, ей привиделось. Это не ее брат, а просто изваяние из камня. Ну и что, что очень похож. «Хватит уже… Изводишь всех», – разозлилась она на себя.

Члены семьи оплакивали не только Гурбата, но и Минару. Они видели, что это горе больше всех убивало ее.

Словно ее мир обрушился, а она осталась погребенной под обломками. Она никак не могла сбросить с себя этот груз и выйти к свету. Она кричала, стенала, просила о помощи, но никто не отвечал, никто не отзывался.

Минара прислонила голову к крыльцу, словно опустилась на дно горя и печали. Горе огнем выжигало ее изнутри и снаружи.

О, возлюбленный мой брат,
Мой пригожий, статный брат,
Вот бы мне самой погибнуть,
Чем стенать, твердя: «Мой брат!»

Семендер, забредший в гущу сада, узнал Минару по голосу… Больше всех по брату убивалась она…

Все соседи в округе тоже плакали, только каждый у себя во дворе – беззвучно, безмолвно. Люди не хотели приходить к ним в дом, выражать свои соболезнования, оплакать погибшего и тем самым бередить им душу. И поэтому каждый оплакивал Гурбата у себя дома и проклинал виновников, вопрошая у Всевышнего, где же конец их страданий.

У Семендера заныло сердце от слов дочери, и он, не выдержав, разрыдался.

Домочадцы целовали портрет Гурбата и плакали. Эту фотографию, написав несколько слов на обороте, он подарил возлюбленной. «Если он подарил ей эту фотографию, – так рассуждала Минара, – значит, это его любимая фотография, а значит, именно это его изображение нужно высечь в камне для надгробного памятника». На небольшом постаменте было высечено стихотворение, которое он написал своей возлюбленной. Улыбающийся с фотографии Гурбат разрывал им сердца. «Неужели тебя нет с нами, брат?!»

Однажды мы уйдем, как будто и не жили,
Но небосвод не прекратит свой бег.
Будь счастлива, люби и будь любима,
Отрадна жизнь мне, если есть в ней ты.

– И для нас жизнь была прекрасна с тобой, пусть бы я умерла, брат! Что же нам теперь делать, как же жить без тебя?! – Минара, словно задыхаясь, дернула душащий ее воротник кофты; две пуговицы оторвались и упали.

Снова крохотная трещина пролегла внутри изваяния. Гурбат опечаленно смотрел на домочадцев. Ну почему он снова вернулся в этот дом? Разве не мог остаться в Гяндже или, как все, занять место на кладбище? Было бы лучше, если бы Мусеиб отвез его прямиком на кладбище. Так он не огорчил бы брата, сестер и родителей.

На село опустились вечерние сумерки, небо затянуло черными тучами. Забытая всеми еда подгорела на плите, заварка закипела и стекла в трубу самовара, и горьковатый дымок разошелся по двору. Ягнята, телята, буйволята, причмокивая, сосали молоко. Никто не вспомнил, что нужно подоить скотину…

Семендер развел по хлевам животных. Нубар выложила уцелевшую часть обеда собаке, в подгоревшую кастрюлю набрала воды и оставила отмачиваться. Минаввар убрала самовар. Не вспоминая о том, что с утра не выпили и глотка воды, они разошлись по дому и легли спать.

«Помоги нам, Всевышний Аллах! На Тебя одного уповаем, – шептал он про себя слова молитвы. – Пусть новый день принесет нам утешение».

Семендер, бормоча под нос, и сам не заметил, как уснул.

***

Яхья киши облокотился на холмик и погрузился в раздумья, забыв приглядывать за скотиной. Тяжелые раздумья лишили аксакала покоя. Что день грядущий им готовит? Выстоят ли они? Чем все это закончится? Почему наши солдаты не расправятся раз и навсегда с этими армянами? Ишь, как распоясались, сукины дети! Кто стоит за этими гадами?..

Затем, цокнув языком, сам ответил на свой вопрос: «Кто же еще? Советское правительство, кремлевские армяне, Горбачев, его жена Раиса. Не зря же дарили ей бриллианты в Америке!»

От безысходности и уныния он откинулся на траву. Оххх, красота! Как будто море раскинулось у него над головой, и огромную часть этого моря опрокинули на склон горы Тей. Мир утопал в зелени. Ароматы чабреца, зверобоя, розмарина дурманили, но даже в этом умиротворенном состоянии Яхья не мог оставить свои тягостные раздумья.

… Им предстояло играть свадьбу старшего внука, но времена были такие, что они не решались начать приготовления – никто не знал, каким будет следующий день. Некоторые из односельчан ездили в Джебраил и играли свадьбы там, в доме торжеств, но разве можно сравнить их с деревенскими свадьбами… Установка свадебного шатра – сама по себе целый праздник. Перед тем, как установить шатер, собирается молодежь, закапывают жерди, устанавливают лавки, натягивают брезент. Замужние женщины и девицы украшают палатку, выписывают на ковре хлопком приветствие, и всякий раз не обходится без споров по поводу правильного написания этого словосочетания – «Добро пожаловать!» или «Добро пожаловали!», а для уточнения бегут к учителю по литературе Наджафу, который поясняет, что правильно будет «Добро пожаловать!»

Аромат всевозможных вкусных блюд из медных котлов и казанов разносится по округе, люди празднуют с утра до полуночи, гуляют, едят, пьют, и как вы думаете, что?

– Да убери ты с глаз долой эту казенную водку и неси сюда тутовую водку, ту, что гнал Самвел, чтоб ему пропасть, кизиловую водку этого тюфяка Аракела, сладкое, как мед, вино Сирануш. Несите, если у кого-то осталось, имейте совесть, мужики!

В доме торжеств чувствуешь себя скованно и неуютно, как в ресторане. Тесный салон. Ни нормально яллы не станцуешь, ни другие танцы, от души раскинув руки и выставляя ноги. Сколько можно твердить детям, мол, сидите тихо, ведите себя прилично? Дети и «сидеть тихо» – это несовместимые понятия. Бедняжки, как в клетках сидят… Только бы ситуация немного разрядилась, сыграли бы свадьбу и вздохнули бы спокойно… Жизнь непредсказуема. А уж наша нынешняя жизнь тем более.

Когда Яхья киши проснулся, скотины и след простыл. Ругая себя на чем свет стоит, что, задумавшись, забыл о стаде, он побежал вниз по склону с посохом в руке.

Между Агджакендом, где проживали армяне, и азербайджанским селом Сирик издавна было общее пастбище. После того, как стало неспокойно, никто на то пастбище скот не выводил. Обе стороны остерегались, осторожничали. Вот уже долгое время пастбище пустовало. Сочные травы, пышные луга прельщали не то что животных, но и людей. «Ах, какие обильные просторы для животных!.. К вечеру каждая корова дала бы по два ведра молока». Поскольку животные понимали это лучше людей, то ринулись именно туда.

Яхья киши потерял всякую надежду отыскать стадо. Поблизости не было ни души. То было подножие села, час послеполуденный, армяне днем сюда не сунулись бы. Была бы ночь, они засели бы в засаде, как волки. Вероломство-то у них в крови.

Он снова внимательно осмотрел окрестности. Тишина… Ей-богу, кажется, ни души не видать, а животные спокойно, лениво жуют траву. «Будь какая-либо опасность, они бы почуяли. Что с того, что животные? Они все чувствуют. Боже, помоги, рискну я, отправлюсь за ними, может, посчастливится вернуться живым», – подумал он.

Он осторожным шагом направился через заросли травы к животным. Только ему удалось вытолкать нескольких коров к дороге, как вдруг двое мужчин в военной форме выскочили из травы и наставили на него винтовки:

– Шан дыга, не двигаться!

Один из ребят показался знакомым. И голос знакомый. Ну да, так и есть, это же сын Огана, который в советскую пору был председателем колхоза. Перед свадьбой они пару раз покупали у него тутовую водку.

– Эдик, сынок, это же я, дядя Яхья. Помнишь, три года назад я приезжал к вам покупать бочонок тутовой водки? Ты еще тогда сказал: «Дядя, ты же не пьешь, зачем тебе столько водки?» А я сказал, что беру для гостей сына из Баку и Джебраила. А ты сказал, что у них губа не дура, знают толк в хорошей водке. Помнишь?

Второй, нездешний и, как видно, более полномочный, сердито спросил:

– О чем он говорит?! Знаешь его?

– Да, – сказал Эдик, – это отец Мурвата, сельского лидера Народного фронта.

– Вот как!.. Дорогой товар! Нам пригодится. А ну-ка шагай вперед!

Последние слова он произнес на русском.

Яхья киши смиренно улыбнулся:

– Эдик, ведь мы хлеб-соль делили…Отпустите меня.

Эдик пробубнил под нос:

– Не имею права. Ступай, не упрямься! Иначе он тебя прямо здесь прикончит!

«Вот тебе на!.. Кажется, дела плохи». Хотя ноги отказывались идти, он смирился с судьбой и побрел впереди них.

Их ждали в старом, с ветхим крыльцом, здании, где некогда была контора председателя колхоза. По дороге бородатый армянин несколько раз говорил по рации. Яхья киши понял, что этот человек сообщает своим о нем.

В кресле председателя сидел мужчина. Он тоже был бородат, но по опрятной одежде, сдержанной манере поведения и речи Яхья киши догадался, что это их главарь. На протяжении всей беседы только он задавал вопросы, делал записи в блокноте и посматривал на лежащую перед ним карту. Говорил он по-русски.

– Кто такой?

– Меня зовут Яхья. Я из села Сирик, – ответил он по-азербайджански.

Один из стоящих рядом переводил. Яхья киши узнал и его. В прежние дни он работал бригадиром по зерну. Они часто с ним сталкивались. Сейчас же он прикидывался, будто не узнает его.

– Что ты делал на нашей территории?

– Если честно, эти места никто никогда не называл «нашими-вашими». Сколько себя помню, мы всегда жили мирно, по-добрососедски. Это же все азербайджанские села, не так ли?

Как только переводчик сказал это, сидящий в кресле разгневался, прервал на полуслове переводчика и что-то сказал ему. Переводчик поднялся со стула и с размаху ударил Яхья киши кулаком по уху:

– Еще раз ляпнешь ерунду, пристрелят на месте! Еще не известно, чьи это территории – Армении или Азербайджана! Отвечай на вопросы конкретно и по существу!

– … Скотина моя забрела сюда, я пришел за ней…

– В вашем селе есть солдаты азербайджанской армии?

Яхья киши задумался. Какую позицию ему занять? Не отвечать на их вопросы, обругать их, плюнуть им в лицо и погибнуть смертью храбрых или...?

На столе была раскрыта карта их села. Как на самой карте, так и на ее полях было сделано множество заметок армянским алфавитом. Кажется, информации у них было предостаточно. Вдруг ему в голову пришла идея. «А давай-ка я припугну этих гадов. Что бы он ни спросил, буду отвечать, преувеличив все».

– Есть.

– Сколько человек?

– Много. Два дня назад прибыли еще и омоновцы.

На самом деле из района приезжал начальник полиции с группой полицейских для изучения ситуации, и к утру они вернулись обратно. Но армяне не видели, как они уезжали. Один из сидящих во главе стола кивнул «хм». Все сходилось.

– Танки есть у вас?

– Один БТР и один БМП (на самом деле не было).

– Снарядов много?

– Было немного. Пару дней назад значительно пополнили запасы.

– А оружия у вас сколько?

– Тоже достаточно… – протянул Яхья киши многозначительно.

Ему задали еще несколько вопросов. На вопросы о настрое людей, запасах провизии, Яхья киши ответил точно так же. Поскольку он говорил спокойно, все обошлось благополучно.

– Уведите его, держите в надежном месте, он нам еще пригодится, – сказал бородатый мужчина, прибывший из Иревана.

Он уже выходил было из комнаты, как вдруг Аветис спросил с ухмылкой, так, что у него заныло сердце.

– Яхья киши, как там «Нива» Мурвата, в сохранности еще? Скажи, чтобы бережно с ней обращался, она мне пригодится.

– Мурват, слава богу, сам еще не помер…

– Когда мы нападем на вас и перережем всех, от мала до велика, Мурвату она уже не понадобится. Все ваше имущество достанется нам. Или он собирается и на том свете гонять по нашему селу на «Ниве» и подмигивать нашим девкам? Нет уж, не видать вам больше такого!

«Будь ты проклят, Аветис! Ты посмотри, что удумал этот ублюдок! Дай только вернуться живым, уж я заставлю Мурвата вырвать тебе язык!»

Под обрушившимся на спину ударом приклада автомата он ничком повалился на пол. В глазах потемнело. Его выволокли из комнаты, схватив за ноги.

***

Утром он проснулся от мучившей его жажды. Во рту так пересохло, что он не мог говорить. Спина затекла. От тупой боли чуть ниже шеи перехватывало дыхание, казалось, ему размозжили кость рукояткой топора и сделали горячую припарку. Шею и спину так раздуло, что, оборачиваясь направо и налево, он испытывал адские муки. Молодой армянин, вошедший в комнату, – второй, бородатый и вооруженный стоял у двери, – положил перед ним чашку с водой и кусок хлеба с сыром.

– Велели есть. Снова позовут.

Он приблизил чашку к губам. О чем-то подумав, остановился, макнул палец в воду, понюхал, помедлив, осторожно намочил губы, затем попробовал на вкус. Кажется, не отравлена. Сделал один глоток: нет, все нормально, чистая. Сначала он прополоскал рот и горло, затем выпил половину, съел хлеб с сыром и, выпив оставшуюся воду, стал ждать.

На сей раз его отвели в другую комнату. Теперь допрашивали местные. Вопросы были больше бытового характера. Чьи легковые автомобили находятся в селе, у кого сколько осталось скота, кто из жителей переселился в Баку, Гянджу, у кого сколько ковров, телевизоров, холодильников и т.п. Бородатые люди из Иревана, получая неудовлетворяющие их ответы, пинали и оскорбляли Яхью киши. Жители села Агджакенд остерегались бить его, полагая, что еще не известно, каким будет исход событий: знали, что если победят азербайджанцы, тогда им всем ой как не поздоровится! Они благоразумно думали о будущем, чтобы если фортуна вдруг повернется к ним спиной, они могли сказать, что приехавшие из Иревана не были в их подчинении, и от них порой доставалось и своим.

Яхью киши снова, подталкивая прикладом автомата, отвели в старый колхозный амбар, связали руки за спиной бечевкой и начали пинать. От удара в живот старик согнулся пополам, от боли свело нутро. Он обратился к особо усердствующему Аветису:

– Слушай, Аветис, мы с твоим отцом Артуром пуд хлеба-соли съели! Не будь же ты нелюдем! Я ни в кого не стрелял, никого не убил! Скотина заблудилась, я пришел за ней... Зачем же вы убиваете меня? Будьте же вы людьми!

Аветис ответил по-армянски, хотя очень хорошо знал азербайджанский язык. Приехавшие из Иревана дали твердое указание, в их присутствии с тюрками говорить по-армянски, чтобы не было необходимости в переводе. Вы, мол, много лет живете по соседству, они тоже более-менее знают армянский, так что поймете друг друга.

Аветис остервенело кричал, мешая армянские и азербайджанские слова, выплескивая накопившуюся годами ненависть.

– Турки шандыга! Мы-то люди, это вы – нелюди! Всю жизнь вы стояли нам поперек горла! Годами мы пахали на вас, строили вам дома, ремонтировали двери, окна, рыли каналы! Вы прибрали к рукам наших самых красивых девушек, а нам оставалось только смотреть на это! Хватит! Вы стократно, тысячекратно поплатитесь за все унижения, которые мы испытали на протяжении всей истории! Мы больше не одни! Мы не боимся ни вас, ни Турции! История дала нам шанс! Мы должны уничтожить, искоренить вас, чтобы наши будущие поколения могли жить спокойно!

Один из бородачей из Иревана выхватил автомат и хотел было пристрелить Яхью, но Аветис не дал ему сделать этого.

– Я же сказал, его сын – влиятельный человек в деревне. Если узнает, что мы убили его отца, нападут на нас и уничтожат всех! И так давно ищут повода! Не надо их раздражать! Вы что, тюрок не знаете?! Посмотрим, на что будем обменивать.

Яхья киши, почувствовав, что избежал беды, вздохнул с облегчением. «Ну уж нет! Нужно улучить момент и бежать. Эти изверги могут передумать в любой момент. Погляди, как они изменились! – подумал он. – Ребенок, который каждый раз бежал навстречу и бросался в мои объятия, нынче стал отъявленным бандитом! А ведь любил меня больше своего отца».

Было уже за полдень. Развязать бы руки... Он огляделся вокруг, попытался пошевелить руками, запястья саднили от веревки. Ползком подобрался к двери. Дверь была подперта огромным листом железа и двумя тележками на колесах с кучей металлолома. Он заглянул в щель деревянной двери в поисках кого-нибудь из старых знакомых, чтобы подозвать его и сказать: «Слушай, имей совесть, развяжи меня и отпусти домой», и чуть было глаз не выколол: из щели деревянной двери торчал острый край железа, подпирающего дверь. В темноте он поначалу не увидел его и чуть не лишился глаза. Нижняя часть брови была слегка поцарапана и, кажется, кровоточила. «Черт побери! Хорошо еще уцелел. Бог миловал, видать, за какой-то благой поступок», – подумал он.

Вечерело. Вокруг стояла тишина. С севера надвигался густой туман. Яхья киши прослезился от радости. «Господи, помоги!» – сказал он, поднимаясь на ноги. Он повернулся спиной к двери, нащупал острый конец той самой железяки и стал тереть веревку об него. Ага... похоже, руки постепенно освобождались. Еще немного... еще чуть-чуть... «Боже, хвала Тебе!»

Он осторожно потянул дверь на себя. Дверь открывалась наружу. Желание жить взяло верх. Собравшись с силами, он отодвинул дверь и выскользнул наружу.

Огляделся, прислушался. Стояла такая тишина, что ему показалось, что он оглох. Вокруг не было ни души. Немного подумав, он понял, где находится. Он знал каждый уголок села, ведь он бывал в этих краях чуть ли не каждую неделю. Он осторожно забрался на одну из крыш, сориентировался и, чутко прислушиваясь, двинулся в путь.

Мурват с небольшим отрядом сидел на вершине холма и ждал полного наступления темноты. Во тьме он мог войти в деревню с добровольцами и выяснить, где отец. Он думал либо совершить внезапный набег и спасти отца, либо взять кого-нибудь в плен и предложить обмен. Были и другие варианты. В любом случае перестрелка была неизбежна. Если армяне их увидят, без боя не обойдется.

Рука, коснувшаяся его плеча, отвлекла Мурвата от мыслей:

– Чего тебе?

– Взгляни-ка туда…

Через долину, вдоль реки Чахмак бежала какая-то тень. Мурват повернул бинокль в ее направлении. Сердце чуть не вырвалось из груди:

– Отец!

Его люди, схватив автоматы, заняли позиции. Мурват двинулся в сторону отца. Окликнул его издалека.

– Отец! Это я, Мурват, Мурват…

Яхья киши узнал голос сына и побежал на звук. Расчувствовавшись, бросился к нему в объятия:

– Сынок, Всевышний помиловал, мне удалось сбежать! Эти ублюдки вконец остервенели! Убить хотели! Отчего-то передумали, отложили до завтра.

– Кто там был?

– Много их, и все вооружены! У них один танк. Из Иревана прибыло много бородачей. Кровопийцы – похлеще местных! Пойдем! Об остальном расскажу дома.

Отряд тоже спустился к ним. Поздравили Мурвата и Яхью киши. Возвращение старика было настоящим чудом. Оставаться там и дальше было бессмысленно, и они вернулись в деревню по оврагу.

***

В приемной начальника районного отдела полиции вокруг печи собралась группа полицейских и несколько гражданских лиц. Не соблюдались уже, как прежде, какие-то правила, очереди, приемные дни и часы. Все прибывшие прямиком входили в приемную начальника. Начальник и сам не особо придавал этому значения. Рашид муаллим был человеком мудрым. Общее горе, проблемы, нехватка оружия породнили всех, упростили отношения.

Люди протягивали руки к печи, разминали пальцы, потирали руки, чуть не прижимая их к раскаленному железу. Гражданские лица прибыли из разных деревень, как и Гурбат, за оружием. Была дана команда «ждать», но это ожидание слишком затягивалось. Алисахиб муаллим из села Солтанлы не выдержал: «Вот что значит заживо убивать… Да придите уже хоть кто-то!..»

Начальник был в одном из отдаленных приграничных районов. Не похоже было, что вернется скоро. Оставалось надеяться на заместителя начальника Вагифа Магеррамова. Но его тоже не было на месте. Алисахиб нервничал, встал, чтобы выйти во двор, и потянулся к дверной ручке, но дверь, как в сказке, отворилась сама. На пороге стоял заместитель начальника. Он был взволнован и возбужден. Как ни старался сдержаться, не смог, голос его задрожал.

– Ребята, поступило сообщение о нападении на милицейский пост в Замзуре! Армяне нагрянули с большими силами! Поторопитесь, срочно выезжаем!

Тут же Алияр, Нураддин, Шикар, Валияддин, Надир, Али, Эльшан, Тофик, Забит и еще несколько молодых людей, недавно поступивших на службу в милицию, выбежали на улицу. Все бросились к автобусу, поджидавшему их во дворе участка. Ввиду неопытности и горячности Магеррамов отстранил от группы новичков:

– Вы погодите собираться. Рано вам еще!

Молодежь запротестовала. Заместитель начальника нахмурился:

– Выполнять приказ!

Ребята словно только очнулись:

– Есть выполнять приказ!

Хоть и неохотно, они вернулись в отделение. Гурбат тихонько подошел к Магеррамову.

– Начальник, разрешите мне ехать.

– Ты кто, сынок?

– Я из села Сирик, меня называют Гурбат-артиллерист.

– А, из отряда Мурвата?

– Да.

– Оружие имеешь?

– Нет, потому я и подошел к вам. Есть у нас одна старая пушка. Из нее один раз выстрелишь, потом целый час нужно ждать, пока остынет. Не годится она. Командир велел мне прийти к вам и попросить от его имени у вас...

Заместитель начальника поморщился.

– Сынок, это не мое личное оружие и не арбузы, чтобы я раздавал его всем подряд. Мы тоже ожидаем сверху и приказа, и оружие…

– Дядя Вагиф, прошу тебя, не отправляй меня назад с пустыми руками. Иначе в деревне я не смогу показаться на глаза ни командиру, ни товарищам. Меня прозовут никчемной раззявой. Заодно и в деле меня испытайте. Я…

Такая искренняя настойчивость юноши смягчила Магеррамова. Он слышал об этом пареньке, и, как он сам сказал, настало время испытать его в деле. Заместитель дал указание провожающему их начальнику отдела снабжения, стоящему рядом:

– Ступай и оформи на имя этого парня гранатомет, который мы давеча взяли у армян в бою. – Затем обернулся к Гурбату и сказал: – Смотри, говорю тебе сразу, если отличишься, унесешь это оружие к себе в село. Иначе…

Гурбат не смог сдержаться и бросился на шею заместителю начальника:

– Спасибо, спасибо, дядя Вагиф! Вот увидите…

Магеррамов сменил тон:

– А ну смирно! Отставить нюни! Это что такое?! Ты где себя возомнил?!

Гурбат вытянулся стрелой. Со слезами на глазах посмотрел на майора милиции. «Боже, я все испортил! Хоть бы не передумал».

К счастью, заместитель начальника не успел передумать – вернулся начальник отдела снабжения с двумя снарядами и гранатометом.

– Ну так что, сдаю, начальник?

– Пусть подпишется и забирает.

Гурбат присел на корточки, раскрыл регистрационный журнал на колене и поставил подпись. Затем, не сводя глаз с Магеррамова, взял оружие и прижал его к груди.

– В автобус! – скомандовал начальник.

Гурбат сорвался с места, как ужаленный. В автобусе все заулыбались.

***

В беспросветной тьме робко сверкали редкие огоньки Замзура. То были не электрические лампочки, а редкие керосиновые лампы. Беженцы из Иревана, живущие в вечной тревоге, не включали по ночам свет, чтобы не превратиться в легкую мишень. Плохо зная места, где они поселились, люди жили с ощущением крайней беспомощности и неопределенности. Позиции армянских боевиков находились в двух шагах. Пахать, сеять, косить, сажать деревья было немыслимо; не было никаких гарантий, что они будут жить здесь еще сколь-нибудь долго.

Автобус, взяв направление, медленно двигался вперед. Все пассажиры были в боевой готовности, пальцы на курках. Каждую секунду поджидала угроза. В любой момент их могли заметить и начать обстреливать. При таком раскладе они должны были ринуться наружу не только через дверь автобуса, но и через задние и боковые окна и начать отстреливаться. Отряд повидал множество таких операций. Магеррамов хорошо знал своих людей. Беспокоил его только Гурбат. Он вспомнил его слова: «Испытайте меня…». «Ну, что ж, испытаем», – подумал он.

Чуть-чуть не доехав до милицейского поста, начальник, о чем-то подумав, остановил автобус.

– Мужики, выходите. Дальше пойдем пешком.

– Почему, начальник?

Хотя это и противоречило военному уставу, в силу того, что все были земляками, односельчанами, порой фамильярные расспросы и разговоры воспринимались нормально. Хотя это и противоречило военному уставу, начальник закрывал на это глаза. Сплоченность народа, всенародное сопротивление общему врагу, соблюдение определенных традиций, уважение к старшим и т.п. порой приносили больше пользы, чем суровые уставные отношения. К тому же вопросы, задаваемые в таких условиях, были необходимы для понимания тактики предстоящего боя. Заместитель начальника объяснил:

– На нашем посту горит свет, но условного знака нет. Его знаем только я, начальник и ребята, бывшие на посту, – последние слова он произнес с нескрываемой печалью. – Кажется, случилось несчастье, ребята погибли...

У всех засаднило в груди. Сдавленный стон Надира потряс полицейских: его старший брат дежурил на посту.

– Разделимся на три группы. По центру, впереди пойду я. Со мной пойдут Алияр, Шикар и Гурбат. Надир, ты со своим отрядом будешь следовать за нами слева, Валияддин, а ты со своим справа. Я пройду вперед – на десять метров. Затем последуют Алияр, Шикар и Гурбат. Остальные группы в таком же порядке. Дороги могут быть заминированы. Поэтому мы не пойдем ни по главной дороге, ни по грунтовой, что справа. Держимся тропинок. По дороге, что в стороне Джебраила, увидите одинокую грушу, справа… – товарищи закивали. – Там и встретимся. Подберусь поближе, взгляну в бинокль на деревню и наш пост, определюсь с планом и всем сообщу. Сначала узнаем, как дела на нашем посту. А затем поглядим, что там в деревне.

В освобожденном от армян селе Замзур были размещены изгнанные из Армении азербайджанцы. Ни у кого из них не было оружия. Хотя они несколько раз посылали к начальнику просить оружие, обеспечить их оружием не было возможности. В отрядах самообороны на двоих бойцов было одно испорченное ружье, где уж им было обеспечить оружием и беженцев?! В последнее время группировка Ованеса Симоняна вконец распоясалась в этих краях. Боевики прибывали на одном БТР и располагались прямо на вершине холма. Это был проверенный метод, чтобы навести страх на людей. Люди думали, что еще пять-шесть танков стоят позади первого. Завербованные за рубежом наемники вместе с местными армянами-бородачами вторгались в села, грабили, разоряли дома, уводили скот. Пытающихся оказать сопротивление убивали на месте – либо расстреляв, либо проломив голову прикладом автомата.

Банда Ованеса напала на пост со значительными силами. В двухчасовой перестрелке они убили четверых азербайджанских милиционеров, а затем надругались над их телами. Небольшая группа вторглась в деревню и предупредила, что любой, кто выйдет из дома, будет расстрелян на месте. Чтобы не подвергать опасности своих жен и детей, мужчины села попрятали их в подвалах домов, а сами, вооружившись чем попало – вилами, лопатами, – встали наготове, охраняя свою честь: «Только через наш труп…»

Отсутствие оружия ставило этих мужественных людей в унизительное положение – они не могли смотреть в глаза своим женам и детям. Лишь отсутствие оружия делало храбрецов, в одиночку бьющихся против десятка армян, беспомощными перед лицом врага. Не имея возможности выплеснуть эту ярость, они обращали ее внутрь; гнев огненной лавой кипел в их душах. Они предполагали, что перестрелка шла вокруг поста азербайджанской милиции, но не знали о конкретной ситуации, и потому выйти из дома было равносильно игре со смертью. Давеча коза Хамида вышла за ворота, а армяне, приняв ее за человека, изрешетили и животное, и ворота, и тот самый дом. Дорога, ведущая в Замзур, справа от грушевого дерева была заминирована. Проехав еще немного вперед на машине, они неминуемо подорвались бы.

Оставалось еще немало пути до грушевого дерева, как вдруг впереди мелькнул всего на мгновение огонек. Кто-то из армянских боевиков закурил. Вслед за тем кто-то жестко выругался, послышался звук пощечины, кажется, главарь банды влепил ее закурившему.

– Ах, вы, сукины дети! Глянь, какую засаду устроили! Ждали нас не на посту, а далеко впереди – на подъезде в село. Ребята, планы изменились! – немного подумав, он дал распоряжения: – Надир, ты возвращайся обратно. Сообщи следующим за нами, чтобы не приближались к грушевому дереву, армяне устроили там засаду. Пусть ждут моего знака.

Надир на спине соскользнул с пологого холма вниз. Затем Магеррамов подозвал к себе Гурбата.

– Ты запомнил, где был огонек?

– Запомнил, дядя Вагиф.

Вагиф скривился. Гурбат почувствовал это по затянувшейся паузе.

– Если сможешь попасть снарядом точно в то место, по возвращении уйдешь домой с гранатометом.

– Родной мой, дядя Вагиф! Не беспокойся, сейчас увидишь!

Майор хотел было одернуть Гурбата, мол, «Не дядя Вагиф, а командир!», но передумал.

– Шикар, как только я скажу «три!», открываем огонь.

Шикар приложил руку к глазам и подправил ножки пулемета. Гурбат стоял в центре. Он поудобнее устроил гранатомет на плече. Магеррамов прижал к груди автомат, прильнул губами к холодному стволу и поцеловал.

Этого внезапного огня армяне не ожидали. Снаряд Гурбата попал прямо в цель. Крики, вопли, ругань раздавались, казалось, прямо возле них.

– Ты ж мой родненький! Ну, все, возвращаться тебе в село с гранатометом!

Армянские боевики быстро пришли в себя и сгруппировались. На них с трех сторон сыпался град из пуль. Они и голов поднять не смели.

– Как же их, сукиных детей, много!

Со стороны дороги не стреляли. С противоположной же стороны – со склонов поток пуль был беспрерывным. Минирование дороги подтвердилось. Продвигаться вперед не имело ни смысла, ни пользы. Явно ощущалось численное превосходство врага. Выстрелы слышались совсем рядом. Нужно было отступать. Магеррамов снова отдал распоряжение.

– Спускаемся под скалу над грунтовой дорогой. Если вернемся тем же путем, которым пришли, они увидят нас и откроют огонь. Как только открываете огонь, немедленно меняйте позицию, иначе подстрелят. Чаще меняйте позицию. Шикар, прикрой меня. Я первый, вы за мной! А я буду стрелять поверх ваших голов и прикрывать вас. Да смотрите, не поднимайтесь во весь рост!

Магеррамов осторожно соскользнул вниз. Пулемет Шикара стрекотал без остановки. Голоса армян послышались еще ближе. Магеррамов занял позицию и окликнул:

– Шикар, Гурбат, Алияр, сюда! – сказал он и, подняв автомат повыше, с места, где лежал, опустошил обойму.

Все четверо спустились в устье горной реки, текущей под скалой. Вода была ледяной, но им пока было не до этого – слишком велика опасность быть обнаруженными. Главное теперь было выжить, замерзнуть – это пустяки. Армяне расхаживали на скале и не видели их. Спускаться со скалы – опасно. Можно было спуститься по одному, но никому бы этого не хотелось. Каждый из них думал: если азербайджанцы спрятались там, то спускаться туда – верная смерть. Не успеют коснуться ногами земли – получат пулю. Ну а если их там нет, то какой смысл смотреть вниз? Пусть валят к черту. Все думали так, но никто не осмелился сказать об этом вслух. Прояви кто-нибудь инициативу, ему самому велели бы: «Вот ты и спустись, проверь!»

– Не вздумайте шелохнуться, даже если обморозите пальцы! По всплеску воды они прознают, где мы, – предупредил Магеррамов шепотом.

«Интересно, как там Надир, Валияддин и их люди?» Издалека доносились звуки пулеметной очереди. Шел бой, но в каком направлении? Выяснить это было невозможно. Они были далеки от обоих отрядов.

Сначала заныли пальцы ног, затем онемели. Они стояли, прижавшись плечами к влажным стенам скалы, и были похожи на замерзших людей, опирающихся на костыли. Армяне наверху шептались о том, куда они могли подеваться. Единственным местом внизу, куда можно спрятаться, было устье реки, но никто не осмеливался спускаться по скользкому склону, и потому они грызлись между собой, ворча и матерясь, как стая шакалов. Спуститься с крутого, твердого и скользкого склона было невозможно. Осмелившийся спуститься в устье реки, рисковал сорваться со скалы и, искалечившись, стать пищей диких зверей. Однако Вагифа и его отряд это не остановило. Перспектива попасть в плен к армянским головорезам и умереть страшной смертью делала их риск оправданным.

Армяне еще немного постояли на скале, высматривая их, и ушли. Их голоса утихли вдалеке...

***

Постепенно светлело. Вагиф посмотрел на Алияра и Гурбата. Алияр, как более закаленный, был относительно спокоен. Они с Вагифом прошли множество испытаний. Он мужественно стоял, ничем не выдавая своего состояния. На щеке Гурбата заледенели слезы. Он не плакал. Глаза слезились от холода. Он с улыбкой смотрел на Магеррамова. Вагиф сунул руку в нагрудный карман и вынул серебряную вещицу, похожую на портсигар, какими пользовались старики, медленно отвернул крышку и откинул набок. Гурбат, недоумевая, посмотрел на Алияра. Алияр, слегка подрагивая плечами, тихонько смеялся.

– Вода? – спросил Гурбат. Не сумев найти объяснение смеху Алияра, с удивлением скривил губы: – Как можно пить воду в такую холодину?

Алияр на всякий случай прикрыл рот. «Боже, да он совсем еще дитя!» Он хорошо знал своего командира и эту всегда бывшую при нем 200-граммовую фляжку, наполненную тутовой водкой. В холодную погоду, отправляясь в разведку или в бой, Магеррамов всегда брал ее с собой, и всегда она приходилась кстати.

– Глотни, согрейся, – сказал он, протягивая фляжку Гурбату.

Гурбат не хотел было брать, из уважения к традициям, мол, сначала старшим, но Вагиф настаивал:

– Пей, говорю тебе! Попади она сначала в руки Алияру, там ни капли не останется, а ты закоченеешь здесь. Так что бери, не прибавляй мне забот! Поторопись! Ты что, хочешь замерзнуть и помереть?

Гурбат взял фляжку. Два глотка обожгли ему горло.

– На вот конфету. Рассасывай, не глотай сразу!

Следующий глоток основательно его согрел. Он почувствовал приятное тепло, разливающееся по всему телу. Затем отпил еще несколько глотков. «Ох, как хорошо я согрелся!» Затем сунул в рот наполовину развернутую конфету. Шикара не пришлось просить дважды. Облизнув губы, он сказал:

– Ай, спасибо, командир!

Алияр от конфеты отказался: «Как можно портить такой нектар закуской?!»

Оставшееся допил командир. Конфету, предназначенную для Алияра, сунул в рот. Все немного отогрелись, пришли в себя.

Рассвело. Ориентироваться стало легче. Они точно определили свое местонахождение, а затем осторожно выбрались из устья. Выстрелы вдалеке участились. Армяне бежали. Из района к нашим прибыла подмога, но они не могли активно наступать. Танк отступал, открыв огонь по милиционерам и прикрывая отступающих бородачей. По сути армянские боевики проходили на глазах у Вагифа и его отряда. Можно было немного приблизиться и открыть огонь, но армян все же было больше – если бы атаковали их, пришлось бы вступить в неравный бой. А тут еще и танк. Командир положил руку на плечо Гурбата.

– Давай, дорогой, прояви себя!

– Расстояние слишком велико, дядя Вагиф. Надо немного приблизиться.

– Тогда пошли!

Омоновцы, прибывшие из района, заметили Вагифа и его отряд. Если бы они спугнули бородачей, и те развернулись, чтобы бежать, непременно обнаружили бы их и наверняка никого бы не оставили в живых. Ах, если бы не этот танк…

Увидев, что отряд Вагифа приближается к армянам, омоновцы удивились. «Что они задумали? Если армяне увидят…»

– Эй, кто этот присевший гранатометчик?

– Это Гурбат-артиллерист. Воевал на фронте в Физули. Родом из села Сирик.

– Он что решил, танк подбить? А если промахнется?..

Все замолчали. Командир омоновцев приложил руку к губам. Бойцы на занятых позициях, затаив дыхание, стали выжидать. В этот момент и Гурбат, глубоко вздохнув и установив гранатомет на плече, положил палец на курок в ожидании благоприятного момента. Армяне также заподозрили неладное в странном затишье и начали озираться. Вдруг они увидели гранатомет, нацеленный на танк. Только начали вопить, снаряд вылетел из дула и устремился в цель. Танк загорелся ярким пламенем. Магеррамов кинулся на Гурбата и повалил его наземь. Пули градом свистели у них над головами. Все это не заняло и минуты. Милиционеры и прибывшие на подмогу двинулись на армянских боевиков. Армяне предпочли бежать, чем наступать на трех человек и убить их, потому что так они сами могли угодить в ловушку и погибнуть. То, что танк был подбит, окончательно решило исход боя.

***

С ночи под грушевым деревом оставалось пять трупов. В суматохе были застрелены еще несколько человек в окрестностях. Всех удивил труп афроамериканца. «Наемник, – произнес сквозь зубы Шикар, – сукин сын!»

На ногах у афроамериканца были новенькие солдатские ботинки с коротким голенищем на высоком каблуке и со стальным носком. Шикар подошел к трупу.

– Чертовски хорошие ботинки, такие носят солдаты НАТО. Это я забираю, – сказал он и снял сапоги с трупа. Он надел их, завязал шнурки, прошелся туда-сюда и попрыгал:

– Ох, какие удобные!

– Вот и трофей, – пошутил кто-то.

Только Шикар хотел ответить, как вдруг послышался крик Надира.

– О, Боже! Брат, мой брат! Что же я матери скажу?! Она отречется от меня!

Надир сам помог устроить брата на работу в милицию.

Магеррамов скомандовал:

– Загрузите тела в машину, на которой прибыли омоновцы. Пусть сначала повезут их, а мы пойдем вслед за ними.

На поле боя осталось много боеприпасов, брошенных врагом. На сей раз в качестве трофеев были взяты шесть автоматов, три гранатомета, два ящика гранат, автоматные обоймы, пулеметные ленты и т.п. А кроме того, множество красивых банок в двух солдатских мешках. Это были различные мясные консервы и салаты в эмалированных банках производства Германии и Франции. Качественный товар. Магеррамов знал, что наемников и иреванских армян постоянно снабжают таким продовольствием. Они и раньше видели эти баночки, когда возвращали села Джебраила, оккупированные армянами. Тогда, кроме консервов, среди трофеев были даже кофе и дорогие сигареты... Европейцы весьма неплохо снабжали армян.

Снизу – со стороны села к ним направлялась группа людей. Это были новые жители Замзура – азербайджанские беженцы из Иревана. Первым выступил вперед старик и поприветствовал их. Затем он прочел молитву «Фатиха» за упокой душ усопших. Он огляделся и безошибочно определил, к кому обращаться – подошел к Вагифу Магеррамову и беспомощно развел руками.

– Отныне мы не сможем здесь жить, сынок. Этот выродок Ованес не успокоится, пока не отомстит нам троекратно. Мы всякого повидали на своем веку. Не думайте, что мы говорим так от страха. Будь мы трусами, не смогли бы годами жить с этими упырями бок о бок в постоянной борьбе. И всегда побеждали мы. Кого нам было бояться на своих землях, в своей стране?! А теперь мы безоружны, сынок, и наша храбрость не поможет нам выстоять перед автоматами, пулеметами, танками. Либо дайте нам оружие, чтобы мы могли защищаться, либо вечером присылайте за нами машины, соберемся и отправимся, как говорится, куда ноги, туда и голова. И передайте там, в Баку, беспрестанно грызущимся, проклинающим друг друга, собирающим очки за наш счет, чтобы не делали из нас пушечного мяса. Мы с четырех сторон окружены армянами.

Магеррамов растерялся. Увы, все было так, как описал аксакал, и с этим не поспоришь. Банда Ованеса непременно будет мстить. Да, сегодня они заняли пост, но все равно там разместят всего четыре милиционера. Нужно было либо увеличить число людей на посту, либо эвакуировать население.

– Аксакал, я вас понимаю. До темноты я сообщу вам, как мы поступим.

Прибывшие, все так же глядя с беспокойством и отчаянием во взорах, вернулись обратно. Одно они знали точно: им снова предстоит стать беженцами.

***

Во дворе отделения Магеррамов обнял Гурбата, стоявшего с перевязанной головой (пулей царапнуло) и перепачканным копотью лицом, и сказал:

– Гурбат, я серьезно, давай мы тебя в милицию устроим! Рашид муаллим не будет против. Подробно доложим о твоем сегодняшнем героизме министру, напишем рапорт, получишь звание.

Товарищи по оружию подошли поближе и обступили Гурбата, похлопали по плечу. Этот смуглый деревенский парнишка за один день вырос у всех в глазах. Все уже знали о его давешних метких ударах. Конечно, такой меткий стрелок был бы гордостью каждого отряда. Он, опустив голову, молча слушал Магеррамова, чем крайне удивил столпившихся вокруг него людей. «Что может быть лучше? Чего это Гурбат думает-гадает? И зарплата тебе, и звание… Что ему еще надо?»

– Дядя Вагиф… – весь отряд, да и сам Магеррамов, рассмеялись, услышав это робкое обращение. Вот уж действительно – дитя. Он и впрямь совсем еще ребенок, если все еще не чувствует неуместность подобного обращения к старшему по чину, не осознает важности этого условия военного устава.

– Ты уже два с лишним месяца на службе. Забыл, как положено обращаться к командиру?

– Здесь же все свои. И я же вас знаю…

– Говори, ладно, что хотел сказать.

– Коли вы хотите вознаградить меня… – сказал он, запинаясь, – Бога ради, не сочтите наглостью…Дайте мне и один из трофейных автоматов, и позвольте воротиться в село. Сирик ждет оружия.

Все задумчиво опустили головы. Все знали о ситуации в селе и о том, что люди были почти безоружны. Винтовки были на вес золота. Она бы очень пригодилась сирикцам. Нынче оружие в Сирике было жизненно важной ценностью, равной по значимости воздуху, воде и хлебу. По настрою собравшихся Магеррамов увидел, что они не против. Гурбат двумя точнейшими выстрелами сыграл решающую роль в возвращении Замзурского поста, а также в уничтожении танка. Можно было бы поговорить с вышестоящими и решить вопрос на законном основании. Но парнишка смотрит с такой мольбой во взгляде, словно если услышит «нет», упаси Бог, сердце остановится. Нет, нельзя обижать этого отважного парнишку.

– Хорошо, – сказал Магеррамов, – зовите начальника снабжения, оформим все законно.

– Спасибо, дядя Вагиф, родной ты мой! – обнял Гурбат своего нового командира и расцеловал. «Дядя Вагиф» тоже его обнял и поцеловал.

Никто даже не обратил внимания на нарушение военного устава.

***

Гурбат, как и его сверстники, состоял в батальоне самообороны. У него и прозвище было, и должность: Гурбат-артиллерист! Он был очень метким стрелком. Армяне, как огня, боялись его орудия. Они узнавали его по звуку.

Последняя его встреча с родителями прошла второпях, почти что на бегу. Они собирались в разведку. Командир велел всем перед отправкой в разведку навестить домашних. Ребята с удовольствием согласились. Их привезли в село на грузовой машине. Времени было отпущено час. Все тотчас разбежались по домам.

День медленно клонился к вечеру. Тени разрастались. Поля и сенокосы опустели, а во дворах и домах слышались голоса вернувшихся с работы людей. Уже начали дымить самовары. Котлы стояли на очагах. По всей улице витал смешанный аромат различных блюд.

Первой его заметила Минара.

– Брат вернулся! – крикнула она и побежала навстречу Гурбату. Вслед за ней вышли навстречу Гурбату и остальные домочадцы. Семендера не было дома. Он отправился в сельсовет разузнать новости. Сирикцам давно обещали два танка. Вернее, никто не собирался просто так выдать им танки – они должны были скинуться всем селом и купить их в Гяндже у дивизии Щербака. Деньги давно уже были собраны. Эти два танка были необходимы селу, как воздух и вода. На танке гораздо проще спокойно объехать позиции, выявить местонахождение окопов, где скрываются армяне. Правда, и танк могли подбить из гранатомета, но это уже было вопросом везения.

К приходу Гурбата Нубар успела вынуть хлеб из тендира, не то увлеченные встречей и расспросами, они забыли бы о нем, и хлеб подгорел бы.

Все вышли во двор. Гурбат отломил кусок хлеба:

– Ох, как пахнет хлеб! Так пахнет только мамин хлеб.

– Ешь на здоровье, мой родной, мой хороший! – захлопотала вокруг сына Нубар. – Сынок, присядь, не торопись так! Я приготовила чыхыртму из цыпленка, поешь досыта, потом отправляйся.

В это время вернулся Семендер. Гурбат поднялся навстречу отцу. Сначала он поцеловал отцу руку, затем они крепко обнялись и поцеловались. Впоследствии Нубар, вспоминая эти объятия, часто будет говорить:

– Мой несчастный сынок, оказывается, знал!

– Узнал во дворе сельсовета и кинулся домой, чтобы успеть повидаться, – словно извинялся Семендер. – Я слышал, вы в разведку собираетесь?

– Да, отец!

– Будьте осторожны, сынок, будьте осторожны…

В этом селе ни один отец, ни одна мать, ни родственники, ни соседи – никто не увещевал своих детей словами «будь осторожен», «береги себя» и т.п. Все увещевания, наставления, напутствия говорились во множественном числе: «Будьте осторожны, берегите друг друга, позаботьтесь друг о друге». Сын или дочь одного были детьми всех сельчан, и похороны, и свадьбы тоже были общими. Тяжелые времена всех сблизили, давно уже не было никаких «своих-чужих».

Несмотря на то, что Нубар очень настаивала, Гурбат не остался ужинать. Они уединились с Минарой в садике за сараем и долго шептались. Догадавшись, о чем они беседуют, родные решили не мешать брату и сестре.

Дома все знали о том, что у Гурбата есть возлюбленная, и даже знали, чья это дочь, но не подавали виду. Кто знает, как все сложится. На все воля Всевышнего! Главное, чтобы все были живы-здоровы. Поскорее бы закончились война и кровопролитие, думали они, и неважно, чьей бы дочерью она ни была, мы примем ее как свою дочь. В этом селе не может быть плохих девушек, ибо все растили детей, зарабатывая хлеб насущный честным трудом.

Машина, приехавшая за ними, остановилась у ворот. Сослуживцы кричали из кузова: «Эй, Гурбат, скорей, скорей!»

Увидев собранный вокруг тендира свежеиспеченный хлеб, они загалдели:

– О, свежий хлеб! Принеси-ка и сыра!

Сестры Гурбата быстренько завернули в скатерть пять-шесть буханок хлеба, Минаввар наполнила большую миску сыром «мотал».

У Нубар вдруг защемило сердце. Прислонившись к сараю, она еле удержалась на ногах, думая только о том, чтобы ничем не выдать своего состояния до отъезда Гурбата, не то сын расстроится, уедет обеспокоенным и в разведке будет рассеянным, не приведи Господь, угодит под армянскую пулю. О, Аллах, как же я потом жить буду?!

В магнитофоне одного из солдат исполнитель, словно нарочно, заунывно пел:

Я – ашуг, свирель поет,
За душу свирель берет,
День придет, и ты заплачешь,
Спросишь: «Где дитя мое?»

Слова песни заставили сердце Нубар трепетать, как птица. «Бог вам в помощь! Да разве ж можно с такой песней, с такими словами пускаться в дорогу, к тому же в такой опасный путь? Ах, вы, баламуты! Вы-то молодые, вам все нипочем, хоть бы о нас, несчастных, подумали…»

Гурбат сначала передал товарищам узелок с хлебом и сыром, а затем запрыгнул на ходу в кузов. Помахав рукой матери, он крикнул:

– Мама, береги себя! Храни вас Бог!

«Храни вас Бог, сынок! Мы прожили свое, а что вы успели повидать на своем веку? Только началась жизнь ваша, и тут эта проклятая война. В любой момент шальная пуля может оборвать вашу жизнь».

Нубар, подхватив под руки, отвели в дом, а ее состояние списали на материнское беспокойство. Никто не обратил внимания на слова песни. Женщину уложили в постель. Минаввар принесла матери воды и села у ее изголовья.

***

Прошло два дня с тех пор, как уехали ребята, но от них все еще не было никаких вестей. Они заняли позицию у линии фронта. Работали, в основном, по ночам – прячась в кустах, оврагах, вели наблюдение и, можно сказать, были полностью готовы. Собирались этой ночью хоть немного продвинуться вперед. Сверху было приказано прислать подробную информацию.

Стояла беспросветная тьма. Еще и мороз вдобавок. Все были в шерстяных перчатках, только на командире были лайковые перчатки, которые он привез из Красноярска.

Назим был профессионалом своего дела. Он окончил Фрунзенское военное училище и только приступил к службе, как Ходжалинская трагедия сделала неминуемым и его возвращение на родину. Он был молод, однако пользовался большим уважением не только в селе, но и во всей округе. Когда в эти края приезжали высокопоставленные чиновники, первым делом всегда спрашивали его и подолгу что-то с ним обсуждали. И, расставаясь, обязательно обнимали его, уважительно хлопая по спине. Сельчане никогда не видели, чтобы высокое начальство точно так же обнимало, говорило добрые слова и доверяло кому-то еще. Но солдаты любили своего командира не только поэтому. Он был молод, ему было всего 27 лет, но всем он был дорог, как старший брат. В отряде были мужчины значительно старше него, но все безоговорочно считали его командиром. Перед разведкой они неоднократно повторили пароли, условные знаки, звуки птиц, проверили оружие, уточнили план передвижения и, наконец, разделившись на две группы, разошлись.

Гурбат был в одном отряде с командиром. Следуя по дороге Замзур-Баназор-Херекюль, они вошли в Джебраил. Затем должны были пройти через села Халафли, Татар, Меликли, Галаджыг, Сирик, Исаглы в верхней части Джебраила и, пройдя населенные армянами села Агджакенд и Доланнар, объединиться в селе Хинд Таглар. Дальше уже начинались Губадлы и опустошенный и разоренный Лачин. Казалось, что оставшиеся без хозяев лачинские земли примыкают к Армении. Опустевшие горы и долины погрузились в скорбь. Вокруг, пока хватает глаз, не было видно никаких признаков жизни – только разрушенные дома и разоренные села. При виде некогда многолюдных домов, стоящих без света, очагов без огня, у всех защемило сердце. Мысль о том, что это вероломство, эти зверства не должны остаться безнаказанными, придала солдатам сил и уверенности.

Отряды объединились в назначенное время. Командир поздравил вторую группу:

– Превосходно! Пока все идет по плану! Как вам известно, отсюда часто совершаются нападения на центры и близлежащие села Губадлы и Джебраила. Нам нужно выяснить, на каких возвышенностях размещена их артиллерия, вернуться и сообщить нашим, чтобы они могли в точности определить координаты и раз и навсегда заглушить огневые точки. Мы должны быть предельно осторожны! Продвигаться будем точно так же, двумя группами: мы слева, вы справа.

Армяне уже заприметили обе группы в прибор ночного видения. Они подпустили их еще ближе, чтобы узнать их цели. Когда они приблизились на расстояние огня, над их головами словно гром прогремел.

И тотчас снаряды и пули градом посыпались с неба. Ситуация усугублялась тем, что территория освещалась прожекторами. Спрятаться было невозможно. Группа справа выступила на открытую местность, их положение было более удручающим. Они попали в засаду. Командир разобрался в ситуации и скомандовал:

– Возвращаемся тем же путем, что пришли! Встречаемся в Сарытепе!

Вдруг кто-то вскрикнул:

– Ах, мама, в груди жжет огнем!

Это был Ильгар – сын Мусеиба. Держась за грудь, он бился в высокой траве, как подбитая птица. Алая кровь, сочащаяся сквозь его пальцы, стекала на зеленую траву. Его дыхание тяжелело, он стонал и тихо звал мать. Затем, забившись в конвульсиях, уткнулся в траву, вонзил пальцы в землю и сжал ее в кулаках вместе с травой… Затем замер. «О, Боже, что мы скажем его матери?!»

С другой стороны послышался крик:

– Командир, прикройте нас, чтобы мы подошли к вам!

– К бою! – скомандовал командир по-русски и снова первым бросился вперед. Из другой группы был убит Салим муаллим. Осколок снаряда поразил его в голову, он даже не смог произнести последних слов.

Дорога к лесу была открыта. Они могли двинуться, хоть это было очень далеко, и в сторону реки. В лес было ближе, к тому же, войди они в лес, им было бы значительно легче отбиться.

– Отстреливаясь, входим к лесу! Марш! Вперед!

Не поворачиваясь спиной к врагу, они отступили к лесу. Раненые ничего не чувствовали. Пули и осколки снарядов рикошетили от скал и камней и ранили их щеки, лбы, брови и т.д. Лица ребят были в крови, но эти ранения были легкими, и они отстреливались, понимая, что им нужно во что бы то ни стало войти в лес. До спасительного леса оставалось совсем немного, и нужно было только продержаться еще немного. И в этот момент словно произошло чудо. Прекратился сыпавший с неба град пуль, и все утихло. Отряд уже объединился. Люди решили, что им удалось выйти из зоны огня, и они кинулись к лесу.

Первая мина взорвалась под ногами Мадара – единственного сына Мусы киши. Куски его плоти, разлетевшиеся в разные стороны, повергли всех в ужас. От криков ребят кровь стыла в венах. Затем взорвалась вторая мина. Она прервала жизни сына Солтана – Ахмеда и младшего сына Хасана – Джейхуна. Когда командир бросился к Гурбату, чтобы не дать ему двинуться с места, их обоих со страшной силой откинуло в стороны. Теряя сознание, словно в немом кино, они видели только, как различные части тел их сослуживцев раскидывает в стороны, и большие куски их плоти медленно падают на землю.

И наступила тишина...

***

В селе узнали о случившемся лишь три дня спустя. Армянские и азербайджанские села расположены недалеко друг от друга, их жители знали друг друга с детства. Когда рассвело, армяне осторожно подошли к заминированному участку, остерегаясь, чтобы не подорваться на собственных минах. Осмотревшись на местности, они двинулись вперед, собирая уцелевшее оружие и обшаривая карманы убитых: они забирали деньги, распихивая их по карманам, и копались в документах убитых. Они опознали большинство членов отряда. Бородатый армянин по имени Сурен передал по рации сообщение азербайджанцам: «Ара, ребята из Сирика подорвались на минах на нашей территории. Придите, заберите их тела. Не забудьте прихватить с собой шесть канистр бензина».

– Да чтоб ты сдох! Может, сразу 60 канистр?

– Ара, что я могу поделать?! Сверху так велели. Убитых много…

Осознав всю суть произошедшего, сельчане были потрясены. Споры были неуместны. Они согласились с условиями и встретились под Сарытепе. Армяне завернули все тела в один большой кусок брезента. Фактически это были оторванные руки, ноги, головы членов отряда. У пришедших за телами кровь в жилах застыла. Они схватились за автоматы: «Вашу мать… Вы что учинили, нелюди?! У вас что, нет матерей, сестер? Как мы их повезем?! Как покажем матерям?! Фашистские упыри! Тьфу на вашу поганую кровь...»

– Ара, мы ни при чем! На мине подорвались дааа… Не мы же убили…

Так и разошлись, стиснув зубы.

Самое страшное было впереди. Вся деревня собралась, ожидая, когда привезут тела шехидов. Люди были морально готовы к потерям и смертям – каждый из них жил готовый каждую минуту получить плохие новости. Но то, что они везли в село, сложно было назвать телами – не было ни одного целого тела. Как же они будут их хоронить – как понять, кто есть кто по этим крупным кускам человеческой плоти?

У въезда в село, крича и плача, метались женщины. Мужчины старались держать себя в руках, но слезы не переставали течь по их лицам. Они не плакали, то был безмолвный стон людей, сгорающих от горя. Глядя на своих родителей, заходились в плаче и маленькие дети, не осознающие произошедшей трагедии. Женщины, сыновья которых не ходили в разведку и остались в деревне, пытались привести в чувство тех из матерей, что рухнули без сознания, услышав о гибели своих детей, и, положив их головы себе на колени, причитая, оплакивали павших.

… К толпе подъехали две машины. Полковник, согбенный, словно нес на плечах бремя мира, медленно вышел из машины, нерешительно взглянул на толпу и подошел к мужчинам. Спросил руководящих лиц и старейшин села и вместе с ними отошел от женщин.

– Мы мужчины. Известно, в каких условиях мы живем и воюем. Это война. Мы все морально готовы к тому, что может случиться любое трагическое событие. Нужды нет говорить, насколько кровожаден, бесчеловечен и жесток наш враг. То, что вы сейчас увидите, – страшная картина. Говорят, они подорвались на минах…Это пока что предварительная версия. Во всяком случае, так говорят и эксперты, приглашенные нами из Гянджи. Они храбро сражались… Матерей и сестер солдат... не знаю, как сказать... надо их успокоить... А вы, мужчины, крепитесь... Я не могу найти нужных слов…. Мы сражаемся с самой жестокой нацией на земле. За десятилетия соседства с ними мы видели их самые невообразимые зверства. Вот и сегодня...

Со стороны женщинам хорошо было видно, как побледнели лица мужчин, как затряслись их руки и губы, как некоторые из них схватились за сердце и осели, но пока не приближались к ним и не задавали вопросов. Председатель сельсовета и директор школы поднялись в кузов грузовика и подняли край брезента.

– О, Господи! Боже мой! Горе нам! Женщинам не вынести этого! – сказал директор и потерял сознание. Мужчины подхватили его. Председатель сельсовета обернулся к полковнику.

– Полковник, как же я покажу их людям? – сказал он, сглотнув слюну так, словно его полоснули ножом по пересохшему горлу.

Полковник тоже был из «кадровиков», служивших в России. Это был достаточно опытный в таких вопросах и хладнокровный человек. Ему было поручено провести похороны максимально тихо. Конечно, приказывать-то легко. Погибших и солдатами не назвать – мальчишки, вчерашние школьники. Сделать все, как ему велели сверху, было непросто. Нужно было иметь огромное мужество и авторитет, чтобы выйти к народу и призвать людей к смирению и терпению. Но их здесь нет, и эта непростая миссия возложена на полковника. Никогда в жизни он не оказывался в столь сложной ситуации.

Вконец потерявшие терпение и самообладание женщины, увидев, что дискуссия и переговоры слишком затянулись, не выдержали и гурьбой подошли к машине.

– В чем дело? Не хотите показывать нам тела наших детей? Или вздумали хоронить их в деревянных ящиках, набитых бумагой? Не позволим! Покажите нам наших детей!

Прибывший из Гянджи полковник дал знак побледневшим и растерянным солдатам. Сельчане, еще не ведавшие положения дел, помогли им выгрузить из КамАЗа большой брезентовый тюк. Полковник улучил момент и с болью обратился к тем, с кем беседовал ранее:

– Прошу вас, держите себя в руках... Пожалейте и нас...

Первой подошла жена Мусеиба. Она была расторопной женщиной, и все свадьбы да похороны в селе организовывались под ее чутким руководством. И в силу возраста, и в силу характера, она пользовалась всеобщим уважением. Она подняла край брезента и отбросила в сторону. Сначала ничего не поняла. Казалось, неопытный мясник неумело разрубил топором туши и свалил все в одну кучу. Полковник, собравшись из последних сил, сказал:

– Они подорвались на минах…

Она вдруг все поняла, и, схватившись за голову, вскричала:

– Вай, женщины, несчастные! Наши дети разрублены на части, как дети Имама Хусейна! Ой, Господи! Боже, Боже! Я не вынесу этого, Боже! Ниспошли камнепад, Господи!.. – Она бросилась на тела, пачкая лицо и волосы в крови.

Вопли вознеслись к небесам. Брезентовый сверток развернули. Немыслимая картина открылась их взорам, началось жуткое смятение:

– Господи, что же это за страсти такие?! Хоть бы ослепли наши глаза, не видели бы мы этого кошмара!

– Где этот мерзавец, собравший мужчин вокруг себя и умничавший?! – взвилась мать Салим-муаллима и, заметив полковника, тигрицей бросилась к нему:

– Да что б тебе пусто было! Чтоб и твоим детям лежать разрубленными, чтобы ты их по кусочкам собирал! Что, приехал хлопотать, чтоб уладить все без шума?! Говори, кто тебя прислал?!

Она схватилась за ворот полковника и рванула. Подоспели и другие женщины. Они набросились на полковника и приехавших с ним солдат, скрутили, повалили наземь и стали бить и царапать. Полковник, стиснув зубы, молча прикрывал лицо руками. Приехавшие с ним солдаты, увидев это, также не стали сопротивляться и, покорившись судьбе, вытирали кровь с расцарапанных лиц и разбитых голов носовыми платками и фуражками. Они также не пытались сопротивляться и стоически молчали. Полковник негромко сказал офицеру, стоящему рядом:

– Терпите. Пусть отведут душу. Все они наши матери и сестры… Что им делать?

Когда женщины несколько успокоились, председатель сельсовета и директор школы шагнули вперед:

– Ну, хватит вам! А они в чем повинны? В том, что забрали тела ваших детей и привезли вам? Такова ваша благодарность? Успокойтесь! Дайте нам похоронить детей. Давайте, давайте, расходитесь по домам!

Остальные мужчины, согласно закивав, подошли к женщинам и стали мягко отстранять своих жен, матерей, дочерей от военных, которые все так же молча глядели на них. Полковник, как ни в чем не бывало, сдержанно сказал:

– Давайте похороним наших солдат. Это главное, что нужно сейчас сделать.

И матери начали искать своих детей – опознавая их по одежде, особым приметам, волосам, прижимали их ноги и руки к груди и причитали:

– Ай, Мусеиб, это грудь и голова Ильгара… погоди, поищу ноги и руки…

– Сулейман, вот тело Сейфуллы… я поищу голову…

– Женщины, родненькие, я нашла одну ногу Заура, ради Бога, помогите… может, найдете вторую… ох, помираю…

– Сестра, родная, кажется, это нога твоего Джамиля, в селе только твой сын носил джинсы…

– Мамаааа… Это Гурбат… Это Гурбат!..

Вопль Минары, как огненный меч, вонзился в сердца людей. Казалось, небо и земля содрогнулись от безудержного вопля сестры, обнявшей голову брата и непрестанно целующей его в полуоткрытые глаза.

– Братик, братик, не молчи, скажи хоть что-нибудь своей несчастной сестре! Боже, забери и меня!

Из-за того, что в последний момент командир обнял Гурбата, его тело было не так сильно изуродовано. Джамал и Минаввар обезумели от горя, Семендер, опустившись на колени и обхватив голову руками, качался, беззвучно рыдая.

Нубар не было суждено увидеть похороны сына. Услышав вопль Минары, она потеряла сознание… Очнулась только наутро, и когда узнала, что сына уже похоронили, снова упала без чувств.

В соответствии с приметами, отдельные части тел собрали в девять гробов. Мужчины похоронили их не на кладбище, а на склоне горы в Сирик. Притихшие, словно закоченевшие от горя, женщины выражали друг другу соболезнования.

– Кажется, часть тела твоего сына похоронили в могиле моего сына, ты уж прости, сестра.

– Господи!.. Еще одну часть похоронили в могиле сына Зулейхи. Какая уж теперь разница?.. Все они – наши сыновья.

– Да, это так, горе у нас общее.

Погибшие были сыновьями каждого из них, поэтому и горе было общим. Те, чьи сыновья были живы, словно провинившиеся в чем-то, не могли смотреть людям в глаза. Матери же шехидов ходили с высоко поднятой головой: согнувшиеся давеча под грузом горя, сегодня гордо смотрели вперед.

Жена Мусеиба сказала слова, которые стали утешением для всех:

– Бог дал – Бог взял. Кто мы такие, чтобы судить о делах Господних и роптать? Да будет воля его!

***

Стояла середина января 1992 года. Зима постепенно показывала свой суровый лик – долго находиться на улице было невозможно: лицо заиндевало. Все мужчины села, как и мужчины всего района, проводили дни на площадях, дорогах и улицах. Повсюду было одно и то же: люди разводили костры и, чтобы они горели как можно дольше, клали в огонь покрышки старых прицепов, тракторов и машин. С покрасневшими от дыма глазами, они горячо спорили о том, отчего правительство и армия столь медлительны в действиях. Всякий трактовал бездействие властей на свой лад. И все разговоры сводились к оружию. Еще одной головной болью стало сосредоточение изгнанных из Армении азербайджанцев в Замзуре и возложение их защиты на четырех милиционеров.

– Как можно целую деревню оставлять безоружной наедине с армянскими отморозками? И что с того, что пост есть? Всего четверо милиционеров охраняют. В одной только банде Ованеса свыше ста бородачей, и все вооружены до зубов.

– А наши охотничьи ружья да дедовские двустволки так живо собрали и изъяли, как будто отцам своим на саван собирали, – выругался в чей-то адрес сидящий рядом.

– У них и танки есть, из русской части, но управляют армяне. Если мы приблизимся, нас заживо размолотят гусеницами, а им и слова никто не скажет.

– Ты что, не знаешь – собака собаке на хвост не наступит.

– Интересно, а наши-то о чем думают?

– О чем им еще думать? Глава страны продался России ради того, чтобы усидеть на теплом местечке, вот и танцует под русскую дудку. Чтобы заказывать музыку, мужик должен иметь…

– А у него их нет, – бросил с насмешкой один из бородатых фронтовиков.

– Бесхозная страна. Все торгуют поверх голов народа.

– Вам и этого мало! Сказано было в свое время – не скряжничайте, не тряситесь над деньгами да над золотом, давайте скинемся всем селом, купим танки и оружие. Так нет же, все рожи воротили.

– Да сколько ж можно скидываться-то? С первых дней войны мы только и делаем, что скидываемся. Что ни день – собрание да совещание, а в конце, как всегда: «Товарищи, скиньтесь, кто сколько может». Разве не так?

– Послушай, жлоб, мы что, оружие и патроны покупаем, чтобы в музеи складывать? Заканчиваются ведь боеприпасы! Сколько ребят погибли, сколько в разведку ушли, и не возвратились… Вон, целый отряд из Сирика в разведку ушел, попали в засаду, и все ребята погибли. Сколько оружия осталось этим гадам – армянам. Чем прикажешь пополнять эти убытки?

– А что, из армян никто в плен не попадает? Куда же их оружие девается?

– Послушай, с такими мелочными людьми, как вы, далеко не уедешь.

– Отчего же, правда глаза колет?!

– Пока Гейдар Алиев не вернется – все бессмысленно. Если и дальше править будет шантрапа – нам конец.

– Гейдар Алиев, говоришь? Не видать вам этого, как ушей своих! Мы покончили с коммунистами раз и навсегда, – ответил народофронтовец средних лет.

Сторонник Гейдара Алиева не собирался сдаваться:

– Он давно порвал и выбросил свой партбилет! Видал, как 20 января он выступил в самом сердце Москвы под носом у Горбачева с заявлением, разоблачил советскую власть и Горбачева! Куда вам до него…

Безответным вопросам не было конца-края. Никто не мог сказать ничего конкретного. Все смутно понимали происходящее, а ответов ждали от тех, что были у власти. А те, в чьих руках находились бразды правления, были расколоты на отдельные группы и клики, всяк тянул одеяло на себя, и не было среди них никого, кто мог объединить их.

Наутро те же люди снова собирались в тех же местах, снова вели те же споры и, не найдя ответов, расходились по домам… На следующий день опять собирались, чтобы снова завести ту же шарманку и повторить вчерашние и позавчерашние споры.

***

В штабе Народного фронта, размещенном в помещении старого сельского клуба, обсуждали ситуацию последних дней. В помещении стояли клубы сигаретного дыма, поэтому маленькое окно открыли настежь, но толку от этого было мало. Было очень шумно, так что не разобрать, о чем говорят стоящие рядом. Кто-то возмущенно крикнул, имейте, мол, совесть, курите по очереди – ей-богу, мы как в тумане, уже и лиц ваших не видать!

Кто-то бросил с насмешкой:

– Оно и к лучшему!

Возмутившийся ответил с ходу:

– Чего это? Ты такой урод?

– Сам ты урод!

– Да я просто спросил… Чего ты заводишься?

Барат – сын счетовода Кямала, ворвался в комнату, как одержимый:

– Уходят!

В глазах молодого, благовоспитанного и уважаемого народофронтовца, умеющего управлять своими эмоциями, стояли слезы. Он хотел сказать еще что-то, но спазм в горле не дал ему говорить.

– Армяне? С какого направления? – спросил Мурват и склонился над картой. Присутствующие тут же столпились вокруг стола.

– Да нет же… Я не об армянах говорю! Наши уходят!

Эти слова подействовали на собравшихся словно гром среди ясного неба.

– Ты что несешь?!

– Клянусь! Выгляните на улицу…

Барат сел на пол у стены и прижал шапку к глазам. Все выбежали на улицу.

Два стареньких КамАЗа, словно смущаясь, медленно съезжали с серого склона. Вслед за ними осторожно спускались вооруженные и безоружные солдаты. Они также шли смущенно, словно всем своим видом прося прощения у людей и деревни, которую оставляли на произвол судьбы. Половина всех солдат была безоружна. Оружия на всех не хватало.

– Стреляйте по очереди. Не спорьте! – часто наставлял командир, пытаясь таким образом замять споры типа «Давеча ты стрелял, теперь дай и я постреляю!»

– Где это видано – стрелять по очереди?! А у нас это в порядке вещей! – шутили между собой солдаты.

Половина из них были добровольцами, а половина – военнослужащими-срочниками. Это были молодые люди с некоторым боевым опытом и умением обращаться с оружием, в отличие от шпаны, собранной и привезенной на фронт с улиц, из парков, скверов и метро. Благодаря им жители деревни спокойно жили, занимались земледелием и отпускали скот на пастбище. Местные юноши и народофронтовцы нашли несколько ветхих ружей и двустволок и дежурили на собственных укрепленных постах в относительно отдаленных частях села, в направлениях, где была высока вероятность нападения. Большинство из них неделями не ночевали в своих домах.

Солдаты покидали очень важные позиции в Хильтепе. Это было, по меньшей мере, неразумно. В темноте это движение было не так заметно. КамАЗы, часто ездившие туда-сюда по линии фронта, не слишком привлекали внимание. Казалось, участники шествия не хотели, чтобы местные жители и, в частности, народофронтовцы узнали об их уходе, ибо больше своих командиров побаивались председателя Народного фронта Мурвата, и потому намеревались уйти как можно тише и незаметнее. Увидев направляющихся к ним членов Народного фронта и жителей села, они застыдились и поняли, что добром дело не кончится. Мурват шагнул вперед.

– В чем дело, командир? Ночная прогулка?

Командир – полковник-лейтенант средних лет, долго не отвечал. Возможно, с Мурватом можно было бы объясниться, он бы понял, – учитель как-никак. Но, увидев разъяренную толпу, вооруженную вилами, граблями, лопатами, топорами, он воздержался от ответа. Все молчали. Наступила жуткая тишина. В тишине слышалось дуновение легкого ветерка, еще больше усиливающего напряжение. «Нашел время дуть!» В целом, время было таким, что взвинченных до крайности людей раздражали даже самые обычные вещи: и неуместно дующий ветер, и неосторожное слово, и палец на курке… Командир все еще молчал. Похоже, подбирал подходящие слова. Не найдя оправданий, он сказал, как есть:

– Поступил приказ сверху. Мы должны отступить к окрестностям Гянджи.

– А как же мы?!

– Наверняка пришлют других…

– А смысл? Вы же уже здесь! Это предательство, командир! Вы хоть понимаете, что творите?!

Старый бригадир по покосу травы Ализаман, услышавший слово «предательство», выпалил:

– Причем предательство государства!

Командир захрипел:

– Приказ поступил с самых верхов.

– Кто этот сукин сын, давший такой приказ?! Задумали оставить нас тут безоружными и пустить на пушечное мясо? За что?! Мы что, предатели Родины?

Это снова был Ализаман. Человек он на язык несдержанный, но мужественный и бесстрашный. Односельчане звали его «рубаха Ализаман». Вот и сейчас с готовностью поддержали его:

– Верно говорит мужик!

Мурват все так же сдержанно сказал:

– Командир, возвращайтесь на свои посты. Отдавшим этот приказ передайте, чтобы пожаловали к нам в село и увидели положение своими глазами. И что бы они ни решили после этого, мы согласимся. И присоединимся к вам и уйдем. Что уж поделать…

– Прошу вас, Мурват муаллим, поймите нас! Мы должны прибыть вовремя в назначенное место. Обещаю, что расскажу все, как есть, и уговорю начальство направить сюда новый отряд.

И снова Ализаман опередил Мурвата:

– Ты что, дитя малое обманываешь?! Как говорят армянские ублюдки: «Дасны хинг, хинг дасны». С чего это вы не воспринимаете всерьез слова Мурвата? Вы же здесь! Как там было… от перестановки чего-то там – что-то не меняется! Какая разница: тот отряд или этот?! Чем мы вам не угодили?! Сами не ели – вас кормили!

– Да, это так, не смею отрицать.

– Тогда что это за нож в спину?!

В отчаянии Ализаман со всей силы бросил оземь большой камень, который сжимал в руке. Окружающие отскочили. В отчаянии от осознания своего бессилия старик воздел морщинистые, словно ветви дерева, руки к небу и закричал:

– Аааааа!..

Казалось, на этот крик отозвались эхом небо и горы. Солдаты, державшие руки на курках, моментально собрались. Все осознавали неоднозначность ситуации и проклинали тех, кто поставил их в такое положение.

Солдаты должны были подчиняться приказу. Сельчане же понимали, что после ухода солдат они останутся безоружными перед лицом врага и погибнут. Так что же было делать?

Сердце старого Ализамана обливалось кровью.

Мурват намеренно дал аксакалу возможность высказаться, чтобы выиграть время и обдумать происходящее.

Безоружные люди наклонялись и поднимали с земли крупные булыжники. Те, у кого были ружья, шагнули вперед. Солдаты, стоящие напротив них, привели в боевую готовность автоматы. Ализаман все не унимался.

– Ну! Если есть смельчаки среди вас, стреляйте! Вот он я перед вами! Считайте, что перед вами армянин. Стреляйте, если вы мужики!

Командир поднял руку. Наконец, заговорил и Мурват:

– Ализаман киши, успокойся малость.

– Какое уж тут спокойствие! Ты что, не видишь, какую подлость они удумали?!

– Думай, что говоришь! – не выдержал один из офицеров. – Мы молчим из уважения к твоему возрасту, не то б…

На сей раз люди зашумели со всех сторон:

– Не то что?! Давайте, валяйте, если уж мужиками себя называете! Смерти мы не боимся. Ей-богу, уроем вас прямо здесь!

Обе стороны сошлись лицом к лицу, так, что даже чувствовали дыхание друг друга. Командир решил прибегнуть к последнему средству.

– Приказываю отступить!

Солдаты отступили. Командир взял под руку Мурвата.

– Давай-ка отойдем, – сказал он и, вынув из нагрудного кармана лист бумаги, протянул его Мурвату. – Ты, слава Богу, грамотный, опытный человек. Видишь, поступил приказ, а я подневольный человек. Я военный, моя главнейшая обязанность – выполнять приказы. Ты прекрасно знаешь это. Допустим, аксакал не разумеет…

Мурват, сурово оглядев командира с ног до головы, хотел было что-то сказать, но командир его опередил:

– Я имею в виду – не вполне понимает. Не знаком с особенностями нашей профессии…

Мурват, размахивая приказом, задумался. Все написано черным по белому, препираться бесполезно. Бойцы должны были отбыть по месту назначения. Плохо это или хорошо, но приказ нужно было выполнять. Нельзя было допускать столкновений, иначе враг заликовал бы. А им какая с этого выгода?

– Тогда давай поступим так, чтобы и нашим, и вашим, как говорится. Я тебя понял. Уходите! Но отдайте нам ваше оружие! Лицом к лицу с армянами теперь остаемся мы. Вам совесть позволит оставить нас безоружными?

Конечно же, Мурват был прав. И командир тоже это прекрасно понимал. Он шагнул к солдатам. Несколько минут они о чем-то яростно спорили. Многие не хотели отдавать оружие.

– Неуместное упрямство ни к чему. Не думайте, что они испугаются нашего оружия и уйдут с пути. Оглянуться не успеете, как в нас полетят вилы да топоры – порешат нас на месте. Деревенские жители с детства привыкли драться подручными средствами. Они часто сталкиваются в вопросах пастбищ, сена, земли. Они привыкшие. Их тесаки стремительнее ваших автоматов. Не упрямьтесь. Они правы… Как они смогут выстоять без оружия? Имейте совесть! Это наш народ! Они жили, полагаясь на нас! А мы уходим и оставляем их беззащитными! Конечно, не по собственной воле…

Командир принял окончательное решение:

– Оружие и патроны – трофейные, купленные у Щербака за деньги, не отмеченные в журналах, – отдать сельчанам. Отзывая нас, они там что-то замышляют. Это похоже на большую игру. Я говорю, исходя из своего опыта. Этот приказ категорически неверный и с военной, и со стратегической точки зрения. Но что поделать? Мы солдаты – люди подневольные. Приказано отступать – отступим. Спросят с нас за это когда-нибудь – мы скажем свое слово.

А на другой стороне Мурват собрал людей, успокоил и объяснил ситуацию. Похоже, обе стороны пришли к компромиссу и решили уладить все без столкновений.

– Подходите, забирайте!

Командир указал на оружие и патроны.

Люди шагнули вперед.

***

Внезапно в полнейшей тишине раздались, смешавшись друг с другом, звуки автоматов, пулеметов и пушек. На Балкесен с ревом упал снаряд «Града». Они намеренно выбрали первой мишенью именно эту территорию. Армяне знали, что к источнику, особенно по вечерам, собираются девушки, невесты, женщины и дети. Молодые, отойдя в сторонку, шепчутся друг с другом, выражая свои чувства, снова и снова дают обет вечной любви, обсуждают свои мечты и жизнь: в Баку ли поедут или, если добровольцы разгромят армян и поставят их на место, останутся в селе.

Если останутся, то поселятся ли в Лалели-тепе, либо же попросят у представителя села участок на левом берегу Гюрбулага, где заложили уже бетонные фундаменты своих домов те их односельчане, что, занявшись торговлей, заработали достаточно денег в Баку, Сумгайыте и России? Пока еще это были сладкие грезы. Хотя полноценной войны еще не было, каждый день на разных позициях происходили перестрелки между армянскими боевиками и азербайджанскими солдатами, было много раненых и убитых. Однако в этот раз стрельба не была прерывистой, а шла непрерывно... На расстоянии примерно трех-четырех километров на Исфандияровой бровке было замечено несколько танков. Такого еще никогда не было. Семендер киши оторопел:

– Похоже, на сей раз уже все серьезно!

Его старшая дочь Минаввар на ходу внесла ясность:

– Это русские танки. БТР-ы. И один БМП.

Жители всех окрестных сел, от мала до велика, особенно подростки и школьники, могли определять по звуку тип орудия, а марки танков и самолетов – по внешнему виду. Нубар, стоявшая в трех шагах от мужа и держащая в руках медный котел, шагнула вперед, собираясь подоить буйволицу, вернувшуюся с пастбища, и остановилась, чтобы узнать, чем кончится вся эта суматоха: прогонят ли наши армян до того места, откуда они пришли, или нет... Боже, спаси да сохрани! Что это с Семендером?.. Танки медленно двинулись вниз с Исфандияровой бровки. «Ну, держитесь, идем на вас…»

Тревожный голос из репродуктора Дома культуры разнесся по селу:

– Люди! Армяне надвигаются на село на танках. Соберите все ценное и немедленно отправляйтесь на железнодорожный вокзал! А обладатели машин и телег, отправляйтесь вниз по холму Хильтепе – к Бейлаганской магистрали. Мы останемся и будем сражаться с ними, за это время вы успеете значительно отдалиться и спастись! Не медлите! И да хранит вас Бог!

Семендер кинулся к привязанному в стойле коню:

– Жена, не медли! Собери детей, проверь, все ли здесь! Я запрягу лошадь в повозку!

Его взгляд остановился на надгробии Гурбата. Сын, улыбаясь, смотрел на отца. «Что, бежите? Отчего не сплотитесь и не проучите этих гадов? Что они потеряли в этих краях? Почему не выдворите их?»

Руки Семендера опустились, повиснув плетями, словно крылья подбитой птицы. Никогда еще он не чувствовал себя столь беспомощным и бессильным. Не успели установить надгробие Гурбата на могилу. «Опоздали…»

… В тот день Мусеиб не смог сдержать своего слова. Вернувшись от Семендера к себе домой, он застал жену и детей в смятении, ожидающих его. Поскольку у жены его сына, павшего смертью храбрых в бою вместе с Гурбатом, начались схватки, он второпях доставил ее в Джебраил. Роды были проведены кесаревым сечением, и потому состояние невестки было тяжелым. Он был вынужден остаться в Джебраиле. Больница была не той, что прежде, несчастной таблетки валерианы и той не было. С тех пор, как медицинское снабжение в связи с беспорядками сошло на нет, лекарства приходилось доставать самим. Нужно было стоять у врача над головой и спасать невестку и новорожденного, он бы никому не простил их гибели. Это был мальчик. Назвали именем отца. Это было лучшим бальзамом для их еще кровоточащих ран. Покидать больницу он не мог – несмотря на то, что свекровь денно и нощно глаз не смыкала у изголовья невестки, в любой момент мог понадобиться и он…

Нубар второпях собрала детей и ждала его с парой узелков. От волнения и спешки Семендер никак не мог запрячь лошадь в повозку. При каждом звуке выстрелов, грохоте артиллерии конь поднимался на дыбы, и Семендеру приходилось начинать все сначала. Наконец, он не выдержал:

– Чтоб тебя черти взяли, да успокойся же наконец! Иначе вымещу всю злость на тебе!

На легковых и грузовых машинах проносились мимо по направлению к бейлаганской магистрали те, чьи дома были у дороги.

– Ишь, счастливчики, гляди, как живенько собрались! – не удержалась Нубар.

Наконец Семендер запряг лошадь в телегу.

– Живо, рассаживайтесь! – крикнул он и развернул коня к воротам. На выезде на магистраль Минара разрыдалась:

– Надгробие брата забыли! О, Боже, мы забыли надгробие! Армяне его измолотят!

С этими словами она спрыгнула с телеги. Семендер опешил. Минара собиралась бежать сквозь нескончаемую череду машин, повозок и гонимого по дороге скота к крыльцу, к входной двери дома, куда было прислонено надгробие. Все спустились с повозки. Семендер передал узды среднему сыну и сказал:

– Держи крепче, не дай коню сойти с дороги.

Они – каждый с одной стороны схватились за надгробие и поволокли его по земле. Основная нагрузка пала на Семендера и его жену. «Братец мой, да что же это за судьба у тебя такая?!» – причитала Минара, рыдая. Дорога была по-прежнему забита. Только бы перейти дорогу. От тяжести все вспотели. Никто не мог помочь Семендеру и его семье. Каждый думал о себе и своих близких.

На сей раз Минара, как только образовался небольшой зазор в транспортном потоке, встала посреди дороги и раскинула руки в стороны. Машины и повозки были вынуждены притормозить. Вдруг появилось двое молодых ребят и помогли им загрузить надгробие в повозку. И оба, глубоко вздохнув, растроганно сказали:

– Как жаль, что тебя нет с нами, Гурбат!

А затем поспешили к своим.

***

Никогда еще бейлаганская дорога не была такой многолюдной. Легковые автомобили съезжали с шоссе из-за пробок и ехали по грунтовой дороге, подскакивая на ухабах и колдобинах. Никто и не думал об опасности сломать рессору или загнать машину в хлам. Лишь бы поскорее убраться отсюда. Танки уже въехали в деревню. Они продвигались, стреляя на ходу по всем домам. Затем, возвращаясь, снова обстреливали не разрушенные до конца, частично уцелевшие дома так, чтобы их владельцы больше никогда не смогли вернуться туда. Два танка устремились вслед за покидающими родные дома сельчанами, но, похоже, догонять их не собирались, просто запугивали.

Минара достала одну из блузок из узла и начисто протерла надгробие. Она продолжала оплакивать брата, время от времени целуя высеченное из камня изображение брата и громко зовя брата Салахата, служащего в горах Мурова:

– Приди, прицельсь в этих гадов, убей их всех, пускай и их матери захлебнутся в слезах! Как же тебя не хватает, братик!

Ее брат Салахат как-то сфотографировался с гранатометом на плече и на вопрос: «Что это за оружие?» ответил: «То, чем подбивают танки». Потому она и вспомнила его сейчас.

На обочину дороги с грохотом упал снаряд. Ударной волной перевернуло две машины. Крики и стоны разнеслись по всей округе. Конь так вскинулся, что повозка перевернулась. Роспуск сломался посередине. Ось колеса тоже была сломана. Боковины повозки разлетелись по сторонам. Семендер оказался придавленным лошадью. Джамал выскочил из повозки и упал плечом на траву. Вроде не сильно пострадал. Мать с дочкой – Нубар и Минаввар в обнимку упали на обочину. Хотя

пышнотелая Нубар особо не пострадала, правая щека Минаввар, одежду которой зацепила боковина телеги, была исцарапана в кровь. Однако снова душераздирающий крик Минары: «Ой, мамочка, я колено сломала!» заставил всех забыть о себе.

Девушка, с самого начала пути едущая, обхватив надгробие брата, упала вместе с ним. Почувствовав ужасную боль в левом колене, она заметила, что оно осталось под надгробием.

«Прости, сестренка! Боже, убей меня! Я засмотрелся на людей. Даже не знаю, как это случилось. Повозка свалилась боком, оттого и я свалился на тебя. Боже, убей меня!»

Первым подоспел Джамал.

– Отец, я не осилю!

От бессилия он заплакал. Вслед за ним подбежали и мать, Семендер и Минаввар. Семендер опустился на колено и с криком «О, Аллах, помоги!» поднял камень. Остальные помогли ему. Кое-как они подняли надгробие с ноги Минары. На сей раз рука Джамала осталась под камнем.

– О, Боже, мои пальцы!

– Да что с тобой, ты что, не смотришь, куда суешь пальцы?!

В этот раз Семендер поднял одну из боковин телеги и подсунул ее под надгробие, поднапрягся, и Джамал вытянул пальцы из-под памятника и сунул в рот:

– Отец, мои пальцы…

– О, Аллах, да что же это за напасть?! В чем мы провинились, Господи? За что нам изгнание из родных домов, за что такая участь?! – возроптал Семендер, обратив лицо к небесам.

От повозки ничего не осталось; ось и роспуск были сломаны вдребезги – чистой воды самоварные щепки. И хотя лошадь поначалу ускакала в страхе, вскоре, словно побоявшись оставаться одной в темноте и быть съеденной хищниками, приплелась к хозяевам и жалобно ржала. Животное также понимало трагичность их положения. Семендер нашел седло, положил его на спину лошади, собрав все узелки да котомки, привязал их концами друг к другу и взвалил на спину коня.

– Поехали, – сказал он, – не будем медлить.

Только они направились к заасфальтированной дороге, как вдруг…

– Отец, я не могу идти… – Ослабевший голос Минары всех ошарашил.

Что-то сломалось внутри Нубар, которая успокаивала Джамала, целуя его руки. Женщина невольно осела:

– О, горе мне, горе, дочка осталась калекой!..

Когда они услышали Минару, поняли, что она значительно отстала от них. Она еще раньше, когда попыталась встать и следовать за ними, почувствовала, что левая нога ее не слушается, но из-за слов отца «Не будем медлить» не решилась что-то сказать. Поплелась вслед за ними, сначала волоча ногу, а затем и вовсе ползком. Уже стемнело, издалека они не просматривалось; и машин, и людей на дороге поубавилось.

Все члены семьи были угнетены. Минара, видя, что ее руки и ноги ранят шипы да крапива, и что она не успевает за родными, осознала безнадежность своего положения и застонала. И слова ее были выражением той адской боли, что она испытывала.

– Родная моя, доченька, потерпи немного.

Минаввар подоспела быстрее всех. Едва она коснулась ноги сестры, как крик Минары охватил всю округу. Минаввар стала рвать на себе волосы.

– Горе твоей сестре! Да что же это за наказание такое?! О, Боже!..

Левая коленка Минары настолько распухла, что ноги девушки, казалось, срослись друг с другом. Подоспела и Нубар. Увидев дочь в таком состоянии, стала бить себя по лицу.

– Горе мне, горе! Сердце мое разрывается, Семендер! Встаньте на дороге, если надо лягте, но остановите какую-нибудь машину, девочку срочно надо доставить в Бейлаган – в больницу.

Джамал, Минаввар и Семендер вышли на дорогу. Издали шел свет, но машина была очень далеко. Бог знает, когда она доедет, доберется, доползет… С противоположной стороны послышались выстрелы. Это была грузовая машина. Похоже, это добровольцы ехали на подмогу. Увидев сгрудившихся посреди дороги людей, остановились:

– Что у вас, аксакал?

– Дочка… – Семендер не смог продолжить, и указал на дочь.

– Пойдемте, я покажу, – шагнул вперед Джамал.

Группа ребят последовала за ним. Включили фонари. Увидев мать и дочь в таком состоянии, опешили.

– Бедная девочка, что с ней… Это армяне вас так?

– Нет, мы ехали на повозке, на дорогу упал снаряд. Лошадь испугалась, вскинулась и перевернула повозку… нога моей сестры осталась под… под надгробием брата… похоже, перелом, – пояснил Джамал, заикаясь.

– Эй, сюда, на помощь, срочно надо доставить в больницу!

– Надгробие брата тоже возьмите, он стал шехидом… Не смогли мы довезти, – из последних сил сказала Минара, увидев, что мать с отцом не тронулись с места. – Ребята, молю вас… ради всего святого, ради отрубленных рук Хазрета Аббаса, ради душ всех шехидов, не дайте надгробию остаться под ногами…

Сказала и потеряла сознание. Хотела еще что-то сказать, наверное, снова собиралась слезно просить…

Семендер взял на руки дочь и, плача, двинулся в путь. Нубар рвала на себе волосы. Лицо Минаввар было в крови, она прижала конец платка к ране, а затем, оторвав кусок от подола платья, перевязала щеку. Лицо ее сильно саднило, но, видя состояние сестры, она не обращала внимания на свою боль. И Джамал сильно повредил пальцы, однако и он не замечал боли из-за сестры.

– Ребята, не по-мужски это, и надгробие захватите, он наш брат-шехид. Если его сестра впоследствии узнает, что мы не забрали его, проклянет нас… Разве не видите ее состояние?.. Да поможет им Аллах!..

***

В Бейлаганском военном госпитале яблоку негде было упасть. Кроме раненых в бою, было множество пострадавших в суматохе людей со сломанными конечностями, разбитыми головами. Медицинский персонал не успевал заняться каждым из нуждающихся в помощи – их было слишком много. Они потребовали бригаду врачей из центральной районной больницы. Им сообщили, что врачи выехали, в пути. Там были осведомлены о событиях в Джебраиле, Физули.

Сначала разместили солдат. Тех, кому требовалась операция, немедленно доставили в операционную. Тем, кому требовалась первая медицинская помощь, оказывали ее прямо в коридорах.

Семендер бросался за всеми в белых халатах и умолял:

– Помогите моему ребенку! Бедная девочка… нога осталась под надгробием… разбухла до невозможности! Умоляю вас, помогите!

Не удавалось разместить даже раненых солдат. Бригада врачей тоже никак не прибывала. К стенаниям Минары присоединился и Джамал. У него тоже сильно отекли пальцы. От страшной пульсирующей боли состояние мальчика постепенно ухудшалось, он не мог удержаться на ногах и лег у стены. Люди проходили мимо, а иногда и наступали на него. Минара терпела из последних сил.

– Мама, скажи, пусть сделают мне такой укол, чтобы я не чувствовала боли, я же умираю! Я так долго не протяну…

Ее мать была не в лучшем состоянии. Ее боли только-только стали давали знать о себе. Спускаясь с кузова грузовика во дворе госпиталя, она не удержалась на ногах и ничком повалилась на землю. Молодые люди взяли ее под руки и, доведя до входа в госпиталь, оставили ее там, а Семендер доставил дочь сам на руках.

От шума и гама ничего не было слышно. Со всех сторон слышались стоны, крики и плач. Все молили о помощи, все звали врачей.

Две машины скорой помощи с воем въехали во двор госпиталя. В глазах у людей появился проблеск надежды. Наконец-то! Их было шесть человек: двое врачей, а остальные медсестры. Все, кто мог двигаться, ринулись к ним навстречу. Начался переполох. Теперь уже было не до правил, порядков и очередей. Они принялись осматривать всех, кто встречался им, прямо в коридоре. Странно, что все немного утихли и стали выжидать своей очереди прямо там, где стояли или лежали.

– Мамочка, я же умираю! – все обернулись на вопль Минары. Пожилой врач указал одной из медсестер. Та покачала головой и сказала:

– От боли возможна остановка сердца.

– Немедленно введите обезболивающее! Пусть успокоится, я сейчас осмотрю. Похоже, придется требовать подмогу из Баку. Раненых слишком много! Мы не успеваем.

Когда Минаре сделали укол обезболивающего, мать указала на корчащегося от боли Джамала и взмолилась:

– Доченька, может, и ему сделаешь укол?

– А с ним что случилось?

– Пальцы размозжило камнем.

– Каким еще камнем?

– Надгробным.

Медсестра удивленно посмотрела на женщину, она ничего не поняла.

– Только после осмотра врача. Потерпите еще немного.

– Если бы он мог терпеть, я бы не попросила… Разве не видишь, я теряю детей? – ответила Нубар обиженно.

– Тетушка, все в удручающем состоянии, всем требуется помощь.

– Таких горемык, как я, нет, – всхлипывая, прижала она край косынки к глазам.

***

К утру стало поспокойнее. Нуждающихся в медицинской помощи стало меньше, солдатам, поступившим из зоны боевых действий, была оказана первая медицинская помощь, некоторые были прооперированы. Госпиталь был полон стонами, мольбами и криками раненых. Некоторые, не выдерживая боли, молили Бога о смерти. Благо, смерть где-то заплутала и в больницу пока не собиралась.

Все сочувствовали состоянию Минары, а поняв суть дела, качали головами, мол, искалечили девушку на ровном месте. Увидев пальцы Джамала, и вовсе поражались – надгробие стало каким-то бедствием вашей семьи. Узнав, что надгробие погрузили в повозку по настоянию Минары, пожилой доктор долго и задумчиво посмотрел на окружающих и покачал головой:

– Судьба…

Для Минары соорудили место в уголке. Нашли и принесли откуда-то железную сетку от кровати. Подложили под углы кубики и приподняли над уровнем пола. Члены семьи расселись вокруг нее на полу. Нубар сидела, обняв Джамала. Ему также дали лекарство и перевязали руку. Он немного успокоился. Лицо Минаввар промыли риванолом, на ссадины нанесли мазь, и ей тоже значительно полегчало.

К утру во дворе больницы собралось много людей. Прибыли и чиновники. Они что-то увлеченно обсуждали, осматривали двор, что-то подсчитывали. Спустя некоторое время хлынул поток изрядно расстроенных людей, проклинающих и правительство, и армян, и народофронтовцев – словом, все и вся, за положение, в котором оказались.

Выяснилось, что для беженцев, лишившихся крова, будет сооружено временное убежище. Семендер, вышедший на шум, увидел в толпе Мусеиба.

– И ты здесь?

– Да, брат.

– А семья?

– Все благополучно... только в гробу я видал такое благополучие.

– Не говори так, не гневи Бога. Говори, что случилось?

– Надгробие искалечило двоих детей. Состояние Минары совсем удручающее.

– Слушай, я не понял…

– Только я запряг повозку и собрался вывезти семью, Минара начала настаивать, чтобы мы забрали и надгробие. На дорогу рядом с нами упал снаряд, конь испугался, вскинулся, опрокинул повозку, и надгробие свалилось на ногу Минары. Похоже, колено сломано. А Джамалу надгробие прищемило руку. И у него, кажется, пальцы переломаны. Пропадают мои дети, Мусеиб! – сказал он и, всхлипывая, заплакал. Он плакал, выплескивая давно накопившиеся боль, злость, обиду, гнев, отчаяние, беспомощность, горе, лежащее на его плечах, как тяжкое бремя. Он не стыдился делать это при Мусеибе, ибо горе у них было общее… Никто не понял бы его, как Мусеиб.

Кто-то громко позвал Мусеиба по фамилии.

– Иду, – крикнул он и отошел. – Сейчас вернусь, жди здесь!

Окликнул его уполномоченный исполнительной власти Бейлаганского района.

– Послушай, прими выделенные доски, палатку и прочие требующиеся материалы, начинай сооружать, – сказал он и протянул Мусеибу лист бумаги.

Тот обернулся и издалека потряс указательным пальцем, знаком веля Семендеру никуда не уходить, ибо в этой суматохе отыскать односельчанина было бы непросто. Вместе с членами своей семьи он забрал выданные ему материалы и двинулся в указанном направлении.

Звуки топоров, молотков и пил охватили больничный двор.

***

Ближе к вечеру по инициативе и с помощью Мусеиба был сооружен приют и для семьи Семендера. Минару перенесли вместе с той железной кроватью, на которой она лежала. Выяснилось, что здесь они пробудут недолго, всех беженцев отправят в Баку. На лице Нубар промелькнул луч надежды: «Даст Бог, там мы обратимся к какому-нибудь хорошему врачу и вылечим моего ребенка».

Оказанная медицинская помощь, всякие лекарства и препараты помогали мало. Состояние Минары и Джамала по-прежнему было тяжелым. Днем боли немного утихали, а по ночам удваивались. Минаввар немного полегчало. Когда меняли повязки, пораненная щека болела не так сильно, как прежде.

Тело Нубар становилось все грузнее и грузнее, руки и ноги ломило. Горе согнуло и Семендера. Он часто роптал в сердцах: «За что нам такая участь?! Неужели правительство об этом не знало?! Если не знало – очень плохо! Если знало, почему не приняло мер?! У них что, разведки нет?! Передохли все?! Что за государство такое недальновидное?! Только и знают, что совещаться! Болтают попусту, собачатся! Скольких людей оставили без крова, пустили по миру! И что теперь будет с нашими землями?! Армянам достанутся?! Господи, не допусти!»

Чем больше он думал, тем больше его пробирала дрожь. С каким трудом он построил дом, разбил сад, обустроил двор. А сколько было односельчан с намного лучшими условиями, чем у него. Теперь все они были в одинаковом положении. Теперь всем им предстоит снова строить дома, обустраивать жилье... Как? На какие средства? Где?.. Все, что имели, все осталось армянам. Очень мало, кто смог вывезти пару-тройку мелкого рогатого скота. На чем спит его дочка Минара, над которой он трясся с рождения? Врач велел кормить ее бульоном, а к бейлаганскому рынку не подступиться, ни птицы, ни мяса – все пропало с прилавков. «Да что же это за нрав у наших? Едва начинаются малейшие беспорядки, сразу все пытаются нажиться на этом. Говорят, что до вчерашнего дня те же куры на рынке стоили не дороже пяти манатов, а сейчас ни копейку не уступают с четырнадцати манатов».

У Семендера голова горела от размышлений, раздумий, предположений. Он все не мог найти какого-то выхода. Ничего хорошего не ожидалось. «Ладно, а что потом? Предположим, что потратим мы какие-то сбережения, продадим оставшиеся пару-тройку украшений на пропитание. А потом что?»

Раздумья унесли Семендера в дальние дали. Самое ужасное было то, что в конце пути – в конце раздумий не было видно света. Он чувствовал себя разбитым кораблем со сломанным штурвалом, потерявшим компас в чреве океана. Судьба его больше не была в его руках. Надежда была на попутный ветер. Он мог унести его в тысяче направлений, но лишь одно из этих направлений вело на берег. Подует ли попутный ветер в том направлении?..

Во время сооружения временного приюта для беженцев кто-то заметил надгробие Гурбата. «А это кто сюда привез?»

– Эй, народ, чье это надгробие?.. Да упокоится с миром! Я себе пристанище строю. Может, хозяин найдется…

Семендер направился к нему.

– Мое это, я заберу.

– Давай и я помогу, положим, куда скажешь.

Вместе они отнесли надгробие подальше от попираемых мест, а через два дня отнесли «домой» – в пристанище, в котором ютились.

Странно, но они нашли в этом какое-то утешение. Ведь сын был с ними, рядом…

***

После того, как ситуация немного разрядилась, беженцы со двора военного госпиталя на всякий случай были эвакуированы в палаточный городок в Имишли. Соседи собрались быстро. Благо, ничего из пожитков таскать не нужно. Велели портному переезжать – он воткнул иголку в ворот. Так же и они – взяли узел с пожитками и в путь-дорогу. Когда дело дошло до семьи Семендера, и водитель, и организаторы переезда растерялись. Загрузить надгробие в машину – не такая уж большая проблема, несколько человек сообща загрузили бы. Но кто поручится за то, что по дороге оно не упадет и не покалечит пассажиров? Как говорится, обжегшись на молоке, и на воду дуешь. Неприятности с надгробием уже отразились на этой семье своими трагическими последствиями: бригада прибывших из Баку врачей ампутировала ногу Минаре, а Джамалу отняли средний и безымянный пальцы. Шрамы оставили на лице Минаввар ужасные следы. Казалось, лицо девушки было обсыпано крупой. Соседи тоже опасались – никто не говорил: «Не грузите это надгробие в машину, в которой мы поедем», но ощущались недовольство, беспокойство и страх людей.

– Аксакал, что будем делать? Вы едете?

Это был уполномоченный исполкома, ответственный за переселение. Смысл вопроса на самом деле был таков: «Если едете, садитесь и вы. Если хотите забрать и надгробие с собой...»

– А можно для нашей семьи организовать отдельную машину? Чтобы мы и надгробие могли…

– На данный момент такой возможности нет. Мы обязаны всех вас срочно переселить. Наверняка вы в курсе, что армяне уже добрались до равнины Харамы, а оттуда до Бейлагана рукой подать.

Было решено ехать, поселиться в палаточном городке, осмотреться на новом месте, а затем вернуться через два-три дня и, даст Бог, забрать надгробие.

– Бог даст, ничего не случится.

– Дай Бог и армянским матерям таких бед!

– Как ей бросить надгробие сына черт знает где и ехать? Ты бы смог?

– Бог не простит им этих злодеяний!

«ГАЗ-51» двинулся в путь. В этот раз Гурбат улыбался не только родителям, но и всем остальным односельчанам.

«Езжайте, езжайте. Кому я теперь нужен? Ладно бы чужие люди, похоже, родные мать с отцом – и те устали от меня. Всем место нашлось, кроме меня. Я всего лишь камень. И название жуткое: надгробный камень».

***

В палаточных пристанищах в Имишли были относительно нормальные условия. Они вполне годились если не для постоянного жилья, то, по крайней мере, в качестве временного убежища. Поблизости была большая роща, лес, как его называли местные. Настоящие леса остались в тех горах – леса, которым конца-края не было, целое войско могло затеряться в этих дремучих чащах. Что же поделать? Нужно было как-то обходиться. Воспользовавшись поваленными и сломанными деревьями в качестве дров, можно было как-то пережить эту зиму. Это были пока первые планы, пришедшие на ум. Теперь же главной задачей было навести порядок и привезти надгробие Гурбата.

При помощи постельного белья они разделили внутреннюю часть палатки на три части. В одной части спали сами, в другой – девочки и Джамал. Надгробие собирались поставить в той части, где спали сами. Наутро Семендер собирался съездить в госпиталь с одним из старых кунаков из села Шахвердили и привезти надгробие. Сейчас же он, прислонившись к дереву и перебирая в руках четки, погрузился в глубокие раздумья.

А ведь говорят «Общую беду принимай как праздник». Пропади он пропадом такой праздник! Лишились родины и крова, двое кровиночек искалечились, все нажитое честным трудом пропало! Где я буду работать? Как будем жить? Неужели наше государство настолько слабое, что мы не смогли противостоять армянам? Или мы стали жертвами чиновничьей грызни? Значит, я должен быть изгнан из своего дома, чтобы в Армении или Азербайджане кто-то пришел к власти? С чего бы это?! В чем моя вина?! В чем наша вина?!.

Односельчане были в таком же положении. И их имущество, нажитое честным трудом, накопленное годами по крупинкам, – все осталось врагу. Были среди них люди, во много раз состоятельнее Семендера. Беда не обошла никого. Все понесли потери. Разница была в том, что в суматохе того страшного дня пострадали его дети. Минара пережила страшные дни – гангрена поразила кость так сильно, что бедняжке пришлось ампутировать ногу, а Джамалу – два пальца. Мало было горя, а тут еще и дети остались калеками!

Ноги Семендера замерзли. Задумавшись, он машинально так сильно бился спиной о ствол дерева, что все ребра исцарапал. Вечером, когда он разделся, чтобы лечь спать, жена поразилась:

– О, Боже, кто это тебя так изуродовал?

Кое-как объяснил ей и отвернулся к стене. Утром рано Семендер должен был отправиться в Бейлаган. Он закрыл глаза, но уснуть не удавалось. Куда он повезет надгробие Гурбата? Могила осталась в Сирике. Надгробие же должно быть установлено на могиле. Не получилось. Так что же ему теперь делать, как быть? Бог даст, когда земли отвоюют, отвезет и по шариату, и по закону установит в положенном месте. Но когда это будет?.. Допустим, через год… Может быть, через два года… Три года?.. А что до тех пор?.. Он медленно повернулся на спину. Нубар быстро сомкнула глаза. Она не спала и знала, что муж тоже не спит.Она знала его как свои пять пальцев, потому и не спала: ждала, что он что-то скажет, поделится какими-то планами. Нубар, как и Семендер, одолевали горькие раздумья о будущем. Что будет с Минарой? Кто женится на девушке с ампутированной ногой? Где будет работать Джамал с искалеченной рукой? Как быть со школой, образованием детей? Как долго Семендер выдержит все это? Да и она сама…

***

Они все не могли привыкнуть к этой жизни. На равнинах утро открывалось по-особенному, и ночь опускалась иначе. Не было ни рокота рек, текущих с подножия гор, ни журчания родников, бьющих ключом подле их домов. Измучились они от грохота умывальников, висящих на закопанных в землю шестах и начинающих греметь с самого утра. И без того измученные переживаниями мужчины часто не выдерживали:

– Да наполните же эту проклятую посудину водой!

– Только что ведь набрала… – бормотали женщины под нос.

Там – теперь это слово употреблялось часто – то есть в деревне, в их районе, когда на улице разговаривали двое, никто их не слышал, кроме них самих. Здесь же – в новом месте, куда они переселились, в палаточном городке – беседы словно в доме велись. По ночам вой и крики лис, шакалов и волков охватывали всю округу. Да как же люди живут здесь?! Не страшась, глубокой ночью они шли в уборную в самый конец двора. Ничего себе, и ведь не боится народ, что повстречают волков или шакалов, которые разорвут их в клочья в считанные секунды. Равнинные жители прямо какие-то храбрецы, честное слово! И особенно дети, подростки.

Порой ночами автоматные очереди приводили в трепет не только людей и животных, но и деревья, листья, траву, цветы. Напряжение в воздухе передавалось и людям. Все разговаривали громко, чаще высказывая свое мнение криком. Всех словно подменили. Как будто и говор у всех изменился, люди не так быстро понимали друг друга. Прежние привычки, приветствия, разговоры терялись, забывались. Приветливость, добрососедство сменились неприветливостью, отчуждённостью, замкнутостью, безразличием, хладнокровием, заботой только о себе и о своей семье. Так постепенно родственники, односельчане отчуждались друг от друга, не могли, как раньше, непринужденно ходить друг к другу. «А вдруг у них дома совсем скудно, и им будет стыдно, и мне... Да что ж за времена-то пошли, будь они неладны! Вот ведь дожили».

Прежде родственники, односельчане, жители соседних деревень поддерживали друг друга. Кто-то приносил матрацы, кто-то одеяла, кто-то отдавал свои старые ковры и паласы, другие несли ведра, кастрюли, тарелки и даже вилки, ножи, ложки – словом, никто не скупился, помогали кто чем мог. Даже в чайных ложках была нужда, ибо все оставили свои дома полными, ничего не успели забрать. Все выбежали на бейлаганскую дорогу, спасая свою жизнь, и успели вынести лишь накопившиеся скудные сбережения. А сбережения эти таяли с каждым днем. Людям постоянно приходилось перемещаться с одного места на другое, как кочевникам. Не было еще ни постоянного жилья, ни постоянной работы. Жители целого края были оторваны от своей родины и превратились в скитальцев. Конца этому не было видно. Все было окутано пеленой неизвестности.

Во всей этой безвестности и неясности одна тревожная мысль завладела разумом Семендера. То были раздумья о том, как перевезти надгробие Гурбата из Бейлагана в их убежище в Имишли. Ни о чем другом он думать не мог. В деревне у него голова разрывалась от размышлений о множестве дел, которые необходимо было сделать на утро. У него в прежние дни бывало столько забот, что даже в самые обычные дни, несмотря на помощь сыновей в уходе за скотом, посеве, поливе и т.п., несмотря на чистоту и порядок в доме и во дворе, благодаря чистоплотности и трудолюбию жены и дочерей, работы не убывало. А здесь не было ничего, чем можно было занять себя и не бездельничать. Сплошные пустота и праздность. Тогда отчего же раскалывается голова? Отчего нет ему покоя?.. Почему он не может спокойно заснуть? Что его гложет? Не надо заботиться ни о сене, ни о чистке хлевов, ни о выводе скота на пастбище… Отчего же тогда так болит голова?

Петухи заголосили, было слышно, как выводят скот. Издалека доносилось тарахтенье пахотных тракторов «К-700». Занималось очередное утро в череде дней, продолжающейся вот уже тысячи лет. Но ей-богу, не те это крики петухов, не то движение животных, не тот рев машин и моторов, не то наступление утра, кои были в тех горах и родных краях. Хоть убейте меня – все не то…

Здесь, на равнине, словно утро по-иному наступает, заря по-иному занимается. Боже, мы бы не померли, нас убьют эти печали! Мы и здесь у себя на родине, в своей стране, а все никак не можем приспособиться. На каждом шагу чувствуем, что находимся не на своем месте, не в своей тарелке. Многое не совпадает, не стыкуется, даже в обычных вопросах порой не можем договориться с местными. Быть беженцем оказалось поистине адской мукой. Если мы проживаем ад в этом мире, то на том свете нам положен рай. Ибо не может один человек дважды быть брошен в ад. За все наши мучения не лишай нас своей милости, Боже!

С этими мыслями и молитвами Семендер поднялся с кровати. Глаза его горели от бессонницы. Во рту пересохло. Это оттого, что он не мог пить воду из канала. Он никак не смог согреться, потому что не мог спать в чужом месте. Даже воздух, который он вдыхал, и тот не доходил до его легких полностью, казалось, и воздух этот не свой, а краденый. Все это оттого, что он не на своей отчизне.

«О, Аллах, нет у нас убежища, кроме Тебя! Заступись за нас!»

Водитель, как тень, скользнул из-за деревьев и поздоровался.

– Доброе утро, дядя! Поехали?

– Да, сынок, не будем задерживаться.

***

Во дворе госпиталя и следов прежней толчеи не осталось. На улицах Бейлагана также было немноголюдно. В последнее время ходили слухи, что и Бейлаган «сдадут», и они подтверждались тем, что состоятельные и влиятельные люди района опустошили свои дома и переехали в Баку. Многие переехали в город вместе со всей родней. Большинство же населения, уповая на могилу пророка Джарджиза, заявили, что не покинут своих домов. Когда Бейлаган бомбили из «Градов», ни один снаряд не попал в гробницу. Как ни старались армяне, так и не добились своих грязных намерений. Позже азербайджанские солдаты значительно отбросили их назад. Но слухи оказали свое влияние – центр района действительно выглядел опустевшим.

Семендер не мог поверить своим глазам, когда приблизился к месту, где они оставили надгробие. Один из пациентов больницы, поставив ведро воды на надгробие, поливал другому, а тот мыл посуду и складывал ее на надгробие. Надгробие было перепачкано мылом и жиром и надтреснуто с краю, с левой стороны. А Гурбат все так же улыбался.

– Ах, вы, нелюди! Вы что творите?!

Они поняли все, когда увидели чуть не плачущего мужчину и медленно приближающуюся к ним машину с открытым багажником. Несомненно, это были хозяева надгробия, приехавшие за ним. Они поспешили извиниться.

– Аксакал, извини, виноваты! Мы сочли надгробие покойного единственной чистой поверхностью и потому вымытую посуду складывали на него. Хорошо, что вы приехали. Лучше вам его увезти.

Надгробие своим опечаленным и унылым видом не желало смотреть на кого-то. Оно было полностью перепачкано в жире и грязи. Под покрытым грязной водой и слякотью камнем его душа разрывалась на части.

«Отец, где же ты был, почему задержался? Детвора ночами нужду на меня справляет. Я тоскую здесь. Заберите меня с собой! Как же быстро я вам надоел...»

Сначала Семендер начисто протер надгробие тряпкой, которую привез с собой, а мывшие посуду с раскаявшимся видом кинулись помогать грузить его в машину. То ли они не осилили тяжелое изваяние, то ли спешили поскорее избавиться от камня, напоминавшего им об их неблаговидном поступке, – надгробие вдруг выскользнуло у них из рук и с грохотом свалилось на землю. Треснувшая часть с левой стороны надгробия, как ножом отрезанная, отвалилась.

У Семендера голова закружилась, в глазах потемнело.

– Будь проклята ваша помощь!

– Да что вы за неумехи такие?! – закричал водитель, срывая злость на помогавших. – Дядя, ты в порядке? – поддержал он Семендера под руку, при этом думая: «Не мужик я, если копейку с него возьму».

– Пойдем, сынок. Мои дела изначально не сладились.

***

Из всех сирикских беженцев наиболее тяжелым было положение семьи Семендера. Конечно, толковать о чьем-то везении было бы нелепо. Куда уж хуже? Быть беженцем у себя на родине – самая страшная участь на свете. Все несли бремя изгнанничества и беженства, и все потеряли свои дома и имущество. Все были вынуждены отстаивать мутные воды канала или арыка и пить, пусть даже с отвращением. У всех заботы, проблемы, «дом», «быт» были одинаковы, одного цвета, из одинаковых палаток. Однако, помимо всех прочих горестей, на душу Семендера тяжким бременем легла трагедия двоих искалеченных детей. Стоны его изнывающего от боли сына Джамала по утрам и вечерам изводили Семендера.

Односельчане с помощью сыновей начали обустраивать временное жилье, утолщать изгородь сухими ветками, привезенными из леса Шахвердили, сажать деревья, купили пару-тройку овец, более состоятельные – коров, бычков, и постепенно наладили быт. Тем, у кого было больше подмоги, было немного легче.

Парни стали цепляться за любую работу, которую предлагали на стройках, в конторах дорожного управления и на рынках в Имишли, и приносили немного денег в свои семьи. Некоторые из них, приноровившись, скупали в соседних районах коров, телят и овец и стали торговать мясом на сарыханлинском повороте. Многие посадили в своих двориках зелень, помидоры, перец, баклажаны и, торгуя овощами, кое-как перебивались. Были и те, кто 2-3 раза в год собирал урожай с небольшого участка.

Эта сторона жизни на равнине – умеренная погода и плодородная земля низменностей пришлась по душе беженцам. Поскольку они были беженцами, им бесплатно выделяли земельные участки из государственного фонда, и они, засевая их, получали дополнительный доход. Компетентные органы закрывали на это глаза, не придирались. Еще и сверху дали указание не притеснять народ, не причинять им беспокойства, пускай, мол, устраиваются, как могут.

Со временем беженцы кое-как устроились. Более бойкие и расторопные трудились, как могли, и по вечерам возвращались домой с заработком. И государство понемногу помогало, и помощь из-за рубежа начала поступать. Так и жили.

Только в семье Семендера ситуация продолжала оставаться невыносимой.

Прежней веселой, бодрой, жизнерадостной Минары, щебечущей весь день, напевающей мугам во время занятий домашними делами, не было. В старые добрые времена дома она и сама чувствовала, что члены семьи, делая вид, что занимаются своими делами, на самом деле исподтишка слушают ее. И это очень нравилось Минаре. Это означало, что голос ее вовсе не плох, и стоит петь. Поскольку она была самым младшим ребенком семьи, и отношение к ней было особенное. Больше всех в семье потакали ее желаниям. И больше всех ее баловал брат Гурбат.

Теперь же Гурбата нет. И никогда не будет. И больше уж не найдется никого, кто будет исполнять все ее желания, как это делал Гурбат. Судьба нанесла ей самый тяжелый удар, она потеряла ногу. Часто она вспоминала жалобные причитания матери: «О, Аллах, кто же теперь возьмет в жены эту девочку? Какая же тяжкая доля выпала моей девочке, Господи!»

После операции Минара жила в полном молчании и апатии. О предстоящей ампутации ее никто не предупредил. Но врачи знали, что это произойдет. Гангрена продолжала распространяться. О безвыходности положения врачи рассказали ее родителям, и они вынужденно согласились на операцию. Оставалось лишь под каким-нибудь предлогом доставить Минару на операционный стол. Откладывать операцию было равносильно смерти. Но и это было не главной проблемой. Все с ужасом ожидали, как отреагирует Минара на это после операции. Если удастся относительно спокойно, без истерики пройти начальный этап, дальше было бы легче, она постепенно смирилась бы со своей судьбой, успокоилась бы.

Нубар снова и снова мысленно просматривала свой жизненный путь, стараясь вспомнить, где ошиблась, какие грехи она совершила, кого обидела, чьи надежды разрушила, но в голову ничего не приходило. «О, Владыка небес и земли, или убей меня, или сжалься над моими детьми! В чем моя вина?! Никто никогда не касался моей руки, кроме Семендера, краем глаза не взглянула я на чужих мужчин, никогда не провоцировала пересуд о себе. За что же мне такие испытания?! Клянусь, что и дети мои и муравья не обидели! Тебе известно, что дети Семендера ни в нашем селе, ни в окрестностях не заслужили дурной славы. Одного Ты забрал у меня, да будет воля Твоя, не роптала я ни дня! Другой, старший сын, полуголодный, измученный на суровых морозах, несет службу в Мурове. Мечтает о возвращении домой, о встрече с Минарой, да командир не разрешает, говорит, принеси столько-то денег. А где они, деньги-то, где их взять? Дом мой сровняли с землей, потух мой очаг… Жила я в своем доме припеваючи, горестей не знала, ни в чем не нуждалась. А сейчас бегаю за курицей, жду, когда она снесет пару яиц, чтобы я пожарила их на «Тексуне», накормила Джамала, чтобы он пошел, встал на дороге в Бахрамтепе, авось, кому его помощь понадобится, может, хоть какие-то гроши подзаработает. Сердце мое разрывается! Приснись мне хотя бы, укажи мне на мои грехи, чтобы я знала хоть, за что наказываешь! Ей-богу, если так пойдет, сердце Семендера не выдержит! После этого я покончу с собой! Дети станут круглыми сиротами и пойдут по миру! Почему Ты ежедневно меня убиваешь и снова воскрешаешь? Почему не смилостивишься над нами?..»

Она, всхлипывая, утерла слезы. Встала и вышла во двор, но и там не нашла себе места – Минара могла услышать. Она толкнула «ворота», сооруженные из сухих веток и накрытые зеленым брезентом (чтобы двора не было видно), и вышла на улицу. Окинула взглядом чуждую ей, простирающуюся, пока хватает глаз, равнину. В их краях не было таких широких, просторных равнин, где дерево вдалеке видно, словно на кончике носа, и, тем не менее, идешь-идешь и никак не дойдешь до него.

Что это за чудеса, Господи милостивый, словно какая-то волшебная сила отдаляет от тебя дерево по мере твоего приближения.

«Интересно, как там Салахат? Бедное мое дитя, мерзнет, наверное. Недавно связала и отправила ему свитер, носки, чтобы надевал под формой и согревался, чтобы ноги не мерзли. Так он написал: «Командир заявил, что это запрещено, нельзя, кое-как взял обратно носки, но свитер он не отдал. Сказал, радуйся, что хотя бы носки получил, если руководство прознает, меня самого накажут. Но через несколько дней я увидел этот свитер на нем.

Я отнес им обед из столовой. Они сидели вокруг печки и играли в домино. Командир расстегнул на груди пуговицы, я сразу узнал этот свитер. Он рассердился, мол, почему еду принес я. Я ответил, что дежурю, это моя обязанность».

На этом месте Нубар словно вместе с одеждой бросили в горящий тендир. Женщину бросило в жар от гнева и негодования. Она расстегнула ворот кофты, сняла с себя косынку. «Да разве ж так можно?! Ай, командир, у тебя что, ни матери, ни сестры, ни жены нет, чтобы связали для тебя такой свитер?! Что ж ты позарился на свитер моей кровиночки? Он же, бедняжка, дни напролет несет караул на морозе! Где ж твоя совесть-то?!..»

Побродив так, говоря сама с собой и пытаясь привести в порядок мысли, она вернулась в убежище. Ей было некуда себя девать – здесь было не так много работы, как в деревне. Заботы о приготовлении еды Минара взяла на себя: сидя на своем привычном месте, она чистила картошку и лук и готовила обед. Минаввар занималась двором. Джамал же с рассвета до заката, так же, как и его сверстники, простаивал на дороге Имишли-Бахрамтепе возле самодельных, хлипких будок, разглядывая людей и машины. Когда они были голодны, бежали в свои убежища, перекусывали чем бог послал и снова возвращались. Затем, когда продавцы мяса начали жарить и продавать на дорогах шашлыки, они стали помогать им, собирать дрова, и еще из гладких веточек делали маленькие шампуры, которые нравились людям и привлекали покупателей. «Ребята, принесите-ка нам пять-шесть палочек шашлыка!»

Таким образом, подрабатывая кое-как днем, в убежища они возвращались только ночью. Рассказывали домочадцам об увиденном, услышанном. Так друг за другом проходили дни.

Семендер с Нубар поместили надгробие в углу, где спали сами. Они сделали это, чтобы сердца их дочерей и Джамала не обливались кровью каждый день. Но Нубар свет был не мил. Часто слышала она от Семендера странные слова. Вечером, укладываясь спать, он вдруг спрашивал: «Ты укрыла ребенка?»

Сначала она подумала, что он имеет в виду Джамала, и встала, собираясь перейти на другую сторону, где спят дети, как окрик мужа вернул ее назад:

– Куда ты собралась?!.

– Взглянуть на Джамала, – оторопела Нубар.

– Дура ты эдакая! Я о Гурбате говорю…

Нубар совсем растерялась. «Он что, с ума сошел?»

– Укрой его чем-нибудь, – продолжал настаивать Семендер стонущим голосом. Нубар не стала перечить – натянула одно из старых одеял на надгробие и в душе не осудила мужа. Действительно, было очень холодно. Дровяная печь недавно потухла. Днем они не сидели дома, занимались разными делами и потому не топили печь. Да и дрова найти было непросто. Когда сюда нахлынули беженцы, лесник стал еще бдительней, но все равно было видно, что лес поредел, и он никак не мог с этим справиться. Лесник выполнял свои обязанности, но и людям не помирать же от холода…

Обе стороны, стыдясь, следя друг за другом, исподтишка боролись за выживание, ругая и проклиная тяжелые времена и армян. Вечерами, когда все собирались домой, топили старую железную печь, подбрасывали в огонь хворост, сухие корни, с недавних пор и кизяк: одними дровами было не обойтись. Иногда от едкого дыма

слезились глаза, но другого выхода не было – хоть согревались, приходили в себя. На той же печке и обед готовили, и чай заваривали, и жарили маленькие кусочки мяса. Многие так делали. Кипятить воду, чистить картошку, лук, овощи занимало много времени. Так было удобно. Какая разница, если цель – всего лишь утолить голод. Да и на сон грядущий незачем объедаться, слава Богу, и за эту скудную пищу. Не силосные ямы ведь набивают, как в советские времена…

Туманный, влажный воздух равнины пропах шашлыком. Ветер разносил ароматы в соседние деревни, а местные полусерьезно-полушутя подтрунивали над ними при встрече: «Беженцы пируют, шашлыки едят каждый день». У многих из беженцев при этих словах на лицах появлялась ироничная и болезненная улыбка, они тяжело вздыхали и качали головой. Были и те, кто не выдерживал и язвил:

– Чтоб вы так пировали!

И все же больше всех ухаживала за надгробием, став напротив него, тихо разговаривала с ним, а чаще всего горько плакала Минара. Когда это общение затягивалось, приготовление обеда ложилось на плечи Минаввар. Нубар тоже иногда помогала дочерям. Тоскливые, утомительные, раздражающие дни тянулись невозможно долго. Всем помогала держаться надежда, что Салахат скоро закончит военную службу, вернется домой и будет большой поддержкой и помощью. Семендер, можно сказать, остался один. Если бы Джамалу не ампутировали пальцы, он бы както подрабатывал и приносил домой хоть какие-то деньги. А так, все, на что у него хватало сил, это собирать ветки в лесу для шашлычника, помогать ему по мелочам и зарабатывать себе на обед. И ладно – хоть чем-то занят. Иногда, когда проезжие обращались к нему: «Мальчик, принеси-ка пару палочек шашлыка!», он живо хватал шашлык и, завернув его в лаваш, бегом нес клиентам. А клиенты, то ли тронутые его услужливостью и приветливой речью, то ли от жалости при виде его пальцев, давали ему мелочь. За день у него набиралась пара манатов, а иногда и больше. Это уже здорово поддерживало семью, и со временем он становился более приветливым, расторопным и бойким. Крупную буханку хлеба, которую он покупал за пятьдесят копеек по дороге домой, в семье встречали с благодарностью. Нубар, поглаживая голову младшего сына, со слезами радости на глазах, смешанной с печалью, говорила:

– Хвала Всевышнему за тебя! Кормилец мой!

А затем, исподтишка взглянув на исхудавшего в последнее время от раздумий мужа, как бы утешая его, добавляла: «Погодите, вот вернется Салахат, тогда наше положение станет еще лучше. Он тоже построит у дороги будку, откроет небольшую шашлычную. Джамал будет работать с братом, вдвоем они заработают много денег, и мы избавимся от бремени бедности. Помните, как вкусно Салахат готовил шашлык?» Картина в их воображении немного обнадеживала их, и каждый погружался в свои грезы. Из заработанных денег каждый в своих мечтах что-то прикупал для себя и поручал местным торговцам, потихоньку повадившимся в лагерь беженцев, принести всякие мелочи для себя: «Смотри, в следующий раз не забудь!»

Семендер, у которого от блеска детских глаз сердце обливалось кровью, говорил: «Ладно, укладывайтесь-ка спать, утро вечера мудренее», – и первым поднимался со своего места у печки, где сидел, облокотившись, весь вечер.

В центре помещения, которое они называли и кухней, и гостиной, горела дровяная печь. Тепло распространялось во все уголки их жилища.

***

Салахат, узнав, что сестре ампутировали ногу, а брату пальцы левой руки, чуть из ума не выжил. Сначала не знал, как реагировать на эту ужасную новость – и верил, и нет. Трагедия Минары довела его до мыслей о самоубийстве. «Господи, какая страшная участь! Могло бы и на землю упасть, обязательно надо было на колено

сестры падать?! Как теперь сложится ее судьба? Нет, вряд ли она будет жить, покончит с собой! Хоть бы до моего возвращения ничего не случилось».

Он был старшим ребенком семьи, и как настоящий мужчина, повидал много испытаний в жизни, но и он не мог смириться с трагедией, произошедшей с родными, и все время размышлял над тем, что будет, когда он встретится с сестрой. Как с ней поздороваться? Что сказать ей? Какие слова подобрать для утешения? Представляя состояние отца и матери, он бился головой о стены казармы. Сослуживцы не спускали глаз с Салахата, боялись беды.

– На тебя вся надежда, вся семья тебя ждет! Выбрось из головы глупости! Знай, что даже Аллах не простит тебя на том свете! Не только же с вашей семьей случилась беда... Всем районом стали беженцами! Ты хотя бы знаешь все о своей семье! А знаешь, что случилось с другими?! Есть люди, которые всей семьей попали в плен к армянам...

Хотя все эти утешения и наставления сослуживцев, напоминающие назидания аксакалов, немного успокоили Салахата, они не могли подавить желания увидеть родных, особенно Минару.

Он знал, что его семья остро нуждается в его помощи. Отец был уже не молод. Бремя забот о семье легло на его плечи, и нести его в одиночку было непросто. А мать ничем не могла ему помочь. На ней, как обычно, лежали заботы о готовке, стирке, уборке... Минара и Джамал искалечены, чем они могут ему помочь?.. Им самим помощь нужна.

Сердце Салахата разрывалось, когда он думал о положении своей семьи. Подобно своей матери Нубар, он также, обратившись лицом к небесам, вопрошал, за какие грехи они так наказаны, за что им такое горе, но небеса неприступно молчали. Возможно, если бы он повидался с семьей, то нашел бы ответы на эти вопросы, немного успокоился, и нашел в себе силы закончить службу.

Нет, нужно сказать командиру! Однако ходили слухи, что армяне готовятся к нападению. Сейчас каждый солдат ценен, порой на постах не хватает солдат, а армянские бородачи пробираются на нашу территорию с неохраняемых постов и собирают сведения. Хорошо владея языком, не отличаясь от местных внешним видом, они спокойно шастают по окрестным селам, то торгуют, то скупают овец, и еще, нагло обманывая наивных продавцов, что закупаются для сослуживцев, за бесценок разбирают шерстяные носки, жакеты и смываются. Потом собирают купленное и, ведя перед собой овец и коз, спокойно, не торопясь, возвращаются на свои позиции. А тем, кто встречается им на пути, отвечают: «Я здесь овец пасу».

В окрестных деревнях большинство мужчин одевались именно так, носили такие бороды и так ходили. За десятилетия жизни бок о бок армяне и азербайджанцы стали очень похожи внешне, походкой и поступками. Представители других народов всегда это особо подчеркивали. В первые годы конфликта приехавшие в регион представители международных организаций, различные эксперты и конфликтологи никак не могли понять, что противоборствующие стороны – два разных народа. Иностранцы, в частности, глядя на добровольцев и военнослужащих, которые говорили в основном по-русски, были в форме советской армии, вооружены советским оружием, пользовались советской военной терминологией, ездили на советской бронетехнике, имели одинаковые бороды, глубоко задумывались.

Так называемые примирительно-следственные представители из бывшего СССР, по-современному – из СНГ, тоже держали нейтральную позицию, были либеральны и явно не признавали очевидного факта – оккупацию азербайджанских земель армянами. Большинство из них, во избежание лишней головной боли, даже не хотели подходить к солдатам в отдаленных местах – тяжелые, мол, времена, всякое может случиться. Оно нам надо? Есть правительство, есть войска, есть министр обороны, есть советские власти, вот пусть они и разбираются.

Когда конфликт только-только разгорался, народ верил, что это так не останется, возможно, не сегодня-завтра азербайджанские войска освободят наши земли. Кто они такие, чтобы долго хозяйничать в наших домах?

Пока еще это были сладкие грезы. Пока еще армяне, помимо гористой части Карабаха, держали под оккупацией и несколько сопредельных районов. Президент России Борис Ельцин и президент Казахстана Нурсултан Назарбаев вместе со своей свитой прибыли в Гянджу, посетили прифронтовые боевые зоны региона и высказали свое мнение по урегулированию конфликта. Они также встретились с тогдашним президентом Азербайджана. У людей появилась надежда, что вопрос, наверное, скоро решится и наступит мир, как в советское время. Но месяцы шли, а ситуация все ухудшалась.

В такой ситуации было бы ребячеством говорить: «Я хочу повидать родителей, навестить прооперированных сестру и брата, разрешите отлучиться на три дня, увижусь с ними и вернусь». Командир рассердится, растрезвонит просьбу «этого маменькиного сыночка» на весь батальон и сделает его посмешищем. А это было хуже смерти. Кто ж согласится с унизительным клеймом «маменькин сыночек»?

Но ведь очень хочется повидаться с родными. Допустим, что командир и боевые товарищи так подумают. А как же родители? Они подумают, какой же хладнокровный, ненадежный и равнодушный человек их старший сын! И что с того, что он служит? Нынче же не советские времена, когда служить отправляли на далекий Сахалин, во Владивосток, в Читинскую область, и дорога домой занимала 20 дней. Он даже не в Москве или Ленинграде, откуда добираются домой 2-3 дня. Это же вот, рукой подать – по дороге Товуз-Имишли 3-4 часа езды на «Жигулях». Просто приехал бы, повидался, справился о самочувствии и вернулся бы обратно... что тут такого?

На самом деле, так и было, но у военной службы свои законы, нельзя – значит нельзя! Тогда отчего же Азера отпустили домой на целую неделю, да еще и дальше, чем в Имишли – в Сабирабад? Из-за того, что его отец базарком? Он вернулся с целым багажом гостинцев. Правда, большая часть досталась командирам, но ребята тоже наелись всласть, давно не ели фруктов и овощей. А он смог бы вернуться, как Азер?..

Возможно, не как Азер, но точно вернулся бы не с пустыми руками…

Нет, все же попрошу командира! Он же тоже азербайджанец, поймет меня. Жизнь – странная штука, никто не знает, что с ним завтра может приключиться. А может, завтра я стану его командиром? Ведь выдвигают выше тех, кто отважнее и мужественнее. Сам главный командир продвигает, выдает звезду. А меня он всегда хвалит, говорит: «Не парень а настоящий тигр! Не ведает страха! Даже смерть к Салахату подступиться не может!» А как же! Нет, все же скажу я ему! Иначе сердце мое не выдержит! Обратно вернусь с гостинцами. Пусть не как Азер... Но что-нибудь да привезу.

Нет, командир не отнесся к нему, как к «маменькиному сыночку», и не остался равнодушным к его переживаниям. Он покачал головой и глубоко вздохнул, особенно когда узнал о сестре. «Если бы пацаном была бы, еще куда ни шло». Глубоко задумался, видимо, взвешивал все за и против, обдумывал слова, которые собирался сказать, как говорится, выяснял социальное положение Салахата: угодит ли или вернется с пустыми руками?..

– Сам понимаешь, ты на службе. Здесь тебе не школа, чтобы отпрашиваться у учителя. Мы на фронте! В любой момент может начаться бой, и выяснится, что тебя нет на месте. Военный трибунал может строжайше наказать тебя как дезертира, меня лишат звания и упекут за решетку, – сказал он и посмотрел он на Салахата испытующим взглядом.

– Бог даст, все будет хорошо, командир, ничего не случится…

– Кто знает, – пожал плечами командир, – все может случиться… Словом, как доберешься, загрузи мне на телефон контуров на 50 манатов, номер мой ты знаешь…

Конечно же, он знал его. Когда солдаты по срочной надобности на пару минут звонили домой, последними их словами были: «Загрузи контуров на 10 манатов на этот номер. Я говорил по телефону командира».

– … Знаю.

– И вот еще… Из дома ведь будешь ехать, товарищам своим и нам привези гостинцев… Тебя наверняка без денег назад не отправят.

Салахат в подтверждение кивнул головой.

– Договорились?

– … договорились…

– Если неожиданно начнется проверка, я тебе разрешения не давал! Я даже не в курсе дела! Ты сам ушел! Если начнут прижимать, расскажешь им ситуацию – примут к сведению, отделаешься легким наказанием. Разрешения я тебе дать не могу… Нельзя так. Я не имею права. Но и я мусульманин, и я азербайджанец, и я понимаю тебя. Не из камня мое сердце. Я тоже чей-то сын, чей-то брат… Словом, договорились.

– … Договорились.

– Завтра утром сразу же после подъема отправляйся в путь, послезавтра побудь еще с родными, а на третий день к вечеру будь в части. Если задержишься, тебе несдобровать! Я тебя предупредил! Договорились?

– … договорились…

***

По пути из Бахрамтепе в Имишли он прослезился, увидев палаточные пристанища, выстроившиеся в ряд с левой стороны на сарыханлинском перекрестке. Он видел такие лагеря и проезжая по территории других районов, однако не был так потрясен. Так отчего же сейчас ком подкатил к горлу, а на глаза наворачиваются слезы? Что терзает его сердце? Может, встреча с родителями, и в особенности трагедия Минары и Джамала? Может, тяжелое финансовое положение и подорванное здоровье отца его так удручали? Или доля его матери Нубар, переживающей тяжелые дни?..

Он узнал односельчан сразу же, как только увидел: по их одежде и походке, ставшей немного неуклюжей. Поднимаясь или спускаясь с небольшого холма, они шли той же походкой, а при длительной ходьбе по равнине привычный ритм ходьбы, походка нарушались, и шаги становились хаотичными. Они же не привыкли долго ходить по такой гладкой поверхности и потому сейчас шли, словно подпрыгивая.

Выйдя из автобуса, он узнал, где находится их пристанище, и пошел, ступая по слякоти раскисшей от грязи дороги. Первое, что он увидел, вызвало у него странные, непонятные чувства. На обочине дороги, в небольшой будке, сооруженной из старых шпал и шифера, с надписью «Кафе – Райский уголок», продавались шашлыки. Грузовики и легковые автомобили, следующие из Бахрамтепе в Имишли и из Имишли в Бахрамтепе, останавливались перед кафе – название-то какое придумали – «Райский уголок», и водители, и пассажиры с удовольствием покупали завернутые в лаваш шашлыки. Некоторые же скупали по 3-5 килограммов мяса со свежих туш, висящих в ряд на железных крюках, и продолжали свой путь. В одном-двух местах кипели большие самовары, а на досках грубыми, большими буквами было написано «Чай с чабрецом», «Чай с жимолостью».

Пройдя подальше, Салахат увидел нечто, еще более удивительное. Люди, разобрав сиденья, устроили магазин в старом автобусе. Уложили друг на друга строительные камни и соорудили лестницу. Разрезали автогеном и открыли большое окно. Купля-продажа производилась оттуда. На прилавке, на полках были разложены разные жвачки, дешевое печенье, конфеты, мыло, стиральные порошки и всякие

«шмотки». На магазине-автобусе было написано «Супермаркет – Супертовары». Впервые за долгое время Салахат улыбнулся.

Было вырыто два артезианских колодца в противоположных концах палаточного лагеря. От 100-миллиметровой железной трубы в разные направления были протянуты пять 20-миллиметровых резиновых труб и установлены краны, чтобы не выстраивались очереди за водой, и каждому было удобно и близко от жилья. Вокруг кранов было грязно, образовались небольшие лужицы мыльной воды, из которой пили воду снующие под ногами собаки, кошки, куры и скот. Кругом были разбросаны пластиковые бутылки из-под «Колы», «Фанты», «Спрайта», с надписями на английском, арабском, французском, немецком языках, а также жестяные консервные банки. В деревне у них было не так: каждая улица, квартал, двор всегда были чистые и ухоженные. А сейчас в чем дело? Он понял. Несомненно, все увиденное было обусловлено напряженным психологическим состоянием людей, тоской по родине, постигшей их трагедией, бедой, называемой беженством. Люди не могли ни приспособиться к этой ситуации, ни вынести ее. Видимо, таким образом они и высвобождали свои досаду и злость.

Направляясь домой, на утоптанной грунтовой дороге он увидел еще один ПАЗ-670. Его сиденья также были разобраны, в одной его половине был сооружен курятник, а во второй –собачья конура. Автобус был весь дырявый и смахивал на огромный дуршлаг. Салахат снова улыбнулся: летом будет хороший сквознячок.

На старый прицеп и под ним была сложена куча дров, накрытая серым брезентом, – кто-то собрал надежный запас на зиму. Дворы были разделены наспех возведенными изгородями. Воткнув в землю колья из ивовых прутьев и сухих веток и скрепив их ржавой проволокой, построили ограду из тростника, камыша и кустов ежевики: как умели, закрыли проход скоту, собакам и кошкам во двор, чтобы не причинили вреда хозяйству. Скот держали в землянках. Добравшись до дома и немного отдохнув, он узнал, что из-за того, что вода из-под крана идет соленая, для чая и приготовления еды беженцы, как и местные жители, используют араксскую воду: привозят либо сами на телегах, либо покупают у водовозов за 50 копеек, заливают в зацементированные изнутри бочки, чтобы отстоялась. Вскоре и Салахат почувствует разницу между здешней водой и той, которую он пил в своей деревне.

Дети школьного возраста носили футболки, куртки и кофточки с надписями на иностранных языках. Вот это было интересное новшество, которого не было в деревне. Подростки выглядели по-иному: и походка, и речь, и манера поведения были иные. Они, по сравнению со старшим поколением, выглядели более беззаботными, немного веселыми, бойкими и жизнерадостными. Среда, в которой они оказались, похоже, была им интересна. В их речи появились новые слова и выражения. Слова, часто употребляемые ими в деревне: склон, родник, гречишник, чабрец, спуск, овраг, скала и укоренившиеся за последний год в речи слова пост, милиция, ОМОН, БМП, БТР, вертолет, мина, град, пулемет, автомат, снаряд, командир, батальон… более не использовались. Теперь эти слова были вытеснены словами палатка, финские домики, асфальт, кран, тростник, камыш, шпалы, железная дорога, станция, тамариск, соленая вода, араксская вода, комары, мошки, заросли тамариска, заросли солянки и т.д. и т.п.

В первые дни дети спорили о том, гуманитарная помощь какой из оказывавших помощь беженцам организаций «Взгляд на мир» или «Каре» лучше и качественнее, и пытались настойчиво доказывать то, что знали, вернее то, что слышали от своих родителей. Лексика полностью обновилась. В разговорах ребятни было много новых слов и выражений, отличающихся от деревенского наречия. Они даже говор изменили и стали говорить, как местные. Так же протяжно произносили вопросительные частицы речи и глаголы: «Ты идееешь?»

Салахат столкнулся с невообразимой картиной...

Первым его увидел отец. Вероятно, мужчина вышел пройтись. Это было во второй половине дня. Наверное, он повозился бы во дворе, потом пообедал бы, чем Бог послал, и, как другие, вышел бы к дороге. Это стало нормой для мающихся от безделья людей. Кто подсуетился, соорудил себе какую-никакую будку и наладил заработок, как-то еще перебивался. Остальные же толпились вокруг них и глазели на прохожих и проезжих. С иными порой и здоровались. Они знали наизусть автомобили всех чиновников и состоятельных людей Имишли. Те часто приезжали с уполномоченными лицами из Джебраила, навещали их, интересовались их нуждами и помогали, как могли. Так шли недели и месяцы. Вопрос же о возвращении земель затягивался. Минская группа – черепашья группа (как ее называли беженцы) топталась на месте.

Семендер хотел толкнуть ворота, сооруженные из прутьев, и выйти со двора, но они сопротивлялись. Семендер снова попытался, но ворота не поддавались. Из-за частого использования подпорка калитки была сломана и калитка просела. Когда ее толкали, она отклонялась назад и возвращалась обратно; приходилось поднимать вручную. Сын с отцом обнялись прямо через порог:

– Ты приехал, сынок? Опора моя, отслужил уже?

Салахат запнулся от горького кома, подкатившего к горлу:

– Да нет, отец. Я всего год служу. Сейчас нет определенного срока службы. Когда захотят, тогда и отпустят.

Он прекрасно понял отца. Семья очень нуждалась в нем. Он понял это, взглянув на двор. Его отец тоже подготовил запасы для предстоящей зимы. Во дворе было немного дров, небольшая кучка. Стоит разок пойти дождю, все намокнут. Топить печь сырыми дровами было адским мучением. От них по всему дому пойдет горький, удушающий, слезоточивый дым. Если они откроют двери и окна, чтобы рассеять дым, застудят весь дом, тогда какой смысл топить печь?! Ну, а если ради тепла оставить двери и окна закрытыми, придется терпеть удушливый дым. А на сколько их хватит? На сколько дней, вернее, сколько раз?

В землю была закопана черная шпала, к ней прибит умывальник, сбоку висело явно многократно использованное полотенце, под умывальником вырыта яма, а от ямы вел под изгородью к дороге небольшой арык. То есть они соорудили искусственную канализацию для слива грязных вод на улицу. У остальных соседей – то же самое. От крыши дома к электрическому столбу была протянута веревка, на которой сушилось белье. На крышах большинства домиков для беженцев имелись тарелки спутниковых антенн. Перед входом в дом был неаккуратно натянут навес, чтобы можно было оставлять под ним обувь и снег и дождь не мочили их. Из всяких подручных досок и обломков фанеры смастерили подстилку для ног. Понятное дело, это пристанище совсем не было похоже на оставленный ими в деревне дом.

Когда он увидел Минару, радостно ковыляющую к нему с костылями под мышками, у него потемнело перед глазами. Это Минара?!. Хорошо зная ситуацию, он все же не вынес увиденного:

– Сестра, родная моя, да что же за участь такая?! Убей меня, Господи, не видеть бы мне всего этого!

Минара, отбросив костыли, приближалась к нему, подпрыгивая на правой ноге. Она улыбалась. Брат приехал! Она знала, что он с трудом получил разрешение. Приехал на пару дней. Она не хотела провести эти дни в слезах и стенаниях, чтобы брат уехал обратно с камнем на сердце. Все ради него…

Салахат побежал к сестре. На полпути Минара, потеряв равновесие, упала ничком на землю. Салахат со слезами на глазах поднял ее на руки и горестно разрыдался. Минаввар подошла с другой стороны и обняла его. Джамал прижался к брату. Нубар, несущая воду из артезианского колодца, поставила ведра на землю и полными печали глазами смотрела на своих обездоленных и несчастных детей.

– А где же мама?

– Я здесь, мой родной! Добро пожаловать, душа моя!

Это было стоном, воплем, скрытым протестом людей со сломанными, перекалеченными судьбами. Люди проклинали и поносили орудие злого рока, общего врага – армян. Они стали причиной страданий десятков тысяч людей!.

– Проходите в дом, – сказала Нубар.

Так, обнявшись, они вошли в дом.

Он прижал голову Минары к своей груди. От Салахата пахло потом и военной формой. И еще немного костром и сигаретами. Все эти запахи показались ей восхитительными; позже Минара, Минаввар и Джамал часто будут вспоминать эти запахи. Вечерами, когда с дороги дул легкий ветерок Мильской равнины, они восклицали: «О, Аллах, он принес запах Салахата. Хвала Тебе, о, Всевышний!»

Джамал лежал, положив голову на колени Салахата, и гладил пальцы его ног. Намедни Салахат жаловался, что пальцы мерзнут в ботинках.

– Наверное, от долгого стояния на посту, – сказал Семендер киши.

– Да, отец, это так, – подтвердил Салахат. – Это и есть наша основная задача. Разведка – одна группа, боевые отряды – другая, связисты – третья. А наше дело – стоять на посту.

– Что там говорят? Ожидается ли нападение на Армению? Когда мы вернем наши земли?

– Пока об этом нет ни слова, ни слуха, ни приказа, отец. Говорят, ждите, когда будет нужно, отдадим приказ.

– Когда же наконец «будет нужно»? – разозлился Семендер.

– Говорят, наверху лучше знают, отец.

Они еще немного поговорили о том, о сем. Выяснилось, что учителя, бригадиры, многие члены руководящего состава колхоза, в свое время неплохо жившие в деревне, переживают тяжелые времена. Более ловкие и расторопные торгаши прилично подправили свое положение, а остальные не сумели идти в ногу со временем и отстали.

– Ты наверняка знал сына Ахмеда – Хасая?

– Отлично знал! В школьные годы я однажды отдубасил его за воровство!

– Сейчас уже не осилишь! Он вымахал, вдвое больше тебя стал. Богаче всех живет! Будки у дороги принадлежат ему. Деньги сыплются на него со всех сторон! С кем сговорится, скупает у него скотину, забивает и торгует мясом. Открыл шашлычные, привозит с подножия Физулинских гор различные травы и продает цветочные чаи, а имишлинцы к нему рекой стекаются.

Салахат покачал головой:

– Вот ведь дела… Смотри, кто выбился в люди! С каких это пор он бизнесменом заделался?

– Ох, и не говори, сынок… Был бы хоть ты с нами…

Сердце Салахата сжалось сильнее, чем на службе. Тоска выжигала ему душу. Семья находилась в очень бедственном положении. Требовались рабочие, приносящие прибыль руки. Как же ему быть? Не мог остаться, его могли осудить как дезертира и засадить за решетку минимум на десять лет. А это погребло бы под грузом горя и погубило бы и без того утопающую в горе семью. Гурбат погиб, у Минары ампутирована нога, Джамал искалечен. Его арест погасит последний луч надежды для их семьи. Тогда как же быть? Ведь семья была без кормильца. Как же они будут жить?

От горя он прильнул головой к брезенту, закрыл глаза и задумался. Словно виновный в происходящем, он не мог смотреть родителям в глаза от стыда. Так и заснул. Мать и сестры, увидев его спящим, быстро приготовили для него постель. В последний момент он услышал вой скулящих поблизости волков и шакалов. И звук КамАЗа, словно проезжающего через палатку.

Спросонья он не мог сообразить, где находится. В момент угасания сознания он вспомнил, что это не их деревня, поэтому звуки, которые он слышал, были странными, непонятными, и все выглядело странно. Шум рек, с рокотом текущих по дну глубоких ущелий, журчание родников, эхо гор были очень далеки.

Увидит ли он эти края вновь?..

***

– Это еще что?!

Командир, нахмурившись, смотрел на Салахата с таким отвращением, будто в картонной коробке были насекомые или какой-то тошнотворный мусор.

– И это всеее?!

Он так протяжно спросил, что у всех засаднило сердце. В картонной коробке лежали две бутылки водки, правда, недорогие. Домашние сладкие булочки, два вареных цыпленка, немного конфет и немного фруктов… Что Бог послал… Но командира это не удовлетворило. Недовольство его было очевидным. Кажется, он пожалел, что разрешил ему съездить домой. Не этого он ожидал.

– Постыдился бы хоть! Эй, сержант, отправь этого в наряд!

Раздав несколько булочек окружающим, он вновь обратился к сержанту:

– Живо, живо!

– Куда вы сказали?

– На первый пост!

Солдаты между собой называли то место «Камчаткой». Оно находилось нос к носу с позициями армян, было отдаленным и очень холодным. Если армяне решат напасть, то начнут именно оттуда.

Находящиеся в комнате все понимали. Командир наказал Салахата.

Они молча встали и разбрелись.

***

Армянский солдат, стоявший, как и он, на карауле на самом возвышении, увидев его, обрадовался, как ребенок, нашедший потерянное, и оскалился. Его смена приходилась в основном на тот же день, что и Салахата.

– Как дома дела? Все ли в порядке?

– Все нормально… – ответил он кратко и неохотно. Чтобы отделаться от собеседника, Салахат уселся за крупным валуном у большой скалы. И армянин не стал продолжать. Он тоже скрылся за скалой. Такие диалоги случались не раз. Карабахские армяне хорошо говорили по-азербайджански, даже диалект не отличался. А приехавшие из Армении, хоть и говорили по-русски кое-как, но не очень стремились к общению. Они всегда были суровыми и хмурыми. Обе стороны, то ли от скуки, то ли убивая тянущееся время, однако не теряя бдительности, часто так болтали. Иногда, при необходимости и спорили, препирались. Кто сильнее, у кого больше оружия, кто победит, если будет большая война…

Армяне бахвалились вовсю, а наши в ответ язвили:

– Вы так разглагольствуете, полагаясь на русских? Настоящий мужик должен кичиться, приложив руку к своей елде, а не к чужой.

Армянский постовой не мог взять в толк, почему Салахат не в духе. Ведь он же недавно вернулся из дома. Держа палец на курке, он задумался. Вспомнив свою семью и близких, он опечалился. Кажется, они были в одинаковом положении. И с их стороны тоже ситуация была не из приятных.

Хотя Салахат не спускал глаз с армянского постового, он тоже услышал тихий свист. Когда свист повторился, тот отполз назад и скрылся.

Салахат насторожился, он вдруг совершенно забыл о холоде. Оба постовых стояли по разные стороны узкой тропинки. Человек с сильной рукой мог ударом посоха с легкостью сбросить в пропасть любого из них. Или при достаточном количестве снарядов один пулеметчик смог бы надолго остановить атакующих на этой тропинке. Автомат тоже сгодился бы. С достаточным количеством патронов и экономно стреляя, он мог бы продержаться достаточно долго. До тех самых пор, пока, услышав шум, не подоспели бы наши. Интересно, в чем там дело? Такого еще никогда не было. Обе стороны были обязаны стоять на посту в назначенных местах.

– Вот тебе раз!..

Вместе с постовым ползли к прежнему месту еще двое. Кажется, они намеревались приблизиться к Салахату. Армянский постовой остался на месте. Двое других продолжали движение вперед – прямо к Салахату. Что происходит?.. Он понял, в чем дело, когда увидел еще двоих, ползущих вниз по склону… Похоже, это нападение… И первой их целью было убрать его.

Сначала он выпустил одну петарду в сторону своих. Тотчас же затрещали автоматы. Он прильнул к скале и выставил в щель ствол своего автомата. Армяне не заметили этого. Так как местность была каменистая, они не могли видеть ни ствол автомата, ни место, где спрятался Салахат. Когда автомат Салахата затрещал, армянские солдаты остановились. Несколько пуль скользнули по железным каскам вражеских солдат, напугав их до смерти. Хотя они и зафиксировали направление огня, но не знали точно, откуда летели пули. Большая скала надежно защищала Салахата. Противник о чем-то пошептался по рации. Немного спустя, двое гранатометчиков ползком подобрались к членам отряда. За ними последовали другие. «Ах, вы, сукины дети!»

Внезапно в воздухе засверкали ответные петарды, это были наши: мы видим, идем!

Салахат опустошил еще одну обойму в направлении армян. Те снова застыли, что-то гневно закричали. Затем пропустили гранатометчиков вперед. Один из них из-за кустов нацелился в тот самый большой кусок скалы. Без сомнения, стреляли либо из-за скалы, либо откуда-то из ее окрестностей. Скалу следовало уничтожить.

Первый снаряд упал далеко за скалу. Все окуталось туманом пыли, земля затряслась. Он не понял, какой из двух гранатометчиков стрелял, ибо, продвигаясь ползком, они защищались от пуль Салахата, прячась за камнями и глыбами, встречающимися им на пути.

Второй удар пришелся прямо по центру большой скалы, она раскололась и отбросила Салахата далеко назад. Что было дальше, он уже не видел…

Вскоре после этого азербайджанские солдаты подоспели и заняли позиции на посту, где стоял Салахат. Двое мужчин вынесли его с поля боя, передали следующим сзади и бросились вперед. Хотя обе стороны несли потери, никто не желал отступать. Метким гранатометным огнем наши солдаты осадили врага. Видя, что прибывают новые силы, они отступили.

– Мы должны взять их пост во что бы то ни стало! – кричал изо всех сил комроты. – Это важная для них высота! Дальше начинается равнина! Все просматривается, как на ладони! Вперед, братцы!

Солдаты, давно ожидавшие такой возможности, бросились вперед. Враг уже не мог устоять. Началась беготня. Никому не было дела до упавших и раненых, все пытались спасти собственную жизнь, мечтая как можно быстрей спастись из этого ада.

Солдаты ликовали. Стратегически важная высота была взята. Они значительно продвинулись на линии соприкосновения. Отныне пытающийся подобраться к нашим позициям противник в любое время суток просматривался бы как на ладони. Командир от радости обнял и расцеловал всех солдат.

– Мои львы! Мои герои! Слава матерям, вырастившим вас! Вы – храбрейшие из воинов! Храни вас Аллах!

– Да хранит Аллах нас всех! – добавил кто-то.

– Конечно, конечно, – подтвердил командир.

По сравнению с армянами, наши потери были не столь многочисленны: двое были убиты, восемь человек ранены, из них несколько человек в тяжелом состоянии. Из армян на поле боя первоначально было замечено четыре трупа. Командир оставил на посту пять человек и дал указания:

– Теперь уже все у вас на виду! Будьте бдительны и смелы!. Вот вам и ночной бинокль! Вечером вместе с ужином отправлю и сигареты. А пока постарайтесь как-нибудь обойтись.

Караульные охотно приняли прибор ночного видения. Он был так же важен, как и оружие. Впредь они, поочередно карауля, смогут держать под контролем всю территорию.

Тела погибших забрали, а раненых, взяв под руки, привели обратно – в казарму. Здесь их ожидали врачи, а также сотрудники военного комиссариата ближайшего района.

***

Вывести Салахата из комы было сложно и заняло много времени. Надежды на то, что он выздоровеет, было мало. Порой на его лице почти не было признаков жизни. Врачам было поручено любой ценой вернуть его к жизни. Приказ поступил сверху – сделать все, чтобы сохранить жизнь этого храброго бойца. Он стойко сражался в неравном бою. Если бы армяне захватили тот пост, под прицелом оказались бы три района. Жителям трех районов пришлось бы жить в постоянном страхе и тревоге. На повестке дня было награждение Салахата. Только на четвертый день он открыл глаза и рассеянно огляделся по сторонам. Ничего не мог сказать, кажется, никого не узнал. И снова закрыл глаза.

Было темно. Окна палаты были занавешены одеялами. Врачи и медсестры не отходили от него. Сам главврач каждый час приходил навещать его. Ему лично было строго поручено здоровье Салахата. Губы Салахата потрескались. Медсестры снова и снова смачивали вату и протирали ему губы. Только в эти моменты он проявлял признаки жизни – приоткрывал губы и слизывал капли воды. У всех видевших это щемило сердце, но все они были медиками и понимали ситуацию. Все терпеливо ждали, а время, по своему обыкновению, было беспощадно.

Очнулся он только к полуночи. Сказал одно слово:

– Воды…

Кто-то открыл крышку железной фляги и подошел к нему. Врач поднял руку и строго сказал:

– Ни в коем случае! Всякий раз, когда он будет просить воды, смачивайте ватку в воде и протирайте ему губы.

Затем, обратившись к присутствующим, добавил:

– Беда миновала, он сильно контужен.

Все облегченно вздохнули. Будет жить! Бог смилостивился. Хвала Всевышнему!

***

Салахата наградили медалью «За отвагу», демобилизовали и отправили домой. Былого здоровья не было – голова и уши были полны шума. Все, что он помнил, – это взрыв, отбросивший его назад, и удар о землю. Он не мог долго стоять на ногах: то ложился, то садился.

Семья, с нетерпением ждавшая его возвращения, неустанно восхваляла Всевышнего: «Слава Богу, вернулся живой-невредимый, нам и этого достаточно». О чем еще можно было мечтать?.. Салахат тоже мог бы открыть будку, готовить шашлыки и продавать их прохожим. «Чем наша семья хуже? Мы же не безрукие... Кто-то, может, и ловчее нас, но и мы не промах. Однако… Как долго еще Ты будешь испытывать нас, Боже! Знать бы только…». Нубар устремила взор в бескрайнее небо. Не получив ответа, опечалилась. Раньше хотя бы находила утешение в сладких грезах…

«Все необходимое мы дома подготовим: нарубим мясо, почистим зелень, напечем лаваша. Как говорят имишлинцы, наберем талашек для мангала, а Джамал будет на подхвате, и дела постепенно войдут в колею. Помоги нам, Боже!»

Дни, похожие друг на друга, проходили, не оставляя следов в памяти. Запоминались только начало и конец месяца: когда получали деньги – помощь беженцам и расплачивались с долгами, когда их имена вычеркивались из тетради должников в магазине. Так облегченно вздыхали, словно через 3-4 дня их имена снова не будут в этой тетради…

В их сердцах постепенно угасала надежда вернуться в родные края. Они видели свои дома только во сне. О, Аллах! Как же недосягаемы были их дома и дворы! Иногда снова возникала надежда – услышав хорошие новости, они сразу же делились ими друг с другом. Такие дни были праздником для них. Все сразу же начинали строить планы, члены семьи взахлеб обсуждали, с чего начнут, какими делами займутся по возвращении домой: интересно, не повысыхали ли наши колодцы? Бьет ли родник в центре села? Уцелел ли родник на окраине села? Не срубили ли те огромные два платана?

Беспокойство семьи Семендера о Салахате закончилось. Открытым оставался только вопрос заработка.

Оказалось, что «поставить будку» на обочине дороги, зарабатывать и собрать клиентов легко только на словах. Добиться успеха, конкурируя с Хасаем, было весьма непросто. Он был чуть ли не полноправным хозяином здешних мест – все прибрал к рукам. Каждый второй спрашивал: «Где Хасай муаллим?» А тот, услышав почтительное «муаллим», таял и, гордо ступая, здоровался и обнимался с искавшим его. Работники его набрались опыта и знали всех. Все были расторопные и шустрые. В считанные дни были способны обанкротить конкурентов. Как скоро семья Салахата могла набрать клиентов и выдержать конкуренцию с ними? Да и еще чертовы деньги… Их не было… Главным было найти деньги… Не оставалось иного пути, кроме как отправиться в центр Имишли и цепляться за любую работу на рынке и в оптовых магазинах.

***

Наступило еще одно осеннее утро. Деревья надели свои красно-желтые наряды, земля покрылась осенним ковром. На фоне зелени сосен раскинулась завораживающая панорама. Даже на равнинах – низменностях с жарким климатом было на что посмотреть! Весной и летом поля пестрели различными цветами. Хвала Всевышнему, создавшему эту неописуемую красоту!

Между тем осень здесь была не такой холодной, как в горах. После жаркого лета эта прохлада была истинным наслаждением. Салахат присел на небольшой холмик у главной дороги и стал наблюдать за прохожими. Прохожие кто мимоходом, кто взглядом, кто кивком здоровались с ним. Иные расспрашивали: «Как ты?», «Как дела?» и т.п.

Очередной прохожий привлек его внимание ароматом парфюма. «Это еще что за франт?»

Поглядев ему вслед, узнал – по походке!

Дааа… Вымахал, раздался в плечах, шагал, пренебрежительно размахивал руками, а перстень на его пальце с крупным камнем увидел бы даже слепой. Тем, кто вежливо здоровался с ним, он отвечал легким кивком. Уж очень горделиво он шагал, словно весь мир оставив под ногами. Салахат вспомнил слова отца: сейчас его не узнать!

«Нет правды на свете! Не тот ли это Хасай?»

Ну нееет! Не мог он это вытерпеть. «Негодяй! Даже в армию не пошел. Интересно, как откосил? Вы поглядите на его зазнайство!»

Он громко свистнул.

– Эй, ты, сын Ахмеда, ты что, до такой степени зажрался, что земли под ногами не чуешь? Ты и поздороваться забыл!

Хасай остановился и степенно обернулся назад. Оглядел Салахата с головы до ног так, словно впервые видел его. И той же высокомерной походкой подошел к нему.

Золотая цепочка на его шее тяжело покачивалась. Одет, как бек. Он гневно стиснул золотые зубы и, дойдя до Салахата, сразу же врезал тяжелым кулаком ему по уху. От неожиданности Салахат откатился на несколько метров и уткнулся в пепел давно потухшего очага. Лицо его испачкалось гарью и пеплом. Он попытался открыть глаза, но ничего не увидел. Рот был полон пепла. Перед глазами стояла темная пелена.

Очнулся он от пинков в грудь, живот и голову. Он не мог защищаться от ударов. Хотел схватить Хасая за ногу и свалить его, но не смог. Ноги Хасая были тяжелые, как бревна. Сил не хватало. Кое-как он прикрыл голову и лицо от ударов. Хасай топтал Салахата, как бешеный бык. Последнее, что он помнил, были голоса людей, сбежавшихся на шум и ласково просивших Хасая успокоиться и отпустить его. Хасай как бы с одолжением рявкнул:

– Пусть вас благодарит! Если он не помер, объясните ему, что в следующий раз увижу, в землю его втопчу.

Избиение Салахата переполошило весь палаточный городок. Народ разделился на два лагеря: наряду с защищающими Салахата были и осуждающие:

– Нехорошо ведь. Хасай – уважаемый человек. Что значит «зажрался»? Он ведь поддерживает людей в горе и в радости, как может. Дружит со всеми высокопоставленными лицами Имишли. Любая его просьба беспрекословно выполняется. Уважаем во всем районе. Разве можно окликать такого человека свистом? Он что, собака или еще какое-то животное?.. Да мне и самому неловко так говорить. Мы и так забытые Богом люди. Так еще и грыземся друг с другом?

Семья Салахата была потрясена инцидентом. Вечером Семендер подождал Хасая и сказал:

– Чтобы у тебя руки отвалились! Мой сын был контужен на фронте, тяжело ранен, совсем ослаб, поэтому твоих силенок хватило?! Отчего же ты в школе так не хорохорился?! Что ж, Бог тебе судья!

– Вали отсюда, мужик, иначе я и тебя разукрашу, как сыночка твоего! Не наглейте, знайте свое место!

– Бесчестными путями зарабатываешь деньги, думаешь, далеко уедешь на этом?! Все это гнойной кровью отхаркаешь!

– Вот тогда и насладишься! А сейчас вали отсюда, пока я руки о тебя не замарал!

Хасай откровенно бросал вызов. Явно было видно, что он упивается властью. Никто из семенящих подле него людей не поддержал аксакала Семендера. В деревне по одному его слову пятьдесят человек взялись бы за оружие. А кто сейчас Семендер?... Ни власти, ни положения, ни денег. Самая несчастная семья. Они были полностью сломаны. Пара человек кивком ему указали, мол, иди с Богом, не видишь, что ли, человек зол и жаждет крови.

Это равнодушие соотечественников потрясло Семендера. «Эх, несправедливый мир… До чего же мы дожили! Если у Хасая есть немного денег, значит, его правда возьмет?! А где же ваша совесть?! Мы Родину потеряли, а где же ваша человечность?! И ее растеряли?!» Ближе к вечеру Семендер усталый вернулся домой и прошептал Нубар:

– Жена, собирайся. Мы едем в Баку. Больше нам здесь нечего делать. Они унизили нашего сына. Мы не в силах тягаться с Хасаем и его шайкой.

Нубар, прислонившись к стене, сплетенной из тростника и камыша и покрытой толстым слоем глины, всхлипывая и хлопоча вокруг сына, стонущего от боли, успокаивая его ласковыми словами «джан», «пусть все твои боли перейдут ко мне», проклинала весь мир, времена и все на свете. Она всем своим существом чувствовала стыд, беззащитность и беспомощность. Длительное пребывание в Бейлагане в связи с операцией Минары разлучило их с родней. И что с того, что Хасай похож на бугая? Если бы Салахата не контузило, если бы он так не ослаб, Хасай ни за что не устоял бы перед ним. Всю жизнь тряпкой был, а сейчас человеком заделался.

Сельчане, имевшие в прежние времена деньги, уважение и положение, сейчас и слова не смели вымолвить перед Хасаем, жалко подлизывались да лебезили: «Да-да! Как скажете! Вы правы, все верно!» Никто не защищал их семью, даже здоровающихся с ними стало меньше. Многие, чтобы не здороваться, меняли направление, избегая встреч с ними. Хасай был покровителем всего села, все, кому позарез нужны были деньги, бежали одалживаться к нему. Только семья Семендера не занимала у него денег.

Девочки совсем зачахли. Со двора не выходили... И теперь еще больше тосковали по Гурбату, мечтая, чтобы он ожил и вернулся, «чтобы отплатить этому гадкому сукину сыну»...

Они не могли больше оставаться здесь.

Большинство жителей села, да и большинство их родственников перебрались в Баку, точнее, на его окраины. Бакинские приморские санатории, курорты и правительственные здания, недавно отданные в эксплуатацию, были переполнены беженцами. Многие закрывали окна и двери коврами и паласами, забивали их деревянными досками и устраивали себе «жилища». Правительство закрывало на все это глаза, не желая лишний раз травмировать людей.

Нубар прикладывала припарки из горячего теста к переломам и ссадинам Салахата. Каждый раз, когда она делала это, вздыхала горше сына. Девочки тоже помогали матери. Джамал, который и без того каждый день растирал ноги и ступни своего брата, не находя слов утешения, беспомощно спрашивал: «Как ты? Тебе не больно?» И все делали вид, что ничего не понимают. Хотя они не слышали, что говорил отец, но чувствовали, что он нашел выход.

В ту же ночь начали собираться. И снова надгробие Гурбата стало проблемой. Хотя никто не говорил об этом открыто, но в сердце каждого была тревога. Кого же на сей раз искалечит надгробие?..

Никто не решался взглянуть в его сторону…

Минаввар равнодушно и хладнокровно собирала свою одежду в большой узел.

Не было прежней заботы и внимания к надгробию. Они выплакали свое и успокоились. Насмотрелись. Прежние рыдания, причитания сменились равнодушными взглядами. Тем не менее, они все же решили забрать надгробие с собой.

Семендер ночью встретился с водителем, с которым ездил в Бейлаган, и договорился. Было решено отправляться в путь с первыми петухами.

Водитель привез с собой и сына. Они помогли им и первым делом загрузили в машину надгробие. Все, кроме Салахата, стали помогать. Крепко привязали надгробие к правому борту грузовика, обложили его матрацами и одеялами, а на них сложили свои тюки да узелки. Выехали в назначенное время.

Прощаясь с редкими и бледными огоньками городка со слезами на глазах, они выехали с грунтовой дороги на асфальт. Внезапно все заплакали. Салахат страдал больше всех, потому что знал, что этот переезд связан с ним. Как бы там ни было, они уж привыкли к тем местам. Как и все остальные, перебивались кое-как, но жили с надеждой. И вот теперь им снова предстоит привыкать к новому месту. Где же они поселятся?..

Только Семендер знал, куда они едут.

***

Расспрашивая по пути прохожих, добрались они до местечка в Бинагадинском районе, называемого Джантепе. Они узнали односельчан по их внешнему виду и устройству жилищ, по развешиванию одежды, по манерам, по походке женщин, повязавших шали на поясницы, по речи и говору. Конечно, и те их узнали. Но отчего-то сконфузились, женщины прослезились. И Нубар, и Семендер были уже не те, что раньше…

С первых же слов они почувствовали, что все вокруг в курсе всего, что с ними произошло. Да уж, дурные вести бегут, хорошие плетутся прихрамывая. «Чего только мы не пережили… И всем все известно… Как же мы будем жить с этим грузом? За что Ты забыл нас, Боже?!»

В сердце Нубар снова разговаривала с Богом. Люди, разговаривая с ними, словно смущаясь, виновато отводили глаза. Все повторяли одно и то же: «Как вы? Как ваши дела? Когда вы приехали? Только что приехали? Решили здесь остаться?»

К Салахату проявляли особую заботу, хлопали его по спине, обнимали и целовали без какого-либо повода, прямо, как в поговорке: «И не праздник, не парад, отчего ты мне так рад». «Молодец! Наслышаны мы о твоем героизме!» Так они выражали свое сочувствие.

Семендер схватился за сердце и присел. Нубар бросилась к мужу и поддержала его. Такое с ним было, когда в Бейлагане Минаре ампутировали ногу и когда он услышал об избиении Салахата. Это был третий раз…

Они временно поселились в сарае одного из родственников. За небольшую взятку и с большим одолжением муниципалитет выделил им участок. На небольшие сбережения, с помощью родственников они выкопали основание дома, залили бетоном, заложили фундамент. Возможности хватило пока только на это. Снова нашли палатку и собрались в нее, подключились к ближайшей линии электропередач, подведя трубу к той же железной печи, соорудили газовую плиту, чтобы готовить еду и заваривать чай. С окраин Джантепе собрали всяких досок и деревяшек и построили забор, чтобы прикрыть двор. Здесь жизнь кипела, люди быстро реагировали, подоспевали на помощь, даже не имея особых возможностей, хоть интересовались, мол, «Помощь нужна? Чем я могу помочь?»

– Нет, спасибо, не нужно… – с благодарностью отвечала семья Семендера, польщенная столь теплым отношением. Они держались, как могли. Хотя было очень много нужд… Не счесть…

Семендер киши очень хлопотал. Денно и нощно молил Бога о помощи, чтобы соорудить какую-никакую крышу и собрать жену и детей под нее. Он хорошо знал, что ему осталось жить считанные дни. Похоже, Всевышний именно для этого и не трогал его пока. Семендер весь день метался туда-сюда. Всюду ходил с Джамалом, а Салахата не беспокоил, мол, «Должен в доме оставаться мужчина или нет?» И Салахат не препирался с отцом.

Работы не было и здесь. Здесь тоже собрались предприимчивые люди и организовали мобильную бригаду. Брались за любую работу. Некоторые отправлялись на рынок чернорабочих, чтобы как-то заработать на жизнь. Когда на горизонте по-

являлся работодатель и желал нанять рабочих, они порой ругались, ссорились друг с другом из-за этого. Борьба за хлеб насущный не ведала ни дружбы, ни родства.

Салахата к таким работам не привлекали. Некогда рослый парень исхудал до невозможности. К тому же люди остерегались, вдруг что случится, потеряет сознание, свалится с ног, мало ли что… поэтому ноша снова легла на плечи Семендера. Всюду поспевал сам…

Посреди всех этих метаний и проблем, горя и невзгод внезапно загорелся луч надежды. Один из их дальних родственников работал в банке. Он сообщил Семендеру о возможности получить кредит. «Но… ты же понимаешь…» «Чего же не понять? Все, что ни скажешь, я согласен… Ты организуй это дело, а уж я не оплошаю», – перебил его Семендер.

Так и получилось. Строительство ускорилось. Как только крыша дома была покрыта шифером, они разобрали палатку во дворе и собрались в дом без пола. Из оставшихся деревяшек, собранных в качестве дров на зиму, соорудили «пол». Расстелили сверху матрацы и одеяла и спокойно уснули. Они чувствовали себя, как в раю. Холода еще не настали. В домах без окон и дверей вовсю гулял ветер.

Был уже конец сентября, но погода стояла теплая. Здесь также было много нового, к чему они не привыкли. Во-первых, в воздухе постоянно веяло нефтью, к тому же вместе с односельчанами приходилось приспосабливаться к новому говору. Дороги вместо асфальта были покрыты щебнем, который ранил их ноги. Поскольку дома были расположены очень близко друг к другу, даже вполголоса произнесенное слово было слышно дома у соседей. Приходилось общаться порой знаками, намеками. «Выхода нет, придется и к этому привыкать», – Нубар с улыбкой слушала, как бойко перешел на бакинский говор Джамал.

По мере завершения строительства дома Семендер день ото дня худел, слабел и хирел. Создавалось впечатление, что Господь дал ему отсрочку ровно столько, сколько нужно было для того, чтобы завершить все земные дела.

Он часто говорил Салахату: «Отныне мужчина в доме ты. Присматривай за матерью, сестрами и братом. Похоже, мне скоро уходить… Если вдруг со мной что-то случится… – он избегал слова «умру», зная, что сын страшится этого слова, – и продолжил: «… не теряйся, это закон жизни: кто-то уходит, кто-то приходит. Это бренный мир…»

Однажды вечером, когда детей не было дома, он подозвал к себе Нубар и сказал:

– Жена, если я умру раньше, пусть надгробие Гурбата установят на мою могилу. Будут спрашивать-расспрашивать, скажи, что это была последняя воля мужа... Если ты умрешь раньше меня, я установлю надгробие на твою могилу. И всем отвечу сам.

Нубар снова вздрогнула. Он словно угадал ее желания. Она поддержала Семендера:

– А как же иначе. Мы же одно целое… Не будешь же ты метаться туда-сюда и новое надгробие заказывать…

Семендер закрыл глаза и застонал. Его боли усилились. Он знал свою участь. Понимал, что эта болезнь заберет его. Сломленный вид Салахата убивал его заживо. Он не мог этого вынести и сам хотел поскорее умереть и избавиться от этого мучения. Он уже осуществил свою главную мечту: построил дом и собрал семью под крышу. Не оставил их на улице. Теперь мог спокойно уйти.

Двор был чист и аккуратен. Таким же был и их двор в Сирике, где сейчас вовсю хозяйничали армяне. Только сейчас они понимали, что когда-то жили в настоящем раю, но не замечали этого. Помня тот дом, и здесь трудились, не покладая рук. По углам двора посадили цветочные кусты, некоторые закопали в небольшие горшки. С водой им повезло, они протянули линию от соседа, а сточные воды сливались в канализацию, поэтому с чистотой и порядком проблем не было.

Построили и небольшую баньку. Поначалу часто купались, хотя одежда и была старой, часто стирали ее и переодевались, потому что с горячей водой проблем не было. Так постепенно наладили быт, но одной помощью от правительства и международных организаций прожить было невозможно. В семье все еще никто не работал, и из-за отсутствия дополнительного заработка они жили впроголодь. И по-прежнему были самой несчастной семьей среди стольких людей…

Нубар никак не могла успокоиться. Она не увидела тела сына и все еще не верила в его смерть. Жила в постоянном ожидании. Однако дни шли, и не происходило ничего, что могло бы обрадовать несчастную мать.

***

…Утром Нубар вздрогнула, словно от глубокого вздоха. Такого, словно спасали утопающего, а он изо всех сил сделал глубокий вдох и замолк. Она робко посмотрела на мужа. Он спал…

Она встала с постели. Давно рассвело. Дети, как в былые времена, крепко и сладко спали. С тех пор, как они перебрались в Баку, все спали в одной комнате. Пока что это была единственная комната, где кое-как был уложен пол. Надгробие Гурбата было прислонено к стене в их комнате. С улицы доносились привычные звуки: проезжали машины, лаяли собаки, голосили петухи, говорили местные, спешащие на работу…

Нубар набрала чайник, поставила на газ, погремела посудой, шумно открыла и закрыла дверь. Как бы глубоко Семендер ни спал, он бы обязательно крикнул:

– Что случилось, женщина?! Тебя что, черт за ногу дернул?! Не даст поспать с утра пораньше!

Однако на шум даже дети не реагировали. Нубар медленно подошла к мужу. Внимательно прислушалась. «Дышит ли?» Вдруг обратила внимание на лицо. Нет, оно было не таким, как несколько минут назад. Оно пожелтело…

– О, горе мне, горе! Салахат!

Что было дальше, уже не помнила…

Смерть всегда непредсказуема и зловеща. Ее невозможно принять. Даже уход человека, тяжело больного, перенесшего три инфаркта, заживо изглоданного раком, – хотя все знали и были готовы к его кончине, – все равно, как гром средь бела дня. В смерть не хочется верить. Может быть, потому, что уходят навечно? Ведь еще недавно он дышал, разговаривал, что же вдруг закрыл глаза и погрузился в вечную тишину? Что же за несправедливость такая?

Когда дети проснулись и увидели лежащую в обмороке мать и навеки уснувшего отца, не поняли, что произошло. «Кто из них?..» На вопли девочек сбежались соседи. Двор был полон людьми. Все были в недоумении. «Да что опять у них стряслось?» Салахат застыл, словно оцепенел от горя. Парень, не раз столкнувшийся на фронте лицом к лицу со смертью, не знал, что делать. Мулла Эльман, живущий немного поодаль от них, подоспел и немного успокоил людей. Он быстро разрядил обстановку, дал важные указания, отправил одних заняться подготовкой к поминкам, троих заслал копать могилу, велел увести Нубар в другую комнату, а девочек строго осадил, чтобы прекратили вопли и крики. Все его слушались и как аксакала, и как муллу, и как двоюродного брата Семендера.

Разрешив все текущие вопросы, связанные с похоронами, покойного увезли хоронить.

Так на территории, называемой Джантепе, в Бинагадинском районе было заложено еще одно кладбище джебраильских беженцев, разбросанных по всему Азербайджану.

***

В один из четвергов, незадолго до сороковин мужа, Нубар сообщила его завещание молле Эльману. Дома было много родственников и соседей. Аксакал внимательно выслушал ее и сказал:

– Сестра Нубар, покойный сказал это, чтобы унять душевную боль. Согласно шариату, такое недопустимо. У каждого своя доля: и в этом мире, и в ином. До сих пор такого не было, чтобы на могиле отца установили надгробие сына или кого-нибудь другого, – сказал он и обернулся к присутствующим. Все подтвердили его слова кивками. – Раз уж был такой разговор, мы установим надгробие Гурбата рядом с его надгробием. Даст Бог, когда наши земли будут отвоеваны обратно, перевезем останки Семендера и надгробие Гурбата на кладбище наших предков на Родине и захороним, как подобает. Сейчас же то, что ты говоришь, невозможно, это грех.

Благоразумное объяснение моллы Эльмана всех убедило. Поступили так, как было сказано. Люди собрали деньги и установили надгробие Семендеру, а рядом с ним поставили надгробие его сына, которое долгое время колесило вместе с ними из Сирика в Джебраил, а оттуда в Бейлаган, Имишли и Баку. Наконец, они освободились от тяжелого бремени, которое долгое время терзало их души.

Родственники, соседи и односельчане горько плакали над могилой. Разбитая жизнь семьи Семендера, костыли Минары и горькая участь Гурбата всех удручала. И в то же время каждый оплакивал свои раны.

– Народ, пусть Аллах будет доволен вами! Отпустите покойному ваши труды! – завершил молла Эльман церемонию на кладбище.

Люди стали неторопливо расходиться по домам. Нубар и дочери были горько опечалены. «Неужели мы больше не увидим Гурбата?»

Гурбат в виде каменного изваяния стал для них родным. Оно было для них утешением. Таким образом, и оно навсегда покинуло их. Нубар пошатнулась. Девочки, хорошо знающие о состоянии матери в эти тяжелые дни, шли рядом с ней, ни на шаг не отходя от нее. Салахат следовал за ними. Если Нубар упадет, не то, что Минара, даже Минаввар не сможет ей помочь. Они сами нуждались в поддержке.

Салахат взял мать под руку. Нубар, собравшись с силами, стала утешать сына:

– Не беспокойся, мой родной, я в порядке.

Люди, разговаривая вполголоса, отдалялись от кладбища. Народу было много, все, кто услышал, пришли. Но и в этом многолюдье стук костылей Минары, выделялся, пронзая слух людей. Как они ни старались не придавать этому значения, удручающее положение девочки всех огорчало. Удивительно, что именно она держалась спокойнее и сдержаннее всех, словно прошедшая множество испытаний мудрая пожилая женщина. Ее сильно поседевшие волосы еще больше усиливали это впечатление. Те, кто знал их семью, печалились столь скорбному положению молодой девушки. Видя, что может сделать с человеком пережитое горе, они благодарили Всевышнего за жизнь, хотя и у самих жизнь была далеко не самая лучшая. Все были сломлены по-своему, у каждого в семье была своя беда. Но все они не шли ни в какое сравнение с трагической судьбой семьи Семендера…

– Уходишь, сестра?..

На следующий шаг у Минары не хватило сил. Костыли словно в землю вросли, как она ни старалась их вытащить, не смогла. Она обернулась и посмотрела на людей. Люди уходили, как ни в чем не бывало. Каждый выполнил свой долг: как мусульманин, поучаствовал на похоронах мусульманина, выполнил свой человеческий долг и возвращался домой.

Неужели никто не услышал?

Улыбающееся лицо Гурбата сейчас было грустным. Он выглядел поникшим и сильно опечаленным.

Минара, у которой перехватило дыхание, была сердита больше на людей. Неужели все оглохли? Не может быть, чтобы никто не услышал…

Люди неспешно, переговариваясь вполголоса, покидали кладбище. Никто не обернулся. Значит, ничего и не слышали.

Минара еще раз обернулась, в последний раз взглянула на надгробие Гурбата, улыбнулась и тихо прошептала:

– До скорой встречи, братик!

Вдруг лицо Минары озарилось светом. Девушка улыбалась, как в те дни, когда Гурбат приносил ей гостинцы. Минаввар словно током ударило. Минаввар, хорошо знавшая свою сестру, затряслась, как осиновый лист. «Боже, упаси! Что она задумала?..»

Во дворе был накрыт стол для чаепития. Один из соседей приготовил большую сковороду халвы. На столе были расставлены блюдца с дольками лимона. Мулла Эльман прочел во дворе заупокойную молитву «Фатиха» и обратился к людям.

– Послезавтра сороковины. Ждем всех.

***

Все были заняты приготовлениями к сороковинам. Женщины готовили поминальный обед. Мулла Эльман сидел во главе стола, читал молитвы, «Фатиху», молился за упокой души покойного, говорил о бренности мира, проповедовал людям быть сострадательными, делать добро, помогать ближнему, не заблуждаться в трудные моменты жизни, быть терпеливыми, не отчаиваться и не терять веру во Всевышнего.

Все во дворе были заняты своими делами. Минара взяла большой таз с зеленью и сказала: «Я отнесу, почищу, помою под краном у бани и принесу».

Никто не обратил внимания. Надо же было и ей чем-то помогать родным…

Костыли заскрипели-застонали в последний раз…

Она положила тазик с зеленью под кран и открыла воду. Обернулась и посмотрела назад. Никто не смотрел в ее сторону. Она вошла в баню и заперла за собой дверь. Достала из-под перевернутой чаши приготовленную с вечера веревку и накинула петлю себе на шею. Поставив под ногу небольшую табуретку, встала покрепче. Записку, которую написала прошлой ночью, бросила себе под ноги. Осторожно прислонила костыли к стене. Правой ногой откинула табуретку…

Сыр нарезали и разложили по небольшим тарелкам. Оставалось уложить рядом зелень и расставить на столы, до прихода людей оставалось совсем немного. Кто-то нетерпеливо воскликнул:

– Ну, что там с зеленью?!

– Минара унесла мыть у бани.

– Что же так долго-то?!

У Минаввар кольнуло в сердце.

– Минара!.. Минара!!..– бросилась она с криком к бане. Не смогла открыть дверь. – Выломайте дверь!

Первым подоспел Салахат и со всей силы обрушился на дверь.

Минара, словно не желая пугать близких, в последний момент улыбнулась.

И потому люди, увидев выражение ее лица, опешили. «Чему она улыбается?..»

Правая нога ее болталась, как маятник часов…

На листке бумаги было написано:

«Не судите строго. Я все взвесила и приняла решение. На самом деле, меня должны были похоронить в один день с Гурбатом. Вы знаете, что жизнь без него потеряла для меня смысл. Я еще больше положенного прожила. Не хотела быть вам

обузой. Простите и прощайте! И я вас прощаю. Не плачьте! Я не могла так жить! Простите! Я и так была мертва».

… Ее похоронили рядом с отцом и братом.

***

Было начало июня 1993 года…

Беженцы со всей страны стекались в столицу. Богатые семьи, живущие близко к зонам боевых действий, давно перебрались в Баку, а это вызвало отчаяние и панику среди населения среднего и низшего слоев, поэтому и они были готовы бежать. Баку был переполнен беженцами. Улицы города были полны нервных, раздраженных, издерганных людей. Все ругали и правительство, и государство, и руководящих лиц, и всех, кто затеял всю эту заваруху, словом, всех и вся. Чтобы как-то жить, иметь крышу над головой, беженцы заселились в школы, пансионаты, клубы, санатории, дома культуры, неоштукатуренные квартиры недостроенных зданий, без окон и дверей. Наверное, если бы управляющий, хозяин, владелец квартиры, клуба, пансионата пришел и сказал бы, что это все принадлежит мне, по какому праву вы сюда вломились, сейчас же освободите помещение, – ему бы пришлось худо.

Баку кипел, как гигантский котел. В этом котле было все, и все кипело вперемешку. Невозможно было никого утешить, сказать доброе слово. Никто не воспринимал этого. Даже доброе слово воспринималось, как ругань и оскорбление. В ответ на сострадательные слова «Бедные, лишились своих домов, имущества, которое копили годами», беженцы тут же отвечали:

– Это вы бедные-несчастные! А мы что, мы покинули свои дома с боем! Если бы у вас хватило мужества, пришли бы на помощь, и мы общими силами осадили бы врага! Мы домов своих лишились, а вы – важной части своей родины! Нагорного и низменного Карабаха! Так кто же в плачевном состоянии?! Кто бедный-несчастный?!

Баку оказался под невиданным доселе морально-психологическим бременем. Население города в краткие сроки значительно увеличилось. От тяжести ноши Баку, как и Антей, по колено погрузился в землю. Люди были отягощены не только своим физическим весом, но и гневом, ненавистью и злостью, кипящей у них внутри, а когда они толпой входили в какое-либо учреждение, здание содрогалось. Ответить на их вопросы было невозможно. Их успокаивали и призывали к терпению, на что они отвечали резкими словами, руганью и оскорблениями. Чиновники понимали и извиняли такое поведение. Обремененные бедами и проблемами беженцев, они тоже согнулись под этой тяжестью. Никто не мог нести это бремя. Улицы, площади и дворы ходуном ходили от увеличившегося числа людей.

Самый же большой котел кипел на площади «Азадлыг». По вечерам серый, пасмурный, туманный воздух гигантским колпаком накрывал Баку: не только город, но и людей. Город задыхался, захлебывался под ним. Население было в таком же положении… Потому что выхода не было. Но город все еще терпел, выдерживал…

И люди тоже…

Народ искал своего Спасителя…

2013–2019
Баку

САБИНА ХАМЕДОВА

Спят солдаты

...Спят солдаты.
Сто метров до боя,
Два часа до раскола земли,
До свинцово палящего зноя
Где-то там, в середине груди.

До последнего, в сердце, патрона,
Вражьих стягов в гудящем костре,
И снарядом разбитого клёна
В опустевшем отныне дворе...

И где ненависть выла и крепла,
Разрывая сиренами глушь,
Там, как Феникс,
вставали из пепла
Сотни тысяч загубленных душ.

И вела их воскресшая сила
На последний отложенный пир.
И гремела труба Исрафила,
Разрушая расшатанный мир.

И, казалось, вчерашние дети
В ночь, по снегу уйдя босиком,
Возвращаются вновь на рассвете
В свой когда-то покинутый дом...

Спят солдаты.
И будто украдкой,
Тихий вздох растревожит покой,
И ладонь под горячей перчаткой
Прячет мятые письма домой.

А так хочется –
запаха хлеба,
В зыби моря упавшей луны...
Но, увы, наше мирное небо
Невозможно пока без войны...

КАМИЛЛА КЕРИМОВА

* * *

Юности выдали сапоги
И автоматы в руки.
Храни их, Господи, береги,
Возьми на свои поруки!..

И милосердной даруй судьбы
Для необстреляных мальчиков.
Господи, цинковые гробы
Прибереги для захватчиков.

Пройдя мясорубку передовой,
Разверстую впереди,
Пусть каждый из них
в дом родимый свой
Воротится невредим.

Пусть оберег от любой беды
Небом им свыше дарится.
Храни их, Господи, молодых –
Позволь им еще состариться.

* * *

Не говори, что я погиб,
и не считай, что всё потеряно.
Пусть усмехаются враги,
они хотят, чтоб ты поверила,
что эта жертва –
в пустоту.
Пусть говорят. Но я все вижу:
овец ведет слепой пастух,
и с каждым шагом пропасть ближе.
С соседом борется сосед,
и небо сверху смотрит пристально.
Земля нас принимает всех,
а небо – нет.
И в этом истина.
И раз я там, то я с тобой.
Есть срок у горя. Будет легче.
Пусть навсегда моя любовь,
как плед, твои укроет плечи.
И ты, пожалуйста, держись,
пусть не согнут и не сломают.
Тот, за кого я отдал жизнь,
во сне игрушку обнимает.
И не наматывай шаги
в слезах по опустевшей комнате.
Не говори, что я погиб –
я жив,
пока меня вы помните.

ШАХРУН СУЛЕЙМАНОВА

Время Солдата

Расписан режим Природы,
но, вытянув из колоды,
Бог ходит с козы́рной карты:
Сегодня – Время Солдата.

Там молнии встали прямо,
там плач и проклятья смешались,
и мать укрывает шалью
зарытую наспех яму.

Она горячо дымится,
А в небе дожди замерзли.
И сорок четыре солнца
застыли в единственном Солнце.

Пятое время года,
слышишь: ликует площадь,
ветры знамена полощут –
пусть подождет Природа.

Перевод Марата Шафиева

АЛЕКСАНДР РОДИОНОВ

Сорок дней и еще четыре

В Лабиринтах Судьбы капризной
Ничего нет войны суровей,
Уносящей немало жизней,
Заливающей землю кровью.

Сорок дней и еще четыре
Разрывали сердца без жалости;
Плач о павших царил в кварталах,
Наполняя все мысли яростью.

Небеса покрывались тучами –
Люди Бога забыли, видимо,
Канонадой боев озвучено
Было все новостное видео.

Ветер горя стонал прерывисто,
Ливень смерти не ведал отдыха...
Но смогли мы не только выстоять,
Супостату не дали продыху!

8 ноября

Когда отчаянный спецназ
Шушу родную возвращал,
Он бил не в бровь, а прямо в глаз –
Противник в панике бежал.

Не все смогли придти домой –
От пуль шальных страховки нет, –
И вечный обрели покой,
Успев зажечь зеленый свет.

Свет негасимый и живой,
Надежду с верою даря,
Напомнит всем про смертный бой
В Шуше Восьмого Ноября!

Сады с лесами отдадут
Честь всем спасителям страны,
Их больше в пепел не сожгут –
Они, как воздух, нам нужны.

Враг потерпел в сраженьях крах,
Теперь всем бедам вопреки
Вновь зажурчат ручьи в горах,
Воспрянут духом родники!

Оконце к мечте

В дни кровавых боев в долинах,
Где от смерти так сложно скрыться,
Даже ветер дул мощно в спины,
Помогая вперед пробиться.

В дни сражений на горных кручах,
Когда пули вокруг свистели,
Даже в небе бескрайнем тучи
От волненья за нас седели.

Когда мы хоронили павших
И в сердцах бушевали грозы,
Даже дождь, от беды уставший,
Проливал вместе с нами слезы.

Приоткрылось к мечте оконце;
По пути разрушая преграды,
Жарко льнет к нам лучами солнце,
Обещая всегда быть рядом.

АЛАДДИН ЯГУБОВ

* * *

Шехидам Первой и Второй Карабахских войн.

Не зовите меня героем,
Просто выпала доля такая!
Жизнь была моя чистым полем,
Что прошел я от края до края.
Не считайте меня погибшим
И пропавшим однажды без вести.
Я тот луч, что скользя по крышам
В окна ваши надеждою светит.
Не считайте меня убитым
И печалиться вовсе не надо.
Я дождем возвратился из битвы,
Проливаясь весенней прохладой.
И, поверьте, я рядом с вами,
Пробиваюсь побегом зеленым,
Меж камней пробегаю ручьями
И ветрами гоняюсь по склонам.
Я в заливистом смехе звонком,
В каждой строчке написанной песни.
Я – та истина с губ ребенка,
Новой жизни и радости вестник.
Не зовите меня героем,
Просто выпала доля такая!..
Я – рассвет над весенним полем,
Что прошел я от края до края.

ЕЛИЗАВЕТА КАСУМОВА

Вчера, сегодня... и – всегда?

Сейчас не носят похоронок.
Приходят в дом и говорят:
Погиб ваш доблестный солдат.
Как жаль, он был почти ребенок...

Ах, лучше б без вести иль в плен –
Тогда осталась бы надежда!..
Но нет... Лежит он без одежды,
Завернут в полиэтилен.

В нем больше надобности нет,
Вам навсегда его вернули.
Под левой грудью – след от пули,
Почти неразличимый след...

Как тяжело одной стареть
И просыпаться среди ночи!
О, вечный вопль матерей:
«Не оставляй меня, сыночек!»

Они кричат по всей земле,
По всей истерзанной планете!
Но неповинные их дети
Вновь умирают на войне...

Это стихотворение я написала в 1992 году… Еще в прошлом веке… Посвящено оно было нашим воинам, молодым ребятам, погибшим на Карабахской войне. Многим из них было по 18-20 лет… они уходили на войну и умирали там – не успевшие пожить, познать любовь женщины, счастье отцовства… многие – не успев повоевать: они погибали в первые дни и недели на фронте – война не выбирает, когда и кому умирать…

Когда в Азербайджане произошли январские события, а затем и карабахский кошмар, все мы не сразу осознали, что это в действительности происходит с нами – людьми, жившими в единой стране, одним из главных лозунгов в которой был «Миру – мир!», а одним из главных праздников – Первомай, на который мы выходили с транспарантами с надписями «Мир, труд, май!»…

Но – пришлось поверить: в город хлынули потоки беженцев, то в одну, то в другую семью приходили похоронки, а по улицам Баку почти каждый день двигались похоронные процессии. Но главное – врагом нашим, жестоким, бесчеловечным, оказался соседний народ, который еще совсем недавно вместе с другими народами СССР скандировал на первомайских демонстрациях – «Миру – мир!»…

Что происходит с людьми? Неужели это возможно – вдруг превращаться в нелюдей, с руками, по локоть запачканными кровью своих бывших сограждан?..

Слава Богу, те времена остались далеко позади…

А земли свои мы все же вернули. Да, тоже военным путем, но это было справедливое завершение того, давнего, вооруженного конфликта... И, казалось, все страшное уже позади…

Но теперь, наткнувшись случайно среди своих старых записей на это стихотворение, написанное ровно 30 лет назад, я поразилась – насколько актуально оно звучит и сегодня. Насколько актуально оно звучало все эти 30 лет! Ведь не было и года, чтобы где-то на планете не стреляли, не убивали друг друга… Афганистан, Ирак, Сирия… А теперь война подобралась совсем близко. И снова друг в друга стреляют бывшие граждане когда-то братских республик…

Я не стану разбирать, кто здесь виноват… хотя, на мой взгляд, все совершенно очевидно: виноват тот, кто с оружием в руках ворвался не территорию соседней страны, чтобы убивать, грабить, разрушать… лишать жизни бывших своих сограждан – сограждан по одной, бывшей когда-то великой, стране…

Каждый автор мечтает о том, чтобы каждое его творение прожило долгую жизнь, чтоб оно читалось и перечитывалось, вызывая те же эмоции, что владели и им, когда он его писал. Я – не исключение. Но это стихотворение… я хочу, чтоб оно и то, о чем оно написано, навсегда исчезли, стерлись из памяти людей, чтоб из их лексикона навсегда исчезли слова «похоронка», «война», «оружие»…

Неужели это мое желание не сбудется?.. Никогда?

АЛЕКСАНДР ХАКИМОВ

ДИМА-СОЛНЦЕ

На самой высокой точке Баку, на Второй Аллее шехидов, похоронен Дмитрий Александрович Солнцев, русский, уроженец Баку.

Он – один из шехидов, «мучеников», что погибли в ходе 44-дневной войны в сентябре-ноябре 2020-го. Нашей Отечественной войны, когда азербайджанская армия освободила Агдамский, Лачинский, Кяльбаджарский районы, находившиеся под оккупацией целых три десятилетия.

На днях ему могло бы исполниться двадцать семь.

Но не исполнилось.

Биологическое время кончилось для него два года назад.

***

…Когда Дима был маленьким, он очень боялся пылесоса.

Я это знаю доподлинно, потому что я дружил с ним.

С его мамой, Людмилой Солнцевой, мы были коллегами по Институту генетики Академии наук Азербайджана. Я нередко захаживал в гости к Солнцевым. У них было двое детей. Дочь Юля, подросток, и Дима, подвижный светловолосый малыш.

С Димой мы как-то сразу подружились.

На полу у Солнцевых я провел гораздо больше времени, чем на диване или за столом.

Мы с Димой играли в солдатики, составляли слова из кубиков, мастрячили что-то из конструктора, гоняли машинки…

Еще Димка любил пистолет, который пулял шариками, и мы с ним то и дело собирали по всей квартире «боеприпасы», похожие на желтые витаминки…

Еще он засыпа́л меня бесконечными вопросами, на некоторые из которых мне с трудом удавалось дать ответ.

И он очень боялся пылесоса. Когда пылесос работал, издавая мощный гул, Димка непременно прятался за диван, за тумбу стола или за меня и, округлив глаза, осторожно показывал пальчиком в сторону адской машины и шептал: «Он… Он там… Слышишь?». Я успокаивал его, как мог, трепал по хохолку на макушке, пытался взывать к его мужеству и храбрости, но все тщетно: Димка выбирался из укрытия лишь после того, как страшное механическое чудовище прекращало реветь и устраивалось спать в углу, обмотав вокруг себя длинную, как у диплодока, шею. И мальчишка вновь начинал носиться по дому, победно вопя, падая и снова поднимаясь, используя диван в качестве батута, а стол – в качестве гимнастического «коня»...

Мы называли его «Дима-Солнце», и ему это страшно нравилось. Еще он важничал, когда по телевизору передавали популярный в то время клип Ларисы Черниковой «Влюбленный самолет». Он всерьез полагал, что слова певицы «Я люблю тебя, Дима…» относятся непосредственно к нему…

Он подрастал; а моя жизнь сложилась так, что я стал видеться с семейством Солнцевых все реже и реже, а потом (так вышло) мы перестали видеться вообще. Но я знал о Диме многое: и что он был одним из лучших учеников 240 школы, что потом он поступил в Нефтяную академию, что он отслужил срочную… Я знал, что Дима везде и всюду слывет парнем открытым, отзывчивым, доброжелательным, на все сто оправдывая свое «солнечное» прозвище.

Еще я знал, что он окончил магистратуру с красным дипломом, и все ожидали, что Дима останется преподавать в Alma Mater.

Но с началом пандемии он стал волонтером в TƏBİB, налаживал медицинскую аппаратуру, – с его характером он поступить иначе просто не мог.

А когда началась 44-дневная война, Дима одним из первых записался в добровольцы – опять же, в силу своего характера он не способен был остаться в стороне…

Он погиб 24 октября в бою под городом Губадлы.

Маленький Дима жутко боялся пылесоса…

…взрослый Дима взял автомат и пошел сражаться за Азербайджан. Кстати, он всегда говорил, что не сможет жить больше нигде, кроме Азербайджана. Он хорошо говорил по-азербайджански, знал национальные обычаи. Бакылы оглан, в общем, бакинский парень.

Его любовь к Родине была искренней, он доказал это на деле.

***

27 этнических русских участвовали в Освободительной войне. Двое из них погибли – Дмитрий Солнцев и Денис Пронин.

Они – русские.

Это – **наши русские**. Практически все они родились и выросли на азербайджанской земле, под азербайджанским небом. Они любили и любят Азербайджан; они жили и живут ради Азербайджана; когда понадобилось – они пошли на войну ради родной страны и отдали кто здоровье, а кто и жизнь во имя нее…

Они достойные сыны нашей страны. Об этом не следует забывать. Их память должно чтить. Это будет справедливо.

***

Не стало Димы; нет уже на свете ни отца его, ни мамы; но есть его старшая сестра Юля и два ее сына, Салман и Анар, которые души в дяде не чаяли, как и он в них. Он же был Дима-Солнце!

…Вторая Аллея.
Надгробный камень в ряду множества других таких же камней.
С мрамора глядит на меня крепкий светловолосый русский парень.
Мученик-шехид.

Когда-то я катал его на спине, изображая лошадь, и подтягивал ему колготки. Складывал самолетики из бумаги и убеждал, что не надо бояться пылесоса.

По логике вещей, скорее я должен был уйти, чтобы такие молодые, как Дима, могли жить. Но в наше вывихнутое время все получилось наоборот – ушел Дима, чтобы могли жить такие, как я. Что же я могу поделать?

Помнить и напоминать, чтобы моя сохраненная жизнь не была совсем уж бесполезной.

Помните о Диме Солнцеве, земляки. Помните обо всех наших шехидах, убитых и искалеченных на Карабахской войне. Не забывайте об их близких, которым больно и будет больно еще долгое время.

Аллах ряхмят елясин! Хоть тебя, Дима, и отпевали в Кафедральном соборе Жен-Мироносиц, но для Господа Бога ты – воин, сложивший голову за Родину, а Господь наш не бюрократ, и приветит в Раю любого такого воина, независимо от национальности и вероисповедания…

P.S. *Мне постоянно приходится объяснять тем, кто живет за пределами Азербайджана, что шехид – это отнюдь не мусульманский фанатик с горящим взором и поясом смертника под одеждой. У нас шехидами называют всех тех, кто погиб на войне, за веру, за честь, за Родину, за семью. Таким образом, шехидами смело можно назвать всех тех героев Великой Отечественной войны, что погибли в боях с нацистами или пали от их рук. Александр Матросов, Зоя Космодемьянская, генерал Карбышев, Николай Гастелло… партизан и разведчик Мехти Гусейн-заде, генерал-танкист Ази Асланов, морпех Гафур Мамедов… Многие. В общем, вы меня поняли.*

Но оттого, что за словом «шехид» последние пару десятилетий тянется зловещий террористический шлейф, мы предпочитаем называть героев «мучениками». В том числе и тех, кто погиб на Карабахской войне.

ГЮЛЮШ АГАМАМЕДОВА

Н О В Е Л Л Ы

Война

Недавно, два года назад у нас бушевала война. 44 дня и 44 ночи на фронте шла активная фаза войны. Война между армянами и азербайджанцами. Война бывает разной: скрытой, когда воюют официальные медиа, соцсети и дипломаты. Во времена скрытой войны ненависть выплёскивается дозированными порциями, особенно у официальных лиц, чтобы противная сторона выглядела не просто виновной во всех грехах, но и, распалившись от обидных обвинений, начала совершать грубые ошибки, оскорблять, применять нецензурный, клоачный язык, приводить абсурдные доводы. Тогда появляется повод для тех, кто спровоцировал такое поведение противника, заявить: «Посмотрите, с какими отбросами мы воюем. Разве можно принимать на веру их аргументы?!» Обе стороны периодически попадают в эту ловушку. Но каковы бы ни были словесные баталии и хитроумные интриги дипломатов, их не сравнить с войной открытой, пылающей войной. Падающие бомбы, убитые люди, разруха, горе, смерть. В любой войне, при всем хитроумии экспертов, пытающихся объяснить причины страшной случившейся реальности, иногда восходя в своем поиске «реальных, скрытых причин» к истокам человеческой цивилизации, – есть агрессор и жертва агрессии.

Азербайджанцы находились в состоянии жертвы агрессии почти 30 лет. Да, все так и было. А потом, потом началась Вторая Карабахская война.

Садагет поднялась засветло. Ее задача – подмести обочины дороги до того, как по ним понесутся на большой скорости автомобили. Машины все равно проносились мимо, но их было все же меньше, чем в светлое время суток. Она надела жилет, покрытый светоотражающей оранжевой краской. В левой части головы, над лбом пульсировала боль, не покидавшая ее несколько дней, с того вечера, когда она не смогла дозвониться до сына, единственного любимого сына. Он ушел на войну, как многие его сверстники. Вытащила главное оружие труда – большую разлохмаченную метлу, выпила стакан воды и заспешила на большую дорогу.

В тот день машин было немного, словно кто-то позаботился о том, чтобы у нее достало сил на тяжёлое испытание. Она быстро закончила работу. Собрала мусор, скопившийся на обочине дороги. Многочисленные полиэтиленовые кульки собрала отдельно, чтобы потом выбросить в специальный мусорный бак. Не так давно всех уборщиц их района собрали и провели беседу о том, как надо заботиться о планете, не замусоривать ее, рассказали про новые способы уборки и сортировки мусора. Она подняла руку и попросила новую метлу, на что женщине ответили, что сейчас речь идёт о другом. Пока мужчина в костюме и галстуке рассказывал о новых веяниях в уборке территории, женщина думала о своем. Как могла она допустить, чтобы ее единственного сына забрали на войну?! Его! Надежду, опору, свет ее очей.

Муж умер, когда ее сыночку исполнился год. Родные помогали, в основном, советами. «Выходи замуж. Молодая, красивая. По соседству с нами вдовец живёт. Крепкий ещё. Даже не лысый и зубы свои. Пятьдесят лет. И к тому же небедный. Подумаешь, каких-то 25 лет разницы. Зато заживешь! И о сыночке твоём он позаботится. Ну, давай, соглашайся. Он давно на тебя глаз положил».

Женщина долго раздумывала над этим советом. Конечно, родственник не на пустом месте ей такое предложил. Наверное, мужчина сам к нему обратился. Дома, прижав к себе грудничка, долго пела ему колыбельную, рассказывая на свой манер о будущей жизни. Заснула вместе с маленьким. А во сне пришел муж, обнял, поцеловал обоих, грустно на них посмотрел. И покачал головой, словно хотел о чем-то предупредить. Нет, нет и нет. Вот так он качал головой из стороны в сторону. Утром, проснувшись, она точно знала, что больше не выйдет замуж. Не захочет, чтобы ее сына воспитывал отчим. Она все сделает сама. Сколько она работала на самых трудных и грязных работах, сколько перетерпела горя, пока ее сын, умница, красавец, подрос!

Она не успела порадоваться на своего сына, насладиться общением со взрослым разумным юношей, любящим и уважающим мать. Началась война. Единственного сына у матери никто не имел права отбирать. Никакие законы, ни божеские, ни людские не позволяли подобной несправедливости. Нет, он мог остаться дома. Но он записался добровольцем. Долго настаивал на своем. В самый последний момент, когда ему пришла повестка, решился сказать матери о том, что уходит на войну. «Понимаешь, мама, я не смогу смотреть в лицо своим ровесникам, прошедшим войну. Все время буду помнить о том, что струсил». Как могла остановить его Садагет? Кричать, плакать, биться в истерике, привести сотни примеров тех, кто не пошел на войну, и ничего, живут, угрызения совести их особо не терзают.

«На следующем собрании мы поговорим о том, какой инвентарь и какая новая форма полагаются работникам, убирающим территорию».

Садагет очнулась и заспешила домой. Когда она зашла во двор, в своем поселке Забрат, где проживали многие беженцы-азербайджанцы, «еразы», как их презрительно называли местные, то удивилась чрезмерному вниманию соседей. К ней подошел пожилой мужчина и непривычно тихо, глядя ей в глаза, сказал: «Приходил начальник и велел, чтобы двор подмели. Все должно быть чисто и прибрано. Привезут шехида, погиб в боях. Он из этих мест. Власть устраивает торжественные похороны. Сама понимаешь, сюда придут важные люди. Торжественные похороны. Моллу тоже пригласят».

Садагет села прямо на землю. Ей отказали ноги. Попыталась что-то ответить мужчине. Не смогла. Горло сжало удавкой, голос пропал. Мужчина посмотрел на нее: «Убили твоего сына? Ты так думаешь? Почему обязательно твоего? А может, и не его».

Во двор вышла пожилая женщина, наблюдавшая за происходящим из окна. Взяла Садагет за руку, повела в свой дом. Усадила за стол, налила чаю и положила в розетку свежесваренное клубничное варенье. Погладила Садагет по руке.

«У меня два внука, сама знаешь. Когда началась война, я сказала дочери, что если мальчики пойдут на войну и с ними что-нибудь случится, я лягу в могилу вместе с ними. Вот, посмотри. Видишь люк, здесь вход в подвал. Там у нас погреб. Я предупредила дочь, что если за ними придут, я спрячу их в подвал, и их никто не найдет. Почему ты позволила своему сыну пойти на войну? Скажи. Почему? Он у тебя один, все знают. И сколько ты работала, чтобы вырастить его! Тоже все видели. Может, не он...»

Садагет поднялась, сдерживая слезы, вышла во двор. Взяла метлу, стала ожесточенно подметать, так, чтобы ни одной пылинки, ни одной сигареты, банки из-под пива не осталось в углах. Закончив работу, пошла к себе, прилегла.

Только задремала, послышались шум, топот ног. Она открыла глаза с трудом, мысленно прося Аллаха наградить ее непробудным смертельным сном. Наверху решили иначе. Ей полагалось пройти всю дорогу на Голгофу со своей непосильной ношей. Она повязала косынку, надвинув ее на глаза. Вышла во двор, и оказалось, что все соседи пристально смотрят на нее.

Когда-то по телевизору она смотрела передачу о корриде. На круглой арене щегольски одетый мужчина ждал, когда выйдет его соперник, страшный бык. Смертельная схватка ожидает двоих. Один из них покинет арену мертвым. Либо смертельно раненным. Женщина не могла отвести глаз от экрана, так же, как и тысячи собравшихся зрителей, криками выказывавшими свое одобрение мужчине. Кто знает, а может, кто-то болел за быка? Сочувствовали животному, невольно ставшему участником схватки. Тот поединок закончился смертью быка. Тореадор, перекинув через руку красный плащ, гордо прошелся по арене под оглушительные аплодисменты зрителей.

Садагет почувствовала себя тем самым быком, черным, несчастным, загнанным быком. К ней подошла соседка, поившая ее чаем час назад.

– Идем, дорогая, присядь. Видишь, шехида, нашу гордость, принесли. Сейчас глава речь скажет, чтобы все знали и никогда не забывали, какие герои живут в нашем Забрате. Сама знаешь, некоторые нос воротят от нашего поселка. «Вонючий Забрат», так они называют наш дом. Allah vursun onları! А у нас вон какие герои выросли. Вижу, хочешь спросить, кто шехид? Ай-ай-ай! Несите воды скорее! Ürəyi getdi! Tutun onu! Asta-asta, başını galdirin, yerə dəyməsin. Skoriy çagırın, tez!

В последний путь проводили двоих. Шехида, молодого парня, отправившегося на войну добровольцем, и его мать, чей крик о милосердии услышал Всевышний.

Свидание с Президентом

Кортеж автомобилей проследовал на большой скорости по пустынной дороге, заботливо очищенной от простых смертных. Президент ехал на запланированную еще в начале года встречу с работниками самого большого нефтеперерабатывающего завода, гордости нефтяной промышленности. Встреча должна была состояться месяц назад, но важные, а иногда наиважнейшие дела все время срывали назначенные сроки. Уже в разгар весны, когда показались первые нежные листочки на деревьях, президент сам настоял на том, чтобы свидание с рабочими все-таки состоялось. Ответственные за это мероприятие лица подготовились, как всегда, очень тщательно. Были обговорены все кандидатуры, которые должны были стоять в первом ряду, затем во втором и так далее. Но как бывает в подобном случае, учесть всё не получалось. Какой-нибудь маленький штрих, неведомо откуда взявшийся прохожий, сумевший пробиться вперед, могли, как и следовало того ожидать всякому здравомыслящему человеку, испортить настроение президенту, а заодно всем лицам, отвечающим за данное событие.

Участкового Рамазана-даи предупредили о предстоящем визите за две недели до установленной даты. Он добросовестно обошел всех аксакалов и самолично, пожав каждому руку и поговорив с четверть часа на вечные темы о скоротечности бытия и дороговизне жизни, попросил их быть бдительными и не уронить чести района. Аксакалы, польщенные вниманием, рьяно взялись за дело, и уже через неделю вся округа только и говорила, что о предстоящей встрече, и все, от мала до велика, обсуждали открывающиеся для них широкие возможности.

Задолго до назначенного часа все было готово к встрече. Завод блистал чистотой. Рабочие переминались с ноги на ногу в ожидании грандиозного события. Когда на дороге, ведущей к заводу, показался кортеж президента, несколько пожилых женщин, смирно стоявших в отдалении, стали энергично пробиваться сквозь строй рабочих и вскоре оказались в первом ряду.

Участковый Рамазан стоял немного поодаль, чтобы иметь возможность внимательно наблюдать за происходящим. Проработав на своем посту около десяти лет, он был почти уверен в том, что ничего сверхъестественного у него на участке, а тем более в присутствии президента, произойти не может. Однако строгий наказ начальника еще звучал у него в ушах. «Если только, не дай Бог, один волос упадет с головы президента, тебе, дорогой Рамазан, не сносить головы».

Легко выйдя из бронированного авто, президент в окружении высоких бравых телохранителей медленно продвигался по дорожке, ведущей к заводу. Откуда-то неожиданно выскакивали люди, страстно шептали ему на ухо, совали в руки записочки. Телохранители старались заслонить президента от слишком назойливых просителей. Он приблизился к кучке пожилых женщин в черном. По особому вниманию, с которым он их выслушивал, было понятно, что всех объединяет одна беда, одна боль – Карабах. Кого-то он погладил по плечу, кто-то в порыве экстаза целовал ему руки.

На заводе президент ненадолго отлучился и прошел в туалетную комнату. Один из его самых приближенных телохранителей подозвал Рамазана и приказал немедленно установить личности всех людей, стоявших у дверей завода и так или иначе имевших возможность подойти к президенту. На немой вопрос, читавшийся в глазах Рамазана, охранник заметил: «Сначала займись своими обязанностями, а потом, если нужно будет, тебе объяснят, в чем дело». Рамазан отошел, в душе негодуя на слишком ретивого телохранителя. «Кого расспрашивать? Зачем? Что могло случиться? Почему такая паника?» Между тем визит президента был сокращен до минимума. Вместо предполагавшихся двух часов он пробыл на заводе час. Все присутствующие обратили внимание на то, что, когда президент вышел из туалетной комнаты, на тыльной стороне правой руки у него был приклеен кусок пластыря. Тотчас же по заводу прошел слух, что президент поранил руку. Разговор о насущных проблемах завода оказался скомканным. По бледному лицу и порывистым движениям было заметно, что президент думает лишь о том, как удержаться в рамках приличий и выстоять этот час. Уезжал кортеж с президентом совсем в другом настроении. Отменили все прощальные рукопожатия, и, слабо помахав рукой, президент исчез за слепыми стеклами своего «Зила».

Через два часа после визита участкового милиционера вызвали в райотдел, перед зданием которого непривычно было видеть такое количество дорогих иномарок. В отделе, куда пригласили Рамазана, все разъяснилось. Начальник отдела, тучный мужчина, говоривший с одышкой и все время вытиравший красный лоб, сразу же накинулся на него:

– Тебя же предупреждали, дорогой, – насмешливо сказал он, – гляди в оба, а то вылетишь со своего места в два счета. Вот, полюбуйся, – он протянул Рамазану фото. На фотографии – рука, точнее тыльная сторона кисти сухощавой руки с длинными пальцами и с ярким ядовито-красным пятном в виде сердца, каким его рисуют на открытках. Рамазан от удивления открыл рот, пытаясь выяснить для себя, чья это рука, и причем здесь он, Рамазан. – Я всегда знал, что у нас участковые хорошо умеют только стращать юнцов и брать взятки. На остальное у них не хватает воображения. Но ведь тебя предупреждали, дорогой, – с издевкой повторил он. – Не смотри, как баран на новые ворота. Это рука президента. А это пятно ему оставил кто-то из твоих бабусь. Вопрос: кто? Кто из них мог так смачно поцеловать ему руку? Пятно не сходит. Понимаешь ты, болван? Обыкновенная помада сошла бы сразу. Над этой дрянью бьются уже час, и ничего её не берет. Въехал, наконец? Теперь иди, переверни всё вверх дном, но найди мне эту темпераментную бабулю, ты понял? Может, она отравить его хотела? Кто их знает, старых ведьм? Я знаю, тебе до пенсии осталось всего ничего. Если не хочешь никаких осложнений, делай то, что тебе приказали. На вот, возьми, здесь кассета, на ней все записано с самого начала. Посмотри внимательно, а вдруг кого-нибудь узнаешь, и спроси у своих. Есть у тебя, наверное,

осведомители, как без них! И не думай, что ты один занимаешься таким серьезным вопросом. Так что без самодеятельности, о каждом своем шаге докладывай! Ты понял?!

Рамазан промычал что-то невразумительное и вышел. Приехав к себе, он некоторое время сидел без движения, сетуя на свою несчастную судьбу. Надо же так опозориться. Именно у него на участке, где всегда тишь да гладь, вдруг такое случилось. И не с кем попало, а с президентом. Если бы такое произошло с кем-нибудь из его друзей-товарищей, Рамазан посмеялся бы, и дело с концом. А здесь… Только и оставалось надеяться на Бога. Рамазан включил старенький видик, два раза стукнул по нему, прежде чем тот заработал, и стал безнадежно смотреть на экран. Замелькали кадры: вот подъехали машины, президент легко выходит из салона. А вот строй бабусь, как их определил начальник из райотдела. Одна кинулась ему на шею, а потом к руке. Вторая, вроде поскромнее, дожидается, когда и до нее дойдет очередь. Наконец, подошла и приложилась к руке президента. Крупный план, она подняла голову, слезы из глаз, помада на губах. Далее следующая дама пытается вручить президенту записку, тот махнул рукой в сторону охраны, и Рамазан зорко заметил отметину на руке. Нашел. Вторая бабуся и поставила метку. Участковый прокручивает ленту назад и останавливает интересующий его кадр. Она! Рамазан узнал её. Прошло тридцать лет с тех пор, а он все же узнал её. Кюбра, та самая раненая газель, как когда-то он называл её. Оттого, что Рамазан знал теперь наверняка, кто поставил злосчастное пятно на руку президента, ему стало еще тяжелее. Он не видел и ничего не знал об этой женщине целую вечность, но при мысли, что ему придется каким-то образом предать её, Рамазану стало совсем худо. Не мог он этого сделать. Он лег на постель повернулся к стене и вновь задал своему бессловесному и бестелесному собеседнику все тот же вопрос: «За что меня наказывает провидение? Что такого я сделал в жизни, что мне приходится так горько? Почему женщину, которую я любил когда-то, нужно наказывать?» Он пролежал неподвижно еще час, потом заснул, когда проснулся, у него было готово решение. «И пальцем не пошевелю. Пусть со мной делают, что хотят, хоть режут на куски. Кюбру я не обижу». Не обошлось, правда, без мыслишки, что они и без него найдут женщину. А защитить её он все равно не в силах. «Не буду я ей делать гадости, хватит с меня мерзостей».

Промаявшись целый вечер дома, в ожидании последствий своего героического поступка, он включил телевизор, чтобы посмотреть новости. Знакомая дикторша, как всегда, нечленораздельно бубнила себе под нос; показали кадры с президентом на заводе. Еще раз Рамазан внимательно посмотрел на Кюбру. «Да, постарела, но осталась такой же милой. Только вот дурацкая помада. К чему она ей?» Следующий кадр: важная встреча президента с главой соседнего государства. Рамазан с нетерпением смотрел на экран. Сейчас покажут, как президент будет пожимать руку соседу. Когда мелькнул кадр с пожатием рук, Рамазану показалось, что к нему вернулось орлиное зрение его молодости. Правая рука президента была безупречна. Напряжение, в котором пребывал Рамазан в течение всего этого дня, спало. Все прояснилось. Президент жив, здоров, и Кюбра в безопасности. Уже засыпая, он решил завтра же наведаться к Кюбре.

Цыганская почта работала исправно. и пожилая женщина, несколько лет тщетно пытавшаяся пробиться к президенту только для того, чтобы посмотреть ему в глаза и сказать «Спасибо», наконец, возможно, сможет осуществить свое давнее желание. Кюбра ханым не хотела ничего пускать на самотек. К встрече, а тем более такой важной, может, самой главной в ее жизни, необходимо тщательно подготовиться. Как всякой женщине, ей хотелось выглядеть чудесно. Повернуть вспять годы невозможно, да и не нужно, зачем преодолевать вновь пройденную, всю в рытвинах, дорогу. За каждую морщинку она заплатила очень дорого. Её единственной и

самой большой радостью и горем был племянник, которого она растила одна после смерти сестры, отказывая себе во всем. Красивая видная Кюбра ханым носила одни и те же вещи из года в год. У нее было четыре перемены нарядов по числу времен года. На ухаживания мужчин она не обращала никакого внимания, полагая, что чужой человек в семье все равно будет не по сердцу ее дорогому Лятифу. Незаметно пролетели молодость, зрелость. Лятиф превратился в стройного мужественного парня. А потом случилось то, что не должно было случиться, никак не могло случиться, если предположить, что в мире есть хоть какие-то законы справедливости и гармонии. Ее ненаглядного мальчика убили на Карабахской войне. Все, чем она жила столько лет, все её чаяния, мечты, все, что поддерживало её в самые тяжелые минуты, рухнуло. Не осталось стержня, на котором держалась её судьба. Кюбра ханым долго пребывала в оцепенении. Она сгорбилась, стала совершенно белой, прежде легкая походка превратилась в тяжелую поступь пожилой женщины. Нетронутыми остались глаза. Глаза у Кюбры не стали мутными и красными от слез, а остались живыми чистыми прекрасными глазами раненой газели. Вся её непрожитая нерастраченная женственность сохранилась в глазах.

Через два года неожиданно для Кюбры пришла весть о том, что её мальчику посмертно присвоили звание Героя. Кюбра не то, чтобы воспрянула, нет, она успокоилась, как если бы уверилась в том, что неприкаянные души её племянника и сестры обрели покой. С тех пор Кюбра искала возможности встретиться с президентом.

После небольшой консультации с опытными женщинами относительно одежды и макияжа Кюбра ханым решила, что красить волосы она не станет. К чему яркий, ненатуральный цвет волос в соседстве с увядшим лицом. Единственная уступка её старой подруге, когда-то давно работавшей косметологом в престижном салоне, – губная помада. Кюбра согласилась подкрасить губы только для того, чтобы президент заметил её. Совсем недавно по телевизору она смотрела фильм о жизни президента, и ей запомнилось то, как говорил он о своей рано умершей жене. Одна удивительная, как ей показалось тогда, фраза запала ей в душу. Рассказывая о своей последней встрече с женой в больнице, президент заметил, что она чуть подкрасила губы, чтобы не пугать его своей бледностью и, быть может, напомнить ему о своей любви.

Подруга Кюбры постаралась, помаду изготовила сама, по собственному рецепту и обещала Кюбре, что держаться на губах она будет очень долго.

Вернувшись домой после такой важной для нее встречи, Кюбра почувствовала, что все, что ей полагалось выполнить, она уже совершила и может уходить, не оставив за собой ни одного долга. Она их выплатила все, сполна. Она заснула, свернувшись калачиком, чтобы хоть немного согреться, и тихо, легко, ушла. В первый раз Кюбре удалось сделать что-то легко, без усилий и страданий.

Когда утром участковый Рамазан постучал в дверь одинокой пожилой женщины, которую редко кто навещал, ему никто не открыл. Обратившись к соседке, он получил ответ, что Кюбра ханым вчера была на встрече с президентом, вернулась очень возбужденная и поэтому, наверное, отдыхает. Рамазан не хотел уходить, не повидавшись с Кюброй. Кто знает, может, это будет их последняя встреча. Надавив плечом на хлипкую дверь, он без особого труда открыл её. Скользнул глазами по убогой обстановке и увидел на туалетном столике в коридоре раскрытую баночку с ярко-красной кричащего цвета помадой. Пройдя в комнату, Рамазан застыл в предчувствии непоправимого. На высокой подушке, разметав белые пряди волос, недвижно покоилась Кюбра, четким профилем напомнив ему прежнюю неприступную красавицу…

МЕЙХОШ АБДУЛЛАХ

Счастье, закованное в камни

– Дедушка, где мы?

– Мы на аллее шехидов, сынок.

– А чьи это фотографии?

– Это наши смелые сыновья, отдавшие свою жизнь во имя Родины, земли.

– Дедушка, а что значит «во имя?»

– Это значит,что они отдали свою жизнь ради Родины, ради тебя, ради меня.

– Почему ради нас?

– Чтобы мы жили спокойно, чтобы ты рос спокойно, чтобы хорошо учился в школе. Чтобы ты был счастлив.

– Я и так счастлив, дедушка?

– Конечно счастлив.

– А что такое счастье?

– Смотри, утром тебя мама будит, ты здороваешься с отцом, тебя целует бабушка. Мы сидим у себя в теплом доме, завтракаем, а вечерами мы все вместе сладко беседуем, – попытался обьяснить дедушка.

– Это и есть счастье?

– Конечно. Когда все близкие люди вместе, когда никто не болеет, все живы здоровы. Это и есть счастье.

– А у этих людей, которые здесь похоронены, нет родных и близких? – спросил внук, головой указывая на фотографии, закованные в мрамор. Дед глубоко вздохнул и сказал:

– У многих из них есть такие же дети, как и ты. Есть такие, у которых есть даже внуки.

– Значит, их дети и внуки не счастливы?

– Почему же? Они тоже счастливы. О них заботится государство, опекает их.

– Но они же не здороваются со своими родителями, не гуляют со своими дедушками.

– Сынок, они дети шехидов. С тобой здороваются только твои родители, а с ними все здороваются. Их любят все. Видишь, какие они счастливые?!

Внук опустил голову и промолчал.

– Ты что замолчал, сынок? Разве я не прав?

Внук повернулся и еще раз оглядел фотографии, закованные в мраморные плиты и сказал:

– Дедушка, хоть бы и твоя фотография была среди их фотографий. Тогда и я был бы счастлив так же, как их дети...

АТАГАМ

Два глупца в океане

Рассказ

Прошло три дня, как мы покинули порт Дуррес. Мне порядком надоело стоять на палубе и смотреть на море. Днем еще куда ни шло; я разговаривал с Михаем, а когда уставал, мог коротать время в трюме с ребятами, которые, попивая пиво, с шумом и гамом играли в карты. А вот ночи проходили медленно, как в дни войны. Если честно, у меня не было денег, чтобы играть, и я просто стоял в стороне, наблюдая за процессом...

Чтоб попасть на это судно, я, продав свой тар, шелковый ковер, подаренный сослуживцами на мое тридцатилетие, желтого лабрадора по кличке Сариджа, завещанного татаркой, сдававшей мне комнату в Сабунчи, и еще свой гидрокостюм, коекак собрал деньги на дорогу в Приштину и семьсот долларов, которые запросил Африм Далипи.

Когда нес на продажу резные работы по дереву, подаренные мне убитым в Дашалты двоюродным братом, я так переживал, что мне пришлось остановиться и несколько раз глубоко вдохнуть, чтобы сдержать подступившие слезы. Мне предложили продать и его штихели, но у меня рука не поднималась. Мои книги никто не купил. Кто теперь читает на кириллице? Поэтому я прилично задолжал.

Прежде чем подняться на судно, я обменял на лекё[1] оставшиеся у меня в кармане пятнадцать долларов, купил на них пятикилограммовый мешок сухарей, воду, сигареты, плавленый сыр и лимонад, как замену сладкого чая. Всего этого мне должно было хватить на десять дней плаванья. Когда Африм горами через Призрен вел меня в Кукес и затем в Тирану, по дороге клялся и божился, что нет никакой опасности. «Зоти[2] Туран, – усмехался Африм, пересчитав семь бенджей[3] и запихав их в нагрудный карман пиджака, – не беспокойся, клянусь Аллахом: я уже пять лет переправляю людей этим путем. Через десять дней, самое позднее, вы все в целости и сохранности доберетесь до Ньюфаундленда[4]. А оттуда, – он вознес руки к небу как во время молитвы, – кисмет[5], два шага до Онтарио».

Я верил Африму. Теперь я был вынужден верить всем. Все сомнения я запер внутри так глубоко, что и сам не мог добраться.

***

«Мое дело – доставить вас на своем траулере до Мадейры[6], а там, пересадив на сухогруз, отправить в Ньюфаундленд», – так, отхлебывая эспрессо в баре гостиницы «Тефай» в центре Тираны, Африм разъяснял предстоящее десяти будущим спутникам, давая последние указания. Надежда тонула в страхе в наших глазах. «Мире[7], ррегул[8], я пошел, увидимся завтра в Дурресе», – встал Африм, допив свой

[1] Лек(ё) – денежная единица Албании.
[2] Зоти (алб.) – господин.
[3] Бенджи – намек на Бенджамина Франклина на 100-долларовой купюре.
[4] Ньюаундленд (Newfoundland) – остров в Атлантическом океане, принадлежащий Канаде.
[5] Кисмет (алб.) – судьба.
[6] Мадейра (Madeira) – остров в Атлантическом океане, принадлежащий Португалии.
[7] Мире (алб.) – хорошо, есть.
[8] Ррегул (алб.) – есть, в порядке.

кофе. «Фалемендерит[1], зоти Далипи», – попрощались мы с ним, И, высунув головы в окна бара, провожали его взглядами, пока он не скрылся за углом.

В тот вечер Африм казался мне могущественным чудотворцем…

Расставшись с парнями, я вернулся в расположенное по дороге в аэропорт Ринас касолле[2], где я, по совету Африма, остановился за триста лекё в сутки.

***

Дул легкий ветер. Волны мерно раскачивали судно. Я прислонился к висящему на крюке слева от капитанской рубки оранжевому спасательному кругу – к «непотопке», как называли его мои бывшие товарищи-спасатели в Пиршаги. Для прочности уперся ногами в вентиляционные трубы трюма. Наглухо застегнув дождевик, надел капюшон и завязал шнурки. Внимательно рассмотрел себя в окне капитанской рубки. Видны были только мои глаза. Дождевик напоминал кадаверный мешок, в который мы заворачивали трупы товарищей, подорвавшихся на мине.

Африм Далипи, потягивая пиво, о чем-то по-албански спорил со своим раздраженным помощником, который крепко держал штурвал.

Волны временами переваливали за борт и заливали палубу. Чтобы не замочить ног, я каждый раз хватался за непривязанный спасательный круг и запрыгивал на прикрепленный к полу компрессор.

Траулер был очень старый. Мох покрывал ржавую обшивку, и мне кое-как удалось в порту прочитать название «Анвар Ходжа». Позади судна с обоих барабанов свисали сгнившие остатки сетей. Стены трюма были пропитаны въевшимся запахом рыбы.

Мы приближались к Гибралтарскому проливу. Этой ночью нам предстояло миновать Тарифу[3] и выйти в открытый океан...

***

За первый день пребывания на судне я очень устал. По указанию Африма каждый из нас выбрал себе место. Как только я спустился по трапу в трюм, облюбовал угол, на левой стене которого было написано «Аллаху-Акбар» на арабском и несколько имен, которые я не смог прочитать. Трюм делился на две части: справа вдоль стены были расставлены прикрепленные к полу деревянные шконки, слева – большие закрытые пластиковые баки, привязанные к стене резиновыми ремешками. Я хотел выяснить, что находится внутри баков, но усталость одолевала, и я, накинув на плечи шерстяной свитер из сумки, прилег на деревянные доски и задремал.

– Эй, – кто-то коснулся моего плеча, – вставай, ужинаем, присоединяйся к нам.

– Спасибо, не голоден, – ответил я с закрытыми глазами.

Я хотел есть, но сон был слаще. Еще надеялся сэкономить на одном приеме пищи.

***

На следующее утро я проснулся от шума. Вонь от рыбы смешивалась с запахом пота, пива и сигарет. Оставаться в трюме было невыносимо. Едва открыв глаза, я поднялся на палубу. Хотя море казалось спокойным, небо было подернуто тучами. Сердце сжалось от тревожного предчувствия. Я зажег сигарету.

Вскоре ребята по одному поднялись на палубу. Я по говору различал сербов, болгар, молдавских румын, однако никак не мог угадать национальность болезненно худого человека с кудрявыми волосами до плеч. Он не вмешивался в разговор, затягивал сигарету за сигаретой, стоял и смотрел в одну точку. Периодически закашливался до посинения, тихо и сердито ругал кого-то на своем языке. Часто трогал

[1] Фалемендерит (алб.) – спасибо.
[2] Касолле (алб.) – хижина.
[3] Тарифа (алб.) – небольшой прибрежный городок на юге Испании.

рукой кожаный мешочек, висевший на поясном ремне. Ребята пару раз подтрунивали над этим мешочком. «Смотри за деньжатами, – посмеивались они, – а то придем к тебе в Онтарио брать в долг». Пару раз они попытались разговорить его, но не получили от него ничего вразумительного, кроме дыма сигареты, который он безразлично выпускал в воздух.

Когда все поднявшиеся на палубу, прислонившись к железной защитной ограде рядом со мной, пили недопитое пиво, кучерявый, бросив окурок в море, зажег новую сигарету и двинулся вправо от капитанской рубки. Почему-то мне вдруг захотелось познакомиться с ним. Казалось, мы были ровесниками. Может, смуглость его кожи привлекала меня. Видимо, человек в горе испытывает нужду в общении с другим человеком, у которого еще больше горя.

– A jeni shqiptare? – подойдя к нему, я спросил, не албанец ли он. На самом деле, узнав, кто он, я бы сориентировался, кем буду я сам. Если бы он, сказав «po, unë jam shqiptare», подтвердил, что он албанец, мне пришлось бы туго, так как я хотел выдать себя за албанца. Я даже выбрал себе имя – Самет. Самет Тачи. И просил Африма называть меня не Тураном Меликли, а Саметом Тачи.

Когда я услышал это имя в Тиране, в квартале, где находилось мое касолле, я вспомнил моего одноклассника Самеда. В 93-м он был ранен в бою под Гадрутом и взят в плен. Когда весть о том, что в вены Самеда ввели керосин и он был убит, распространилась в Джебраильском районе, его отец Ислам-киши потерял рассудок. Мы, одноклассники Самеда, избегали встреч с Ислам-киши: нам было стыдно, что еще живы. Но избежать не всегда удавалось.

Однажды, когда я поднимался вверх к дому по огороженной с обеих сторон узкой улочке квартала Галалы, неожиданно появившись передо мной, Ислам-киши воскликнул: «Самед, сынок!» и, припав ко мне, долго не отпускал. Теперь, взяв имя Самеда себе, я как будто продлил ему жизнь ...

– Нет, – сказал по-английски кучерявый, покачав головой, – рома.

– Рома?! – удивился я. Итальянцу не было никакой необходимости ехать в Канаду нелегально. Подумав, что он, возможно, румын, снова спросил его:

– Ты итальянец или румын?

– Нет, – улыбнулся он, – ах, если бы я был итальянцем, не знал бы горя! – по-английски он произносил все глаголы в неопределенной форме. – Не румын я, – он снова зажег сигарету, – я рома. Ромале, да, да, ромале... Цыган!

Он закашлялся. Я взял его за руку и постучал по спине. Это помогло. Глядя на меня, он качал головой и улыбался.

Я слышал, что цыгане стыдились своей национальности, поэтому хотел улыбкой выразить ему свое особое расположение. На самом деле искренне улыбаться было совсем не трудно, ведь я очень обрадовался, что он не албанец. Мне не придется выдумывать себе новое имя.

– Цыгане очень умелые, – польстил я, чтобы заполучить его сердце, – у вас отличные песни.

Он немного помолчал.

– Софья Ковалевская, Антонио Соларио, – стараясь ублажить его, я называл имена запомнившихся мне цыганских знаменитостей, – уже не говорю о Чарли Чаплине.

– Чарли Чаплин, кажется, еврей. – сказал он, сделав глубокую затяжку.

– Нет, все думают, что он еврей, но он настоящий Ромале! Он родился в Вест-Мидленде, в цыганском караване. Я точно знаю!

– Может быть, – покачал цыган головой, – смешной человек, мне тоже нравится.

«Придурок!» – подумал я. Даже не знает сливок своего народа. Пустой человек, глупец. К черту, какое мне дело до него.

– Самет Тачи, – представился я и протянул ему руку.

– Михай Поллак, – он тоже протянул руку, – я из Словакии, – он подержал мою руку в своей и добавил: – Не говорите ребятам, что я цыган. Пожалуйста!

Мне стало жалко его. Я крепко сжал его руку:

– Не беспокойтесь, не скажу. Если вдруг спросят, скажу, что словак.

Он обрадованно закивал.

Мы долго разговаривали. На самом деле я говорил, а он слушал. Я изложил ему легенду, которую сочинил о себе несколько месяцев назад, а потом забавлял его смешными историями, как будто бы приключившимися со мной во время моей работы в газете «Коха Йоне»[1].

***

До вечера следующего дня нашего путешествия мы дружески общались с Михаем. Я развивал выдуманную легенду. А он, в свою очередь, долго рассказывал о своем поселке, где он жил с женой Кристиной и пятилетней дочкой Жасмин, о том, как в детстве взбирался по стенам замка Зволен, как ежедневно с друзьями затевали драки в чешском квартале, как купались в реке Хрон, как сфотографировались с Феро Велеки[2].

Ночью я спал очень плохо. Голова жутко гудела. Во сне все летел над заросшими кустами и тутовыми садами. Мне были знакомы эти места, но никак не мог понять, где нахожусь.

Я проснулся. Все спали. Был слышен храп Михая. Я тихонько встал, вслепую нащупал перила трапа. Поднявшись на палубу, прислонился к ограждениям. До восхода солнца оставалось немного. Море было спокойным. Издалека виднелись мерцающие огни, слегка вибрирующие силуэты перевернутых в воде танкеров, сухогрузов, каботажных лайнеров, плывущих к Гибралтарскому проливу и обратно. Как же еле уловимое журчание волн было похоже на шелест листьев чинары на рассвете!

Я вспомнил наш дом в Джебраиле. «Интересно, хотя бы стены уцелели? Как же мы радовались, когда расцвели наши новые саженцы! Говорят, они срубают деревья и уносят с собой. Я не верю. Спилить столько деревьев? Хотя… нет, если проедутся на танке вдоль и поперек… Они ведь были такими хрупкими…»

Я присел, ухватившись за леерную стойку. Как ни старался, не мог сдержать слез. Нет в жизни ничего проще, чем плакать в темноте и одиночестве.

Я подождал, пока ребята поднялись на палубу, и спустился в трюм. Там сел, прислонившись головой к стене. Чтобы убить время, стал мысленно вычислять объем трюма, где десятилетиями умирали тысячи рыб, попавших в сеть.

Я ощутил себя глупцом, безмозглым, как рыба. И горечь опять сдавила мне горло.

Я попытался уснуть, закутав голову шарфом.

«Спать! Надо спать до тех пор, пока судно не пройдет в пролив и не выйдет в океан!»

***

– Эй, Самет! – кто-то несколько раз осторожно ударил меня по спине. – Ты спишь? – это был Михай.

Я сел, разматывая шарф.

– Поднимемся на палубу, – сказал Михай, выдохнув в сторону дым сигареты.

– Устал я, спать хочу.

– Вставай, мы заходим в пролив, пойдем, посмотрим.

– Ладно, ты иди, я сейчас поднимусь, – сказал я и снова попытался уснуть.

[1] «Коха Йоне» (Koha Jonë) – Газета в Тиране («Наше время»).

[2] Феро Велеки (František Velecký) – Словацкий киноактер.

К вечеру подул сильный северный ветер. Судно мотало из стороны в сторону. Тошнило, болела голова. Я боялся, что начнется морская болезнь.

Через полчаса все находившиеся в трюме, держась за животы, начали выползать на палубу. Я тоже поднялся. Африм провожал на корму тех, кого тошнило. Ведя их обратно, подтрунивал, дружески хлопая их по плечу: «Теперь ты полностью готов к эмиграции, в тебе ничего не осталось от родины, ты совершенно чистый!»

Волны сердито вздымались и опадали, разбиваясь о нос судна. Казалось, Гибралтар заключил тайную сделку с Атлантическим океаном: пролив, проглатывая судна, отправлял их в желудок океана, а океан своими пенистыми волнами должен был размягчить их для переваривания.

– Эээй, лоботрясы! – заорал Африм, высунув голову из капитанской рубки. – Если вы еще способны развлечься со сладкоречивыми онтарийскими девушками, все быстро в трюм, иначе рухнете в воду на корм акулам.

Парни, разгоряченные его обещаниями, послушно скатились в трюм.

Бушующие волны Средиземного моря с силой ударялись о железный корпус судна. Звуковые волны проникали через стены трюма и, отражаясь от стен, наполняли его, создавали внутри жуткий гул. Наши мольбы Богу на разных языках из шепота переросли в истерический крик и смешались. Спустя время это вавилонское смешение перешло в плач. Михай и я в ужасе смотрели друг на друга, вцепившись в служившие нам кроватями деревянные шконки, пытаясь защитить головы от ударов о железную стену корпуса.

В полночь высота волн снизилась, уменьшилась и их сила. Как стадо антилоп, торопящееся к воде, мы, ринувшись на палубу, прикурили и с жадностью стали вдыхать дым. Бурно текущая пена из открывающихся подряд пивных банок смешивалась с соленой водой ледяных брызг.

– Этой ночью мы проходим Тарифу и выходим в океан! – мы встретили торжественное заявление Африма веселым чоканьем банок. Сербы принесли из трюма еще два ящика пива и поставили посередине. Один из них тут же был опустошен. Преодолев многочасовой страх и расслабившись после сигарет и выпитого, ребята, спустившись в трюм, улеглись спать. Мы с Михаем сели рядом на палубе. Пиво подействовало на нас обоих. Отрывисто говорили о том, о сём. Распив по три банки, мы позабыли и об урагане, до смерти напугавшем нас всех пару часов назад, и о людях, одолживших нам денег, благодаря которым мы оказались здесь и сейчас. Жизнь была прекрасной, как будто мы не плыли незаконно на дряхлом траулере в Канаду, а отправились в путешествие на круизном лайнере на Гавайские острова. Еще вчера неразговорчивый Михай трещал без умолку; о капризах пятилетней Жасмин, о приятных днях, проведенных с женой Кристиной, о том, что собирается вызвать их к себе, как только доберется до Канады. Иногда он забывался и начинал описывать, как они с женой занимались любовью. Чтобы не слышать его, я смотрел на огромные корабли в нескольких милях от нас. Рассказ Михая, как он собирал деньги, чтобы убежать в Канаду, как делал фальшивые документы, как познакомился с Афримом, не интересовал меня: проигравшие жизнь, дрожа, проходят одними и теми же тропами, дыша одинаковым воздухом, наполняясь схожими чувствами.

Поздно ночью мы, едва держась на ногах, спустились в трюм. Пожелав друг другу спокойной ночи, мы рухнули на кровати.

***

– Самеееет! Самееееетии! – кто-то громко кричал, так что голос отдавал эхом в трюме. Мне казалось, что я сплю и слышу, как Ислам-киши, стоя каждый вечер на сопке в Междуречье, лицом к вражескому селу Аракюль, зовет своего сына Самеда.

– Михаааай! Михаааай!!! – Тураааан!!! – доносились голоса. Звали то Михая, то меня. Поразило, что кричали мое настоящее имя.

Я содрогнулся. Открыл глаза. Через похожее на дымоход отверстие в середине трюма солнечные лучи освещали помещение. Я не понимал, что произошло. Хотел подняться, но не смог. Сильно ударился головой о бак. Чтобы убедиться, что не сплю, больно ущипнул себя за руку. Вставая, отлетел к баку. Михай лежал немного поодаль.

– Михай, Михай, – тормошил я его за плечо, – зачем ты спишь здесь?

Он открыл глаза, попытался встать, облокотившись о пол, но не смог. Пол был сильно накренен. Я оглянулся вокруг: в трюме, кроме нас с Михаем, никого не было

– А где ребята? – сонно спросил Михай.

У него начался приступ кашля. Кашлял до изнеможения. Когда, наконец, он смог перевести дух, вопросительно уставился на меня.

– Не знаю, – сказал я. – Кто-то нас звал. Я ясно слышал наши имена. Вставай! Надо подняться на палубу.

– Может, мы утонули? – в ужасе заорал Михай.

Я видел Михая, слышал, что он кричит, но голос был как будто не его. Кое-как поднявшись, я привалился к стене. По-другому удержаться на ногах было невозможно. Протянув руку, помог подняться Михаю.

– Иди, поднимайся ты первым,– сказал я.

Он был очень слабым. Я боялся, что он поскользнется и упадет с крутого, как пожарная лестница, трапа. Когда, поддерживая Михая и подталкивая его вперед, кое-как поднялся на палубу, я был поражен: нос судна подрезал горизонт, а кормовая часть была в воде до капитанской рубки. Барабаны были затоплены. Волны раскидали по палубе сгнившие сети. Осторожно, чтобы не запутаться в них, мы передвигались по палубе. Наконец, вцепившись двумя руками в леера, мы уставились друг на друга. В глазах Михая метался животный страх, да и я, очевидно, не являл собой эталон безмятежности.

– Михаааай!... Тураааан!

Мы не могли понять, откуда раздавались голоса.

– Послушай, – сказал я дрожавшему Михаю, – стой, не двигайся. Я попробую пробраться на нос судна: поищу ребят.

Перехватываясь за стойки ограждения, я кое-как дополз до задранного носа траулера и увидел бесконечный океан, сверкающий в лучах восходящего солнца. В полумиле две битком забитые спасательные шлюпки быстро отгребали от нас. Ребята старались изо всех сил. Словно солнце, окрашивающее океан в золотое свечение, вспыхнуло в моем мозгу.

Мне все стало ясно. Я не мог сообразить, что предпринять. В лодках не было мест. Один парень болтался в спасательном круге, держась рукой за борт второй лодки. Невольно я стал звать Африма. Голос звучал сдавленно. Я кричал снова, снова и снова. Наконец, они услышали меня.

– Отплывайте от судна! … Оно тоне-е-е-ет!

Это были единственные их слова, что нам удалось расслышать.

– Что случилось? Они спасут нас? – с надеждой спросил Михай, когда я, цепляясь за леера, добрался до него.

– Нет!!! Эти идиоты бросили нас и убежали!

Его затрясло.

– Не расстраивайся, брат, – одной рукой обнял его, – мы тоже спасемся!

Михай обнял меня.

– Нет, не они бросили нас! Мы сами проспали! – рыдал он.

– Ладно, перестань, – встряхнул я его, – очнись. Судно затонет, и нас затянет с собой! Нам нужно быстро выбираться отсюда!

Михай еще крепче вцепился в меня:

– Я не умею плавать, Туранджан. Не бросай меня!

– Ну, о чем ты! Михай, мы спасемся вместе! – хоть я растерялся, когда он назвал меня настоящим именем, но взял себя в руки и попытался подбодрить его.

– Слава Богу, что эти мерзавцы не утащили оба спасательных круга, – дружески похлопывая Михая по плечу, успокаивал я его.

Но терять время было невозможно: дифферент на корму на глазах усиливался.

Оторвав его руку от себя, я велел Михаю крепко держаться за ограждения, а сам по пояс в воде добрался до капитанской рубки, где на крюке висел уже наполовину затопленный спасательный круг. Вода была ледяная. Жгучий холод пробирал до самых костей. Кое-как сдернув спасательный круг, я вернулся назад к Михаю.

– Не бойся, с кругом мы не утонем! – сказал я, продевая его руку в отверстие. – Я сейчас поплыву, а ты немедленно следуй за мной, понятно?! Не выпускай круг из рук! Быстрей, Михай, судно тонет! ... Мы утонем!

Михай, просунув ноги за железные опоры ограждения, двумя руками схватился за спасательный круг.

– Туранджан, а как же наши документы?!

– К черту документы! – заорал я, в бешенстве тыча в спасательный круг. – Теперь вот это все наши документы, понимаешь?

Перевалившись через ограждение, я прыгнул в воду и поплыл от судна. Первый раз в жизни я возненавидел океан.

Михай, обняв спасательный круг, что-то быстро говорил. Наверное, молился.

– Прыгай! Что ты стоишь!? – закричал я, обернувшись. – Всего несколько метров! У нас будет время помолиться! Прыгай!!!

Михай приготовился прыгать, но медлил.

– Может, мне подождать здесь, пока судно не затонет, Туранджан?

– Ты глупец!!! – взбеленился я, четко осознавая, что причина моей ярости была не в трусости Михая, а в том, что он звал меня Туранджан. – Сейчас судно затонет, и водоворот затянет тебя с собой на дно океана, осел ты безмозглый!

– О, Господи, ягненок я твой жертвенный, не дай мне умереть!

Мне стало противно от его молитв. В самые тяжелые моменты я тоже молюсь Богу. В иное время я бы не обратил на это внимания, но сейчас его мольбы хлестнули мне в лицо ледяной водой океана, отрезвляя. Какое же жалкое создание – человек!

– Вдохни глубже и прыгни. Не бойся, я поймаю тебя! Держи круг вертикально, не дай ему выскользнуть из рук!

Михай схватился за перила ограждения. Медленно двигаясь к корме, он пытался приблизиться к поверхности воды. На своем языке жутким криком он звал кого-то; то ли своего Бога, то ли маму… У меня волосы встали дыбом. Я когда-то уже это слышал...

Штанина Михая зацепились за рыболовную сеть. Он шлепнулся на бок в воду. Спасательный круг, выскользнув из его рук, упал рядом. Я с опаской отплыл назад. Михай беспорядочно колотил руками по воде. Боясь тоже попасть в сеть, я пытался подплыть к нему сзади и схватить за волосы, но он все разворачивался ко мне лицом. Рывком я схватил его за ворот рубашки и подтянул к себе. Сеть подвинулась вместе с ним. Чем больше Михай барахтался, как муха в паутине, тем больше он запутывался.

– Не двигайся! – от злости я, схватив Михая за волосы, дернул изо всех сил. – Я тоже запутаюсь!

Михай притих. Я несколько раз попытался содрать петлю с ноги Михая, но не смог.

– Возьми это, разрежь! – из мешка, висевшего на поясе, Михай судорожно вытащил нож, заточенный с двух сторон, и протянул мне. «Нож?! Ах, ты, мерзавец! Так это нож был у тебя?!» – с такими мыслями я все-таки перерезал сеть и потянул Михая в открытый океан.

Поймать спасательный круг оказалось не сложно. Сначала я хотел выбросить нож. Зачем нужен нож в океане?! Но, подумав, что он может пригодиться на берегу, засунул его за пояс. Михай промолчал.

Шлюпок уже не было видно, но я знал, в какую сторону поплыли Африм и ребята; я определил это по солнцу и по положению судна, нос которого еще возвышался над поверхностью воды. Чтобы было легче плыть, я, перевернув Михая на спину, закинул его руку на спасательный круг. Сам тоже, держась одной рукой за круг, начал грести в направлении, куда ушли шлюпки.

Чтобы определить, сколько мы проплыли, я иногда, оборачиваясь, смотрел на судно. Волн не было, поэтому нам удалось отдалиться на расстояние, приблизительно равное футбольному полю.

Когда я обернулся в очередной раз, то увидел, как траулер пошел ко дну, точно тонущий человек, в судорогах дергая носом. Двумя руками держась за круг, я слушал шипение пузырьков, выпускаемых последним дыханием судна. Глаза Михая расширились. Он бормотал что-то себе под нос. Шипение прекратилось. Михай смотрел на меня с безысходностью. Судно умерло… Что-то словно оборвалось внутри меня. Чтобы поскорее отдалиться от места гибели траулера, я снова поплыл.

Я совсем обессилел от нахлынувших чувств. Тащить Михая было тяжело; мы двигались медленно. Меня не покидала мысль уплыть, бросив его, но пятилетняя Жасмин словно стояла передо мной. Михай, словно почувствовав, начал шевелить ногами, которые до этого висели, как безжизненные бревна.

– Да, да, молодец, Михай, молодец! – я был неимоверно рад такой неожиданной помощи и начал подбадривать его. – Двигай ногами, двигай. Вместе мы быстрее доберемся до берега!

Чтобы не потерять направление, приходилось часто поворачиваться, ориентируясь по солнцу. Мне снова захотелось увидеть место, где затонуло наше судно. Когда я обернулся, разглядел красное пятно.

– Посмотри туда! – я схватил Михая за волосы и повернул к пятну его голову.

Мне казалось, что Михай тоже испугается, но, как ни странно, он никак не отреагировал. Как будто все понимал.

– Это листы для пробы Гатри[1], – сказал Михай равнодушно, – ребята рассказывали. Это бумаги из баков Африма, – добавил Михай, увидев, что я ничего не понимаю, – это листы, пропитанные кровью младенцев... Я не знаю, зачем они нужны, но парни говорили, что если попадут в воду, океан окрасится кровью.

***

Более двух часов мы находились в ледяной воде, пробирающей до самых костей. Я определял время по солнцу. У Михая часто случались приступы кашля. Он бил руками по воде, и лицо его становилось синим, словно вода в океане.

Ниже пояса я ничего не чувствовал. У меня уже не было сил двигать ногами. Одной рукой я держал Михая за волосы лицом вверх, чтобы он не утонул. Он опять висел без движения, как безжизненный кусок мяса. Его глаза были закрыты, и только губы иногда шевелились. Я понимал его шепот. «Что он может говорить теперь, кроме молитв Богу, какие еще слова остались? Если я отпущу руку, он пойдет на дно».

Опять мне захотелось, оставив его, надеть спасательный круг и поплыть на северо-восток, в направлении, куда ушел Африм, и снова перед моими глазами встала пятилетняя дочь Михая. «Да, конечно, я никогда в этой жизни не встречусь с его Жасмин, с девочкой с длинными ресницами в разноцветном цыганском платье. Зачем мне сейчас думать об этом?! А в другой жизни? Нет, что за бессмыслица, какая дру-

[1]Проба Гатри (Guthrie) – анализ крови для определения фенилкетонурии (метаболизма аминокислот) у новорожденных.

гая жизнь? Другая жизнь находится здесь, на дне океана! А если эта девочка, когда вырастет, найдет меня и спросит про отца, тогда как? Да, конечно, можно соврать, ведь все равно фальшивых документов, которые я сделал за последние шесть месяцев, и ложных обещаний, которые я дал, когда брал в долг, хватит мне до конца жизни. Почему бы не соврать еще раз?! Ведь ложь появилась еще до Адама».

– Я умираю, – застонал Михай еле слышно, открыв через силу веки.

– Нет, нет, Михай! – я встряхнул его, – умирать нельзя! Ведь тебя ждет твоя дочка Жасмин!

Только теперь я четко понял, что смерть Михая неизбежна, и что я останусь один в этом бескрайнем океане. Я изо всех сил вцепился в его волосы и с криком потащил за собой:

– Умирать нельзя! Понимаешь, нельзя! – он, застонав, опять хотел что-то сказать, но неожиданно рядом с нами что-то сильно ударилось о воду и заглушило его слова. – Что это было?! Что это?! – завопил я. – Это акула?!

Чтобы как-то успокоить себя, я, как безумный, снова и снова просил Бога: «Господи, Господи! Пусть это будет дельфин!» Ужас иглами растекался по моему телу. Поджав ноги к животу, я вертел головой. Я столкнул Михая со спасательного круга в воду, но все еще держал его за волосы. Пусть акула первым съест его. Кто знает, может, она насытится и уплывет?!

Михай говорил без остановки. Из потока его слов я разобрал только «умираю». Прижав ухо к его рту, я заорал:

– Что ты говоришь? Говори громче, не понимаю.

– Позвонишь моей жене... ее номер...

– Михай, – орал я на него, – теперь не до твоей жены! Мой мозг застыл! Как я могу запомнить номер телефона посередине океана?! Не надо, не говори! Сам позвонишь!

Глаза Михая остановились, как у умирающего человека.

– ...Тогда, – еле выплюнув воду, наполнявшую рот, отрывисто сказал он, – ...тогда напишешь письмо.

– Ладно, – сказал я, чувствуя прилив бешенства, – если акула не отгрызет мне руки, напишу.

– Напиши, чтоб не забывала меня.

Он не хотел сдаваться. Ни о чем, кроме как об акуле, в этот момент я думать не мог. Держась за круг, я как безумный крутил головой направо и налево, следил за каждым движением воды. Потом сообразил, что это бессмысленно. Опустив Михая по челюсть в воду, я осторожно поплыл.

Иногда, повернув голову, вытаращив глаза, подолгу смотрел на солнце, хотел впитать в себя как можно больше солнечных лучей. «Если бы самая дешевая в мире резиновая лодка оказалась здесь сейчас, – думал я, – залез бы в нее и, сняв с себя всю одежду, грелся бы на солнце!»

Вспомнив, что акула нападает на жертву снизу, часто обнимал спасательный круг и поджимал колени к животу. Как только останавливались отдохнуть, оглядывался вокруг, искал посверкивающую гладкую спину акулы. «Как же смешно утверждать, что человек – совершенное существо! О, если бы у меня было самое обыкновенное крыло! Пусть даже сломанное! Я бы летел, ударяясь о воду!»

В голове возникла мысль задушить, убить Михая. Это не так сложно; если погрузить его голову в воду и посчитать до тридцати, он отдаст душу, тогда в его жилах застынет кровь, и … когда акула укусит его, кровь не вытечет и другие хищники не учуют ее.

Эта мысль так увлекла меня, что я, подтягивая к себе круг, начал сталкивать Михая. Я не хотел видеть пузырьки, которые появятся на поверхности с его последним дыханием.

– Нет! Не надо! – Михай вдруг начал биться, как человек в предсмертной агонии. – Умоляю, я не хочу умереть здесь... На берегу... – просил он.

Я отлично понимал, о чем он. Как было бы прекрасно умереть, когда хочешь, и там, где хочешь! Но Михай не понимал, что его смерть здесь и сейчас была моей единственной надеждой.

Я снова с трудом втащил его на круг. Теперь и руки, и голова Михая были над водой. Капли на его замерзшем и посиневшем от холода лбу сверкали под лучами солнца.

– О, Господи! – опомнился я и поплыл.

Я так старался, что даже на некоторое время забыл об акуле. Чем дольше не появлялась акула, тем больше я смелел.

– Давай, Михай, давай! Двигай хотя бы ногами! – приободрял я Михая, который под лучами солнца пришел в себя.

– Дельфин!!! – хором закричали мы.

Мне показалось, что наши голоса долетели до берега и вернулись обратно. Прямо перед нами два дельфина одновременно выпрыгнули в человеческий рост и ушли обратно в воду. Когда волна, созданная ими, накрыла меня, мне показалось, что я ныряю в теплые воды Каспийского моря на пляже в Пиршаги! И я, как бы приветствуя дельфинов, набрал в рот воды и с радостью фонтанчиком выпустил в океан.

От счастья я обнял Михая за шею. Второй раз за время нашего знакомства я видел улыбку на его лице. Как я ругал себя за то, что задумал убить его. «Нет, – я сказал себе, – во что бы то ни стало, я выведу этого несчастного на берег!»

***

Солнце было в зените. Хотя я не чувствовал тепла, солнце надо мной не давало угаснуть моей надежде.

– Если я умру, ты напишешь моей жене? – спросил Михай, когда я в очередной раз остановился, чтобы отдохнуть.

– Никогда! – решительно сказал я, – или мы вместе спасемся, или вместе умрем!

Я говорил это от души, обнадеживая Михая, что непременно спасу его.

– Нет, я не смогу спастись.

Михай, видимо, хотел сказать: «Нет, мы оба умрем здесь и станем кормом для акул». Возможно, не говоря вслух и о моей смерти, он пытался сохранить свою последнюю надежду.

– Тогда напиши моей сестре. Она очень красивая. Ее адрес...

– У тебя есть сестра? – перебил я его. – Ты о ней нечего не говорил.

– Да, есть, от второй жены отца. Очень красивая! – Михай произнес слово «очень», слишком растягивая. То ли он хотел зацепить меня, то ли действительно так восхищался своей сестрой, я не понял.

Для несчастных большое утешение знать, что они не будут забыты после смерти. Я знал об этом, однако только теперь, в момент, когда я сам был в смертельной схватке с океаном, я понял, что человеку, находящемуся в одном шаге от смерти, кажется счастьем умереть без мучений.

– Ладно, говори адрес, – боясь, как бы не лишить последней слабой надежды Михая, я быстро добавил, – я просто так говорю; ты сказал, я спросил, все равно я выведу тебя на берег, сам напишешь письмо.

– Адрес простой: Мария, тире, 1975...

– Мария? Хорошее имя… Тире снизу или посередине?

– Снизу.

– Хорошо, Мария, снизу тире, 1975. Потом? Яху или хотмейл?

– Нет ..., интекс, точка, эй, эм.

Непроизвольно я повторил электронный адрес сестры Михая про себя. И вправду простой адрес.

– Ладно, нам пора, – сказал я, – шевели ногами, нам еще долго плыть.

Михай изо всех сил задвигал ногами и заулыбался как человек, который составил завещание и облегчил свою душу. Чтобы еще больше взбодрить его, я часто оборачивался к нему и тоже улыбался.

Неожиданно что-то застучало в голове. Остановившись, я рывком схватил Михая за горло, стал трясти его и яростно заорал:

– Как это точка, эй, эм, Михай?!! – я даже сам удивился, сколько же силы было во мне. – Как это точка, эй, эм?! – вопил я. – Ты армянин?!

Все мое тело тряслось от ненависти. Я слышал лязг моих зубов.

Михай молчал. Он даже не попытался вырваться из моих рук. Вцепившись в круг, он закрыл глаза. Это взбесило меня еще больше. Вырвав круг из его рук, я оставил его на милость океана. Михай бил по воде руками, пытаясь ухватиться за круг, который я отводил от него.

– Дочку... Жасмин... – отплевывая воду, забивающую ему рот, Михай делал глубокий вдох и, выдыхая, отрывисто умолял: – Жасмин ... пожалей..., Туран!

«Как славно быть одиноким в этом мире! – надменно думал я. – Тебе не приходится оправдываться и унижаться, прячась в тени своего ребенка». Я толкнул круг к нему. Он, изо всех сил схватившись за него, глубоко вздохнул. На его лице была жалкая смесь страха и благодарности.

– ...Значит, ты армянин, – сказал я с глубоким разочарованием.

– Да, я армянин, Туран, – ответил Михай по-русски, – ты – тюрк с момента крушения судна, а я только что стал армянином.

«Даже твое дыхание – ложь!» – хотел выплюнуть я, но, опомнившись, что мы оба в одинаковом положении, замолчал.

– И как твое настоящее имя? Армен или Хорен? – стиснув зубы, спросил я по-русски… Его кудрявые волосы теперь были мне противны, как волос, попавший в еду.

– Тигран, – ответил он просто.

***

Мы долго молчали. Чтобы отвлечь свои мысли от Тиграна, при каждом взмахе руки я стал громко считать по-тюркски. А он, держась за круг двумя руками, иногда, как рыба на последнем вздохе, еле шевелил ногами. Когда я уставал, переплывал на другую сторону круга и, оттолкнув руки Тиграна в сторону, менял заледеневшую руку, снова продолжая плыть. Я злился, сильно ударяя рукой о воду. В эти моменты Тигран робко и быстро смотрел на меня, затем снова отводил глаза.

Солнце клонилось к западу. Безнадежно, словно мать с ребенком на руках и без гроша в кармане, заблудившаяся в чужом городе, плыл я назад, к Тарифе. Падающие сзади лучи солнца подчеркивали безнадежность моего положения. «Тарифа, почему ты на востоке?!» – крикнул я. Сделал это, чтобы избавиться от бушевавшей внутри меня ненависти. Вдруг я подумал, что назад можно было плыть по-другому: немного на север, потом немного на восток. Видеть солнце слева хоть на короткое время было для меня жизненно необходимо. Даже если не догребем до Тарифы, то обязательно выйдем на сушу. Иногда я забывал, что рядом армянин.

Вдруг я почувствовал, что скорость движения возросла. «Странно! Может, мы попали в течение?» – пронеслась шальная мысль. Внутри возник страх. Нет, я ошибался. Это Тигран двигал ногами! Я понимал, что он делает это, стиснув зубы. Тем более, его поступок значительно охладил мой пыл. Мы остановились. «Видишь, – сказал я, – учишься плавать!» Он улыбнулся. Теперь его вьющиеся волосы уже не казались мне такими отвратительными. «Ну, двигай ногами! – я шлепнул его по спине.

– Вместе мы гораздо быстрее доберемся до берега».

Наше знание русского облегчило дело, но теперь нам было не о чем говорить.

– Сколько осталось до берега? – спросил Тигран.

– Не знаю, – бросил я сквозь зубы.

А на самом деле, сколько осталось до берега? Я попытался прогнать этот вопрос. Откуда я могу знать? Понимание времени и пространства изменилось. Может, берега вообще нет?! Нет, не может быть! Берег есть! Даже если мы не можем добраться до него, берег есть!

– Может, ты отдохнешь немного, а я поплыву? – Тигран говорил, сам вряд ли веря своим словам.

Кивнув, я двумя руками вцепился в круг. Мы плыли очень медленно, но все же продвигались! Приступ кашля вынудил Тиграна остановиться. Обернувшись, я смотрел на солнце. «Зачем ты такое бессильное?! Где твое тепло! Уличный фонарь и то греет теплее!» – злился я на солнце.

Вдруг солнце затмилось. Наверное, в глазах потемнело от прямых солнечных лучей. Я быстро прикрыл глаза. Когда услышал звук, открыл их. Солнце было на месте.

– Вертолет! – закричал я. – Господи, мы спасены!

– Вертолет! – кричал Тигран. – Господи! Господи! Это чудо!

Мелкие волны, создаваемые лопастями вертолета, будили во мне кипящую кровь надежды.

Спасатели долго не понимали, что у нас не было даже сил ухватиться за веревочную лестницу, и потому громко ругались. Потом один из них, спустившись вниз, привязал меня к поясу и поднял в кабину. Затем таким же образом подняли Тиграна.

Нам налили спиртного; то ли виски, то ли бренди, и дали сухую одежду. С большим трудом я приставил стакан к трясущемуся подбородку и поднес к губам. После второго стакана внутри меня немного потеплело. Кабина была очень узкой. Во время переодевания мне пришлось держаться за плечо Тиграна, чтобы не упасть. Выданная нам одежда напоминала белую курту-пижаму[1], что-то подобное носили индийцы. То, что она похожа на саван, ничуть не беспокоило меня.

– А нижнее белье сменить? – прошептал мне на ухо Тигран.

– Да, смени. Если хочешь очистить свою душу, освободись от исподнего, – сказал я с иронией.

После двух стаканов алкоголя Тигран не смог уловить моего сарказма. Сев на корточки, он повернулся спиной ко мне и переодел нижнее белье.

Один из спасателей, взяв нашу мокрую одежду и разрезав ножницами, впихнул в целлофановый пакет.

Перелетев над Тарифой, мы приземлились на востоке, в городе Гибралтар. Нас привели к зданию, на заграждении которого было написано: «Королевская полиция Гибралтара». Нас сфотографировали в одной комнате, затем отвели в другую, где взяли кровь из вены. Затем, засунув в рот палочку, похожую на палочку от мороженого, поковыряли в нёбе. После этого, приведя в следующую комнату, посадили рядом.

– Как ваше имя? – глядя в тетрадь, спросил полицейский, на погонах которого были три шеврона и непонятные надписи.

Потупившись, мы посмотрели друг на друга.

– Самет Тачи, – ответил я.

[1] Ку́рта – традиционная одежда в Пакистане, Афганистане, Таджикистане, Бангладеш, Индии, Непале и Шри-Ланке. Это свободная рубашка, доходящая до района колен владельца, которую носят как мужчины, так и женщины. Традиционно носится с kurta-paijama (лёгкими свободными штанами, затягивающимися на шнурке вокруг талии), шароварами, дхоти и с churidars; в настоящее время может надеваться с джинсами. Курта может быть как частью повседневной одежды, так и частью делового костюма.

Тигран сказал, что его зовут Михай Поллак.

Полицейский, посмотрев сначала на меня, а затем на Тиграна, спросил:

– Вы родственники?

– Нет! – ответили мы хором и, как прокаженные, схватив наши табуретки, отшатнулись друг от друга.

– Хорошо, – сказал полицейский и, уставившись в тетрадь, продолжил, – рассказывайте, откуда идете, куда путь держите?

– Мы ехали в Канаду, сэр, – одним духом выпалил я, – наши документы были в полном порядке, просто наше судно затонуло. Все, что мы имели, потеряли в океане.

– Так и есть, так и есть, сэр, – Тигран подтверждал мои слова,– мы потерпели крушение, произошел несчастный случай... Нам было очень холодно, сэр.

Мы легко ответили на вопросы полицейского об образовании, национальности, семейном положении и цели нашей поездки в Канаду. Он сделал заметки на листе, потом, приклеив на лист фотографии, которые принес другой полицейский, по телефону пригласил кого-то.

В сопровождении молодой женщины в форме и с пистолетом нас вывели в коридор и попросили подождать. Вскоре к нам подошел здоровенный полицейский:

– По приказу суперинтенданта[1] вы должны пройти через детектор лжи.

– Зачем?! – встревоженно спросил Тигран, – вы не верите нам, сэр?

– Мы никому не верим, – полицейский, глядя на лист в руках, на шаг приблизился к Тиграну, – мистер… Самет Тачи!

– Я не Самет Тачи, сэр, я Михай Поллак.

– Это твоя фотография?! – полицейский гневно поднес лист к лицу Тиграна.

– Да, сэр, моя.

– Значит, ты – Самет Тачи! – он с ненавистью посмотрел на Тиграна, затем на меня, – а это – Михай Поллак! Так написано в документах! Если у вас есть другой документ, покажите его, сверим.

Они ошиблись, приклеивая фотографии к листам. Мы сразу поняли это и замолчали.

Как только я сел перед детектором лжи, трижды повторил, внушая себе: «Я – Самет Тачи!» Офицер полиции, на погонах которого была королевская корона, задавал мне вопросы-ловушки. Я волновался.

Я не смотрел офицеру в глаза, сосредоточив взгляд на отражении монитора в оконном стекле. Частые скачки амплитуды диаграммы детектора раздражали меня, биение моего сердца увеличивалось, выдавая меня еще больше...

Наконец, я сдался.

Я вышел в коридор. Тигран уже был там. Я чувствовал себя ужасно униженным. Как же он будет смеяться надо мной!

Теперь мы были в разных статусах: нелегал Туран Меликли и законопослушный Михай Поллак.

– Констебль[2], проведите мистера Турана Меликли и мистера Тиграна Сафаряна вниз! – скомандовал одной из охранниц офицер с короной на погонах, допрашивавший меня на детекторе лжи.

«Тигран Сафарян! – меня пробрало до мурашек. – И тебя хорошо обработали», – мстительно улыбнулся я.

Нас отвели в подвальное помещение, напоминавшее клетку, разделенную пополам стальной сеткой в человеческий рост. В каждой камере было по две кровати. Нас развели по одному и заперли.

[1] Суперинтендант – звание старшего офицера в британской полицейской системе.

[2] Констебль (constable) – начальное звание в британской полицейской системе

Я подошел к одной из кроватей, но лечь боялся. Мне казалось, стоит лечь, и опять начнется: снова нужно плыть. Я долго расхаживал по своей тюрьме. Тигран, наоборот, сразу же улегся лицом к стене. «Эх, если бы он был Михаем, … поговорили бы, скоротали бы время», – подумал я.

– Туран, ты взял мой нож? – раздался шепот Тиграна.

– Они забрали его. А что, не можешь без ножа?

– Хорошо, что забрали, – сказал он расстроенным голосом.

Я сильно проголодался. «Если б здесь был сыр с луком, завернутый в горячий лаваш…» Я проглотил слюну. Сев на кровать, обхватил голову руками. И погрузился в отчаяние.

– Как ты думаешь, они дадут нам поесть, Туранджан? – спросил Тигран.

– Не знаю! – рассердился я. – И вообще, послушай, не называй меня Туранджан!

Он немного помолчал. Затем сказал:

– У нас, когда берут кровь, хотя бы дают сладкий чай.

Я не отвечал. Тигран встал с кровати и подошел к железной перегородке:

– Если бы не ты, я был бы мертв сейчас. Спасибо.

– Бывает, – сказал я и лег на кровать. У меня не было ни малейшего желания разговаривать с ним. Но от безысходности я был вынужден общаться с Тиграном, чтобы попытаться как-то найти выход из неопределенности, в которой мы оба очутились. – Эй, Тигран, послушай, ты из какой части Армении?

– Аракел, – ответил Тигран, не открывая глаз.

– Я не спрашиваю имя твоего отца, я спрашиваю, откуда ты? Из Еревана?

– Нет, – он снова повторил сказанное, – я из Аракела.

Я, подумав, что он от пережитого потерял память, покачал головой. Тигран, заметив мое молчание, добавил:

– Аракел – это название деревни, название нашей деревни, где я родился.

– Название деревни? Да? А где эта деревня? – спросил я.

– В Гадрутском районе.

Я подпрыгнул, как ужаленный.

– Гадрут?! Ты издеваешься надо мной, придурок! ... Не шути так!

Он молчал.

Я сел.

– Ты говоришь, что из Аракела?! В Гадруте нет деревни с названием Аракел!

– Есть, по соседству с Джебраилом, совсем рядом с Джебраилом.

– Что?! Джебраил? Не может быть! – меня охватил идиотский смех. – Я из Джебраила! – я ринулся к железной перегородке камеры.

– Вот видишь… – Тигран отодвинулся и прижался к стене, но я не понял, что он хотел этим сказать.

– Чего я вижу? – я стал трясти перегородку.

– Ты из Джебраила, а я из Аракела. Их уже нет...

– Нет, есть! Сукин сын! Джебраил есть! Не знаю, стоит ли еще твой проклятый Аракел, но мой Джебраил есть, он существует! Здесь! – я задрал курту-пижаму, ударяя себя в грудь, где сердце.

Тигран молчал, прижавшись к стене. Если бы он хоть что-нибудь ответил, я бы разорвал его. «Будь проклят, дьявол!» – мысленно выругался я и лег на кровать, накрыв голову подушкой.

«Интересно, где сейчас Ислам-киши? Жив ли он? Если жив, то, наверное, опять зовет с холма своего сына Самеда», – я хотел было прогнать эти мысли и заснуть. Но не мог. Долго ворочался. Живот мой беспрестанно урчал. Я снова сел на кровати.

– Что ты называешь Аракелом? – я спросил Тиграна, который по-прежнему стоял, прижавшись к стене. – Может, ты говоришь про Аракюль?

– Да. Вы называете нашу деревню Аракюль, мы – Аракел.

– Не болтай, – повысил я голос, – ее настоящее название – Аракюль.

– Нет, Аракел! – Тигран топнул ногой, как упрямый ребенок. – Все равно теперь наша родина превратилась в пустыню. Вы разрушили наши дома, мы – ваши.

– Ваши подлецы начали это дерьмо, – заорал я, – а мы только ответили! Первыми ваши начали убивать нас. Что мы могли поделать?!

– Я никого не убивал!

– Может, я кого-то убил?!

– А кто убил моих братьев?

– А кто убил моих? Знаешь, как ваши убили моего двоюродного брата?! Знаешь, какой он был умный?! – горечь сдавила мне горло, слезы навернулись на глаза, – знаешь, какой он был красивый?! У него были золотые руки! Ваши содрали кожу с его головы уже после того, как убили! – я ударил кулаком о стену. – Вот, вот этими руками я перевязывал ему голову.

Тигран опустил голову. Его плечи тряслись от плача.

– Мой брат был убит выстрелом вашего снайпера, пуля попала ему прямо в горло, – заговорил он, задыхаясь, – мы его только что женили... У него не было половины лица, … мы едва распознали его труп... – отвернувшись к стене, Тигран зарыдал. Слезы вызвали сильнейший приступ кашля. Он совсем выбился из сил. Кое-как дополз до кровати и лег, закутавшись с головой в одеяло.

Я вытер слезы и закрыл глаза, уткнувшись головой в подушку.

***

В комнате не было окон, потому мы не могли определить время. Проснувшись, оба сидели на кроватях и с нетерпением смотрели на дверь. Ждали еды. От голода я весь трясся.

– Тигран, как бы ты хотел умереть? – я хотел выместить зло на Тигране.

Он тут же ответил, как будто давно ждал этого вопроса:

– Во сне. Под лохом, во сне. А ты?

Я много думал о том, как бы мне хотелось умереть. Выбирая из лучших вариантов, остановился на одном: я предпочел бы умереть в стволе самой большой пушки мира. Но теперь мне не хотелось говорить об этом Тиграну, и я ответил коротко:

– В дождливый весенний день под джиддой.

Дверь заскрипела. Мы оба вскочили с места. Охранница бросила сэндвичи и бутылки колы через железную решетку на наши кровати, как бросают кость собаке на привязи. Мы жадно схватили сэндвичи и мгновенно поглотили их.

– Подойди ближе! – позвала она меня.

Я подошел. Она вытащила из кармана фонарик и, направив на меня свет, посмотрела сначала на меня, а потом на фотографию у себя в руках.

– Почему вы сбрили бороду? – она спросила.

– Что? Бороду?! У меня сроду не было бороды, мадам, – сказал я.

– Да, конечно же, я уверена, что вы не родились с бородой! – насмешливо сказала женщина.

Затем она осветила фонарем лицо Тиграна. Задала ему тот же вопрос.

– Я носил бороду только в дни траура по брату,– повел плечами Тигран.

– Да?! – женщина немного оживилась. – Значит, у вас была борода?!

– Да, одну-две недели. В траурные дни. У нас такой обычай, мадам.

– Гм-м, ясно, знаю, у всех мусульман такой обычай, – она говорила, как подросток-всезнайка. Тигран заерзал на месте, но промолчал.

Женщина-полицейский вышла.

– Зачем она нас допрашивала? – спросил Тигран.

Я молча повел плечами.

– Может, она перепутала нас с какими-то рыбаками?

Наступила тишина. Я открыл бутылку о ребро решетки. Тигран, посмотрев на меня, сделал то же самое. Прислонившись к стене, я смаковал колу. Настроение улучшалось. Вспомнил, как вместе с одноклассниками ездили в Сирик к Медвежьему роднику. Приготовили вкуснейший тике-кябаб. Было много кизиловой водки. Водка особенно хорошо шла под соленые зеленые помидоры с перцем.

– Тигран, в Аракюле была одна женщина, Ануш ее звали, не знаешь, она жива? На джебраильском базаре самые вкусные соленые помидоры были у нее.

– Да, жива, – ответил Тигран, – живет хорошо. После того, как ее сыну Карену дали орден «Национальный герой», они переехали в Ереван.

– Что ты сказал?! Карен – национальный герой? – я вскочил с места. – Этот мерзавец – национальный герой?! ...Да ты знаешь, сколько детей он убил?!

Меня трясло от ненависти. Все ругательства, какие только знал, посыпались на голову Карена... Утомившись, сел. Вспомнил, что каждый раз, когда в Джебраиле распространялась весть о новом убитом, женщины, надрывно крича и вырывая волосы, бежали по улице…

От удара в висок у меня потемнело в глазах.

– Твою мать, шакал! – я застонал, схватившись за голову. Прислонился к стене.

Кровь, стекая по плечу вниз по одежде, капала на кровать.

– Это тебе за то, что ты посмел обругать моего двоюродного брата, сволочь! – услышал я гневный крик Тиграна.

Мою голову сковала тупая боль. По телу расползалось сладковатое тепло. Как сквозь вату до меня доходили ругательства Тиграна. С потерей крови мне становилось все хуже. Надо было кричать и звать на помощь – я понимал это, но боялся, что от напряжения кровотечение усилится. Присев на корточки, вслепую нашел уроненную бутылку колы и сунул под подушку. Стянув простыню и скомкав ее, зажал рану. Не помню, сколько времени прошло. Когда остановилась кровь и немного утихла боль, я просунул руку под подушку… Тигран, держась за голову, бегал по камере, пытаясь уйти от удара.

Одновременно с ударом бутылки по его голове открылась дверь. Крик Тиграна смешался с воплем женщины-охранника. Прибежали еще два охранника.

– Эта сволочь ударила меня! – простонал Тигран, держась за голову.

Один из охранников, быстро открыв замок, зашел в мою клетку и надел на меня наручники. Я не сопротивлялся.

– Что с вами случилось? – увидев засохшую кровь на лице, спросил полицейский.

– Он сам себя ударил! – писклявым голосом закричал Тигран, тыча в меня пальцем.

– Лжет! Он первым ударил меня, – сказал я беспомощно. – Ни с того, ни с сего двинул меня бутылкой колы по голове.

– Он поносил нашего национального героя, сэр, он очень непристойно ругался! – сказал Тигран тем же писклявым голосом.

Позвали медсестру. Перевязав раны, отвели нас наверх, к суперинтенданту с короной на погонах. Мы стали рядом. Наши лица были залиты кровью. На наших куртах бурели пятна высохшей крови. Суперинтендант долго разглядывал нас...

– Сколько надо убить, чтоб у вас дали национального героя? – спросил он.

Я победно посмотрел на Тиграна, ведь вопрос был адресован ему, а не мне. Тигран опустил голову. Я тоже опустил глаза, чтобы мне не задали тот же вопрос. Я подготовил ответ: «Война! Война! Проклятая война!»

Начальник полиции с короной на погонах, указав на нас, обратился к одному из констеблей:

– Как обстоят дела с ними?

– Мы проводим расследование, сэр,– ответил констебль, – мы отправили информацию в Интерпол и завтра получим ответ. Я не сомневаюсь, что ответ будет положительным.

– А как насчет других?

– Мы доставили их на станцию, сэр, мы сделали так, как вы приказали.

– На всякий случай, – сказал начальник, – отправьте их мазки в лабораторию, пусть пропустят через секвенсор.

– Будет сделано, сэр!

Слово «Интерпол» окончательно испортило мне настроение. «Да, я человек, который ненавидит законы и который хочет избавиться от нужды, но я не преступник. Нет! Я не совершал никакого преступления», – убеждал я себя.

Украдкой поглядывал на Тиграна: хотелось узнать, о чем он думает. Его лицо было безразличным. Я вспомнил такое же выражение лица у взятого нами в плен армянского солдата, к виску которого мой товарищ из Ходжалы приставил дуло автомата.

Нас развели по разным камерам..

Я был рад, что больше никогда не увижу Тиграна.

На следующее утро, когда уходил принесший мне на завтрак пластиковые коробки с едой полицейский, я схватил его за руку:

– Сэр, пожалуйста, объясните мне, что означает «пропустить мазок через секвенсор»?

Полицейский, оттолкнув меня, задвинул наружный затвор двери.

Каждый день они надевали на меня наручники и выводили на час на прогулку, во время которой констебль следил за каждым моим движением. Меня бесило не наличие наручников, а то, что он не сводил с меня глаз, улыбаясь деланной улыбкой каждый раз, когда наши глаза встречались.

Два дня я не видел Тиграна. Я понимал, что нас держат раздельно во избежание инцидентов.

Однажды ночью мне приснился Тигран, сидящий в кафе Гибралтара, смакующий пиво и с ухмылкой смотрящий на меня.

«Ясен пень! – резко проснувшись, подскочил я на кровати, – да, конечно, он же христианин, а я мусульманин. Известное дело, эти хитрые склочники англичане втихомолку выпустили своего христианина!»

Рана все больше беспокоила меня. От злости и боли я не мог заснуть и до утра расхаживал по комнате, ругая христиан последними словами. И чувствовал некоторое облегчение. Теперь мне было все равно, есть на свете человек по имени Тигран или нет...

***

В одно утро открылась дверь. Она не заскрипела, как всегда; открылась тихо, без звука. Выражение на лице констебля также было другое – мягкое, внимательное. Возможно, мне это казалось, я не знаю. Возможно, из-за того, что я долгое время находился в четырех стенах, научился разглядывать глубокое, нежное в грубых голосах, в суровых чертах. Рана на моей голове затянулась коркой. Только немного чесалась, но уже почти не беспокоила меня.

Констебль поманил меня рукой. На этот раз не надел наручники. И шел он не позади меня, а рядом. Я повернул голову и улыбнулся ему. Он тоже улыбнулся.

Мы остановились у знакомой двери суперинтенданта. Констебль проводил меня внутрь, а сам остался в коридоре.

Суперинтендант с короной на погонах копался в папке. Я поздоровался. Он не ответил. Теребя рукава куртки, я простоял на ногах довольно много времени. Чем дольше суперинтендант не поднимал головы, тем больше я нервничал. Злость поднималась изнутри и скапливалась в горле. Не выдержав, я взорвался:

– Сэр, я прекрасно понимаю все ваши игры!

Суперинтендант оторвал глаза от папки:

– Правда?! – и он опять уставился на листы бумаги. – Очень интересно.

– Вы христианский фундаменталист! – я не повысил голос, но чтобы сказанное мною прозвучало строже, стиснул зубы и представил себя облаченным в *toga candida*[1] римским сенатором, раскрывающим секреты двора. – Знаю я вас! – возвестил я, – вы держите меня здесь, потому что я мусульманин! А своего христианина давно выпустили! – иронично намекая движением кисти, что Тигран был выпущен через черную дверь.

Поскольку голова суперинтенданта была опущена, я не мог увидеть выражения его лица, услышал только странный свист. Это еще больше разозлило меня. Только я собрался напомнить им, каким коварством они отняли у испанцев Гибралтарский залив, как открылась дверь. Констебль ввел Тиграна с перевязанной головой и с порванным подолом куртки. Выглядел он ужасно: множество ран, голени в кровоподтеках, на ступнях виднелись продолговатые синие пятна, которые начали чернеть.

Я долго смотрел на Тиграна, потом – на суперинтенданта. Тот не мог видеть моего взгляда, но по его тихому свисту, подобному писку чайки, я понял, что он чувствует его.

Шагнув вперед, Тигран замер. Я отступил на шаг.

– Оба стойте здесь! – ткнул пальцем полицейский.

Мы, нехотя, не глядя друг на друга, медленно подошли к столу.

– Вы, – суперинтендант указал на Тиграна, – оказали сопротивление Гибралтарскому Королевскому полицейскому. – Можете объяснить причину?

Тигран, опустив голову, произнес после долгого молчания.

– Я устал, сэр, очень устал ... простите, – сказал он.

Суперинтендант опять издал что-то подобное писку чайки. Он вызвал еще одного полицейского. Тот, расположившись справа от суперинтенданта, держа раскрытую папку, зачитал: «Из Международной Организации Криминальной Полиции. Лион, Франция. Пятница, 9 мая 1997. Гибралтарскому Королевскому Полицейскому Управлению. Уважаемые коллеги, мы хотели бы сообщить вам, что отправленные нам результаты анализа ДНК, проведенного методом «дот блоттинг»...

На этом месте полицейский, хихикнув, обратился к суперинтенданту:

– Сэр, может, не стоит это читать?

Тот взял бумагу у полицейского, прочел, посмотрел на него, подвигал желваками и произнес:

– Гмм, нет, не читайте.

Полицейский продолжил: принадлежащих двоим… хм-хм-хм, именуемым господин Туран Меликли и господин Тигран Сафарян ... не совпали ни с одним из ДНК профилей террористов, находящихся в нашей базе данных. Всегда ваш…подпись, печать».

«Не совпали... Как могло быть иначе?! Террористическими могли быть признаны только мои сны! Вряд ли этот с короной на погонах мог это провидеть».

Искоса посмотрел на Тиграна. Он молча стоял, как истукан.

– Вы нанесли ущерб британским налогоплательщикам в размере шести тысяч фунтов, – выпалил суперинтендант, не глядя на нас. – Кто будет оплачивать?

Мы опустили головы.

---

[1] *Toga candida* – отбеленная мелом тога, которую носили политические кандидаты в Древнем Риме.

– Нам тоже нанесен ущерб, сэр, – сказал я, – мы заработаем и вернем вам деньги. Клянусь, сэр! – я взглянул на Тиграна. Он согласно кивал.

– Мы заплатим сторицей, сэр, – затараторил вдруг он. – Мы отработаем… Мы многое умеем... Можем спасать людей...

– Вы будете депортированы в вашу страну и, к тому же, немедленно! – суперинтендант прервал его, – а теперь – идите! – он тыльной стороной руки замахал нам на дверь, как будто отгонял кур, и засвистел.

Первым Тигран, я за ним поплелись к выходу.

– Одну минуту! – вдруг окликнул нас суперинтендант. – Вот послушайте, – сунул он нам бумагу, – здесь есть кое-что для вас интересное. Вдруг вам пригодится. Все равно я никогда больше не увижу ваши глупые физиономии, – хотя он произнес последние слова еле слышно, во мне они прозвучали набатом.

Суперинтендант, призадумавшись, спросил:

– Вы говорили, кто вы по национальности?

– Тюрк!

– Армянин!

– Послушайте, этот документ говорит совсем другое, – он бросил в нас бумагу с печатью. Она спланировала прямо к нашим ногам. Эта информация основана на исследовании вашего полного генома, господа кавказцы. Вы…, по документам, – пристально глядя мне в глаза, наконец, произнес суперинтендант, – …вы... египтянин.

Я пытался возразить, но мое бормотание было прервано его свистом.

– А вы, – он указал на Тиграна, – потомок древних гуннов.

Попытка Тиграна возмутиться также была заглушена свистом чайки.

– Подготовьте господина Рамзеса и господина Атиллу к депортации! – суперинтендант хлопнул рукой о стол и встал.

***

Прежде, чем доставить в гавань, нас отвели в комнату, наполненную поношенной одеждой. С удовольствием содрав с себя «саваны», мы выбрали по паре рубашек и переоделись.

Нас подняли на борт судна и разместили в разных каютах прямо в наручниках, поставив надзирателя у дверей. Наше будущее было очевидно: они везли нас туда, откуда мы бежали ...

Мне оставалось только наблюдать монотонные удары о борт равнодушных пенистых волн.

По соседству кто-то, раздражающе фальшивя, громко пел «Аве Марию».

Приштина – Тирана, 2004 – 2006

РАМИЗ МОВСУМ

ВЗГЛЯДЫ ЧЕРЕЗ КРОВАВУЮ ПРИЗМУ, ИЛИ ВТОРАЯ ЖИЗНЬ ГАБИЛЯ АЛИЕВА

Перевод Саадет АББАСОВОЙ

9 мая 1975 года. На календаре отмечено красными буквами: 30 лет со дня Победы над фашистской Германией!.. В праздничный день многие государственные учреждения не работали, но медицинская бригада в составе докторов хирургического отделения скорой помощи Бакинской городской больницы №2 имени Степана Шаумяна трудилась в полную силу.

В то время по приказу руководителя Главного управления здравоохранения города Баку М.Асадова, одна из пяти клинических больниц должна была нести дежурство по приему больных, которые нуждались в хирургической помощи. Одна из клиник работала в полную силу, остальные четыре «отдыхали». Для Баку обслуживание пациентов одной лишь больницей было делом нелегким. Хирурги в операционных палатах вели борьбу за жизнь пациентов, находящихся между жизнью и смертью. Не щадя своего здоровья, они возвращали очень многих тяжелобольных с того света, даря им жизнь. Работа была тяжелая, к концу смены они полностью выматывались, что порою сказывалось на качестве работы, и количество не сочеталось с качеством. С какой головой и кто предложил такой график работы, было неизвестно. Ну, что же…

В этот день дежурной по городу была Бакинская городская клиническая больница №2 им.С.Шаумяна. Приемная хирургического отделения была переполнена стонущими больными. Носилки стояли в ряд. Вдруг внимание медсестры Авакян Раисы, занимавшейся регистрацией пациентов, привлек окровавленный пациент, лежавший на каталке.

– Вера, шутара, ары стех, бырни!.. – позвала она Миримян Веру, уборщицу больницы. (Что в переводе с армянского означает: «Вера, быстро иди сюда, возьми!»). Кстати, хочу заметить, что из-за того, что больница носила имя Степана Шаумяна, здесь работали в большинстве своем армяне, которые с гордостью говорили: «Мы работаем в больнице Шаумяна!.. Эта наша больница!..»

Вера бросилась исполнять приказ Раисы Аракеловны. Женщины взяли каталку и покатили ее к концу полуосвещенного коридора. Я был занят другими больными, но не сводил с них глаз. Я было подумал, что они, приняв во внимание тяжелое состояние больного, хотят отвезти его в перевязочную. Но они оставили больного в конце коридора, а затем вернулись обратно. Я был сильно удивлен этому и, закончив свою работу, тут же побежал к больному, чтобы отправить его на перевязку. Он сильно стонал, лицо его было всё в крови. Он смотрел с мольбой на меня, прося о помощи. Это был Габиль Алиев!.. Я только сейчас понял, почему Раиса Аракеловна и Миримянян Вера перенесли носилки Габиля Алиева в темный угол?! Однозначно, они отвлекли внимание врачей преднамеренно, чтобы пострадавший остался без помощи и умер от кровотечения!.. Это и есть настоящая армянская черта характера – армянская подлость!.. Эти неблагодарные ели наш хлеб, пили нашу воду и ненавидели нас.

Когда я хотел было повезти его на перевязку, Раиса Аракеловна преградила мне дорогу:

– Доктор Алиев, соблюдайте очередь!..

Раиса Аракеловна даже если и знала наш язык, но никогда на нем не разговаривала.)

– А где его очередь, в конце темного коридора? – не скрывая гнева, спросил я. – Как вам не стыдно за свой поступок!..

– Доктор, существует порядок, – сразу же ответила она. – Эти больные тоже ждут своей очереди! Она указала рукой на больных с легкими ранениями.

– Раиса Аракеловна, – повысил я голос, – кто вас уполномочил наводить здесь свои порядки?.. Займитесь своей макулатурой. Больной очень тяжелый, потерял много крови. Он пройдет вне очереди!..

Она что-то пробурчала по-армянски, но я не расслышал.

– Раиса Аракеловна, вообще-то вы знаете, кто он такой? – вдруг спросил я.

– Конечно, знаю, подумаешь, большая шишка, кяманча Габиль да! – с иронией ответила она и, зажав свой большой нос двумя пальцами, начала имитировать звуки кяманчи «дыз-дыз-дыз».

– Раиса Аракеловна, – не выдержав, закричал я. – Это ваш Невтон Григорян «дыз-дыз» делает. Габиль Алиев – талант от Бога, он является гордостью нашего народа!

Носилки Габиля Алиева я завез в операционную палату, сказал медсестре, что он потерял много крови и состояние его тяжелое. Узнав и, увидев Габиля Алиева в таком тяжелом состоянии, она расстроилась. …

В области головы Габиля была обнаружена глубокая рана, из которой текла кровь. Под местной анестезией я провел первичную хирургическую обработку, остановил кровь и наложил швы на рану. После комплексных интенсивных мер Габиль Алиев постепенно стал приходить в себя. Когда он открыл глаза, то сразу начал правым указательным пальцем по одному проверять пальцы левой руки. Когда он понял, что все пальцы на месте, обрадовался, как ребенок, на его побледневших губах появилась улыбка.

– Доктор, я очень-очень благодарен вам! Я обещаю, что вот этими самыми пальцами я сыграю на вашей свадьбе.

– Габиль джан, ваше здоровье нам очень дорого!.. – с благодарностью ответил я.

Вдруг Габиль о чем-то вспомнил и начал озираться вокруг.

– Моя супруга тоже должна быть в этом отделении, мы вместе попали в аварию. Я вас очень прошу, узнайте, где она, ее зовут Шаргия!

Я разместил Габиля Алиева в палате и сразу же вернулся обратно. Заглянув в регистрационный журнал, я узнал, что Алиева Шаргия была помещена в травматологическое отделение больницы. Я отправился навестить ее. На ее нижние голени был наложен гипс. Я просмотрел рентгеновский снимок, который висел над ее головой: была сломана большая берцовая кость. Я подошел к ней и тихо сказал:

– Скорейшего выздоровления, ханым! Бог вам в помощь!.. Вы жена Габиля Алиева, не так ли?

Женщина как будто только очнулась.

– Да, – ее грудь вздымалась от волнения, – я очень волнуюсь. Что с Габилем, скажите, где он?

– Шаргия ханым, не бойтесь, – успокоил я ее. – Габиль жив-здоров! Он ранен, ему оказана первая помощь, и сейчас он находится в палате. Иншаллах, вскоре вы встретитесь!..

– Слава Аллаху!.. – закрыв глаза, она облегченно вздохнула.

Шаргия ханым поинтересовалась у меня и о своем здоровье.

– Шаргия ханым, не беспокойтесь! Вы слегка ранены, но не волнуйтесь, все будет в порядке. Можете быть спокойны!.. – сказал я.

Чтобы излишне не травмировать Шаргию ханым, я не стал говорить о серьезности ранения ее и Габиля.

Габиль, услышав, что с его супругой все в порядке, сильно обрадовался.

– Господи, благословляю тебя, пронесло!.. – воздев руки к небу, воскликнул он.

– Габиль джан, что за страшное происшествие произошло с вами? – спросил я его позднее.

– Мой двоюродный брат, Исми, очень долгое время мучается из-за бронхиальной астмы. Сегодня ему стало плохо, и мы с Шаргией решили навестить его. Мы торопились, хотели быстро доехать... Вблизи Шаумяновской больницы моя машина врезалась в трамвай. Все вокруг внезапно закружилось, в глазах потемнело. А затем я ничего не помню… Сейчас для меня все это, как сон…

Я ничего не рассказал Габилю об Авакян Раисе и Миримян Вере, которые покушались на его жизнь. Подумал, что если этот разговор выйдет за пределы стен больницы, то проармянские силы придадут этому событию политическую окраску!.. Скажут еще, что вы клевещете на армян!.. И в конце концов, вмешалась бы Москва!..

В те времена царила совсем другая атмосфера. Снять сразу троих азербайджанских врачей с работы было намного легче, чем одну армянскую медсестру!.. За их спинами всегда стояли заступники. И это уже наша большая трагедия!!

Усвоим ли мы урок из того, что с нами сделали и делают до сих пор, или же снова станем жертвой такой «болезни», как забывчивость?!

Обжоры

Прошло три дня с тех пор, как не стало Мирхадиля.

На поминках напротив двух молодых бородатых парней с серьгами в ушах сидел старик, который, глядя на них, спросил:

– Вы оба близкие родственники покойного?

– Нет!.. – воскликнул один из них.

– Наша молодежь не носит сережки, – сказал им старик.

– Дяденька, сейчас это модно! – тут же бойко ответил один из парней.

– Ребята, это не модно, а вызывающе! – сделав глоток чая, сказал старик.

– Саттар, давненько тебя не было видно, куда ты пропал? – перебив старика, обратился один из парней к другу.

– Кадыр, – ответил Саттар, – я одолжил денег и купил себе породистую собаку. Ее зовут Милана, но мы все называем ее «Мила». Вот хочу взять немного денег, накопленных на лечение моей матери, и купить Миле дорогой ошейник. Я так люблю ее, мою Милочку, и много времени провожу с ней.

– А ты чем занимаешься? – немного помолчав, спросил Саттар у Кадыра.

– Я заболел компьютерными играми. – ответил тот. – День и ночь сижу за компьютером и играю. Игры сводят меня с ума, на нервах всю посуду дома перебил.

…Мулла читал хадисы, аяты из Корана.

Но Саттар и Кадыр были чрезвычайно заняты беседой и обсуждением последних новостей.

Саттар внезапно задумался, затем, вдруг что-то вспомнив, спросил у Кадыра:

– Слушай, я вот о чем сейчас подумал, а летом с кем я оставлю собаку, ведь в это время я должен отвезти свою мать на лечение в Ессентуки.

Кадыр радостно ответил:

– Саттар, с этим я могу тебе помочь! В городе построили большой пансионат для собак, – ответил Кадыр. – Там отличное обслуживание, собак купают различными шампунями и парфюмерным мылом, расчесывают и делают прически по последнему писку моды. В пансионате имеется кухня с различной едой, и собак вкусно кормят три раза в день.

– Ах, ты завел разговор о вкусной еде так, что у меня даже слюнки потекли! – воскликнул Саттар.

– Да уж, братец, – продолжал Кадыр. – У собак там навалом различной одежды, которую они ежедневно меняют. Ты бы еще их постельное белье увидел – все чисто так, аккуратно разглажено! А у нас дома стиральная машинка испортилась, а денег нет, чтобы починить. Я даже завидую этим собакам.

– Короче! За совет спасибо, Кадыр, – перебил его Саттар. – Вопрос с моей собакой решен, а то летом я не смог бы отвезти маму на лечение.

В это время молла объявил, что пора идти на кладбище.

Все спустились во двор, расселись по машинам и отправились на кладбище. На могиле покойного молла прочел молитвы. После все вернулись обратно. Молла пригласил всех на поминки в палатку.

Пожилой мужчина снова сел на свое место.

Молодые люди все еще увлеченно чем-то болтали. Вдруг Саттар, как бы опомнившись, спросил у старика:

– Аксакал, а ты не знаешь, когда все пойдут на кладбище?

Тут старик вышел из себя.

– Эх, ты, дитя, имей уважение! Во-первых, не «ты», а «вы»! Во-вторых, все уже побывали на кладбище. Когда молла объявил об этом, вы что, оглохли? Болтаете о глупостях, не касающихся этого меджлиса. Зачем вы решаете здесь свои проблемы?! Поминки – не место для шуток. Вы тоже должны были вместе со всеми пойти на могилу покойного. Не уважаете живых, хотя бы уважайте мертвых.

Друзья поняли, что виноваты, и, склонив головы, тихо сидели напротив старика. Когда на стол подали плов, лица молодых людей оживились. Съев по две тарелки плова, и запив все довгой, они накинулись на вазу с фруктами. Кадыр, вытирая рот салфеткой, сказал своему другу:

– Приятель, есть еще один меджлис, куда нам нужно сходить!

Молла еще не дочитал молитву, когда двое молодых людей собрались уходить.

– Обжоры! – бросил им вслед старик.

Эти слова старика, гневно брошенные им вслед, настолько задели их, что им показалось, что на них накинулась собака.

РАУФ МАМЕДОВ

ЛИЦОМ В НЕБО

Мертвая земля

Ты помнишь,
как мы были *не-врагами*,
И жили, как единая семья?..
Ну, а теперь простерлась между нами
Усеянная минами земля.

Мы жили, тем горячих не мусоля,
И масла не стремились в них подлить.
Мы ссорились, но, кроме хлеба с солью,
Нам было, право, нечего делить.

Ну, а потом нас бес попутал некий:
Мы начали вражду из-за земли,
Чтоб кровью обагрить поля и реки
И превратить сады ее в угли.

Земля не может быть предметом спора,
Не нужно за нее вести бои –
Она любого примет без разбора
В широкие обьятия свои.

Земля для всех родная изначально,
Никто на ней не может быть чужим.
Земля, она ничья, она нейтральна,
А мы всецело ей принадлежим.

Кто виноват – теперь уже не важно,
Но между нами минные поля...
Такая вот не наша и не ваша
Обугленная, мертвая земля.

Перемирие

Остановись, огонь!..
Притихни, буря!..
Похоже, больше некого просить.
На полпути застынь на время, пуля,
Спешащая кого-то поразить!

Дай дочинить разрушенную кровлю,
За упокой поставить свечи в храм,
Позволь истечь последним ранам кровью,
По детям отрыдаться матерям.

Постой, война, еще успеешь сделать
Кого-то сиротой или вдовой...
Дай сгубленной душе покинуть тело
Под песню птиц,
а не под «Града» вой.

Не делятся на «наших» и на «ваших»
Погибшие –
для них окончен спор.
Остановись!.. И в небо душам павших
Открой гуманитарный коридор...

Не убий

Знакомые, друзья, подруги, семьи –
в забавах коротаем лишний час
и шумно убиваем наше время,
а время тихо убивает нас.
И не идет ни на какие сделки,
былую изживая страсть из тел.
Любовь сильна,
но часовые стрелки
сражают нас верней амурных стрел.
Идут минуты всё неудержимей,
нас разводя, но время ли виной
тому, что, став со временем чужими,
друг друга мы обходим стороной?..
И невдомек, тем временем, самим нам,
что оба, врозь идя своей тропой,
друг друга безразличием взаимным
мы убиваем медленно с тобой...
Что между нами обоюдной карой
лишь пропасть лет, которой не убыть,
и мы уйдем,
так и оставшись парой
друг другом нераспознанных убийц.

Без креста

Объятия раскрыв, стою разверст,
И нет с цепи свисающего свято
На мне креста –
я сам ходячий крест,
Внутри меня душа моя распята.

За что, не знаю, взятой на измор
Душе такая горькая расплата...
Но, что ни день, то новый приговор
В свой адрес слышу я из уст Пилатов.

Крестом тяжелым в гору сам тащусь,
Душе нещадно взваленным на плечи.
Мой торс – не торс, а вертикальный брус,
А руки-ноги вместо поперечин.

Взираю на глумливую толпу,
То шлющую плевок мне, то булыжник,
Меня приговорившую к столбу –
И вижу в ней и недругов, и ближних.

Чтоб осудить, сойдет любой предлог,
Им надо мною нравится расправа.
Внутри меня опять распят пророк,
И, как всегда, помилован Варавва.

Я не ношу наперсного креста,
В ношении креста ли вся заслуга?..
А может, в том, чтобы, не боясь хлыста,
Стремиться и врага спасти, и друга?

Души́ из нас ни вынуть, ни соскресть,
Ни скинуть с плеч, подобно рясе черной,
Не на груди –
в груди ношу свой крест,
В простонародье сердцем нареченный.

Сквозь это сердце то́чится слеза,
Хоть и сухи в тот миг зрачка мои два,
Я не молюсь, крестясь на образа,
Но каждый выдох, каждый вдох –
молитва.

Я крест, что к месту казни сам влачусь,
Не исцелив пороков чудотворно,
Не на кресте –
во мне распят Иисус,
Спасти желавший этот мир повторно.

Объятья распахнув, смотрю окрест,
Обнять готовый ближних и врагов, и
Я не ношу креста –
я сам свой крест,
Влекомый по земле, как по Голгофе.

Пасха

Ангелочков на фреске двойня,
Ты смиренно целуешь крест.
Может быть, прекратятся войны,
Раз и вправду Христос воскрес?

Если вправду пророка кровью
Смыты наши с тобой грехи,
Может, сменятся слезы вдовьи
Смехом пары в сени ольхи?

Может, кончится эта бойня,
Коль Всевышний у нас один?..
Ангелочков на фреске двойня –
Мусульманин и христиани́н.

Вновь парят лепестки повсюду
Розоватые в этот час.
Только трудно поверить в чудо,
В этот нежный вишневый вальс.

Листьев пляска, цветенья сказка,
Но задуют ветра опять.
А ненастная эта Пасха –
Просто повод тебя обнять...

Лицом в небо

Ничего не пророчит
миг,
что дулом застыл у виска.
Всё разорвано в клочья,
как в немых небесах облака.
Помрачнела от взгляда
моего
предзакатная высь.
После всех маскарадов
наконец отрезвляется жизнь.

Клочья облачной ваты,
заходящего солнца лоскут.
Где найти те закаты,
что закрасили б эту тоску?..
Впился в небо глазами:
все, как есть –
протрезвел, прогадал...
Жду чего-то и замер
в страхе,
что не дождусь никогда.

Что затишье, что за́верть,
что веселье, что грусть –
все равно.
Только бесам на зависть
рассмеешься –
как снова темно...

Что там завтра – не знаешь,
но не в силах сказать себе «стоп!»
в страхе, что опоздаешь,
пьешь из жизненной чаши
взахлёб.

В мире нынче так тесно,
что уже никуда не пристать.
Может быть, наконец-то
прозреваем,
чтоб что-то понять?..
Лишь на миг захмелеешь,
а потом оглянёшься окрест,
но нигде не узреешь
на привалах пустующих мест.

В небе дыма лоскутья,
все сошлось в неизменном кругу.
Всё хочу разомкнуть я
этот круг,
но никак не могу.
Это мнимая за́тишь –
чей-то крик на обрыве повис,
Удержаться от плача,
не сорваться в отчаянье
вниз.

От дневного окраса
извелись на столбах фонари
в ожидании часа
своего.
Лишь закат догорит,
снова звезды зажгутся,
чтобы всем нам светить
до зари
и с рассветом задуться,
словно свечи,
погаснув вдали.

КАТРЕНЫ

Дурная мода

Когда в цене дурная мода,
то лучше мастера не дергать,
ведь он, как пчелка –
вместо мёда
производить не может дёготь.

Темнота – сила

Не свет, а темнота на деле – сила,
Она всему на свете голова!
Безмозглость крепко дураков сплотила,
А умные – кто в лес, кто по дрова.

Предок человека

В нас не вымер предок человека –
Не изжить его повадок грубых.
Просто раньше прыгал он на ветках,
А теперь в ночных гламурных клубах.

«Читатель»

Налил себе, намедни, квасика
И сел читать поэму классика,
Но не хватило мне пивасика,
Чтоб дочитать шедевр классика.

На суде

С ущерба морального суммою
Вы явно, истец, перебрали –
Я, к вам присмотревшись, не думаю,
Чтоб в вас было столько морали.

О подкаблучнике

Слывет неумным муж под каблуком,
Но эти толки крайне неверны́.
Живет он, руководствуясь умом –
Заботливым умом своей жены.

ДВУСТИШИЯ

*

Накачан культурист, он столько весит,
Что в это тело мозг уже не влезет.

*

Во мне проснулся зверь!..
Жаль, что ленивец...

*

Вы Нобелевской премии достойны –
Хотя б за ваше умное лицо.

*

Все позади... *«Любовь еще, быть может...»*
Но не со мной, а с кем-нибудь другим.

*

Талант, упорство и свояк на должности
Всегда откроют новые возможности.

*

После литра вдохновения
Грех не спутать ударения.

*

Что, милая, купить тебе в «Армани»
На три рубля, что у меня в кармане?..

ОДНОСТИШИЯ

Глотнул бы яду – жаль я на диете.

Хочу включить мозги, но нет розетки!

Вам счёт подать иль сразу же веревку?

Вам на какой этаж? Могу подбросить.

Он жил два раза в месяц – в дни зарплаты.

Похоже, мне вам нечего морочить...

МЕДИНА ЭЛЬДАРОВА

М И Н И А Т Ю Р Ы

Забыв о лете

Зима в том году выдалась очень холодной для наших южных краев. Дни напролет шел снег и, что удивительно, ложился на землю, не таял. Ночью стояли морозы, к утру узорчато леденели окна застекленных веранд, столь милых для южан, но абсолютно непригодных для суровых зим. Дома отапливались плохо, люди мерзли, обогревая себя и жилища, как могли. Закупалась или доставалась откуда-то теплая одежда, включались обогреватели всех мастей, запечатывались двери во все комнаты, дабы сохранить бесценное тепло. Сразу возникли проблемы с электричеством, газом, отоплением, транспортом, дорогами, здоровьем. Люди с головой ушли в борьбу с морозами, холодами, зимними невзгодами. Ушли настолько, что совсем не вспоминали о лете, забыли о нем, о его тепле, естественном, природном, земном.

Оно само напомнило о себе в один из дней, неожиданно сверкнув холодным еще солнцем, оттаявшими окнами, робкой капелью и слякотью, в которую у нас очень быстро превращается снег. Люди вдруг очнулись, оживились – ведь есть же лето! А мы все о зиме, да о зиме… Есть лето, что скоро нас согреет без усилий с нашей стороны, лето, которое просто щедро даст нам всем тепло…

И обычное лето, естественное, само собой разумеющееся тепло его люди приняли на этот раз как дар, как заслуженную награду после битвы с суровой зимой. Это было прекрасно…

Балкон

Июньским вечером дышалось легко и приятно. Солнце едва закатилось. Прохлада нежила лицо после жаркого дня. По дороге к дому, в соседнем дворе, уютном и старом, балкон в глубине угла предпоследнего этажа бросался в глаза. Дома здесь давно обжитые, стоят в каре, обрамляя двор. Со всех сторон окна, квартиры, балконы. Где-то люстры зажигаются, высвечивая затейливые узоры тюля, где-то сушится белье, кто-то смотрит в окно, сосед по телефону говорит, музыка где-то звучит, телевизор вещает свое, постукивают тарелки на кухнях, готовится ужин, запахи, звуки, – словом, жизнь происходит. Лишь этот балкон в углу заброшен, оставлен, темен, безжизненно тих. К тому же полон серо-черных ворон, неподвижно сидящих, втянув головы в плечи-крыла. Зловещий контраст, зияющая дыра, безмолвный пронзительный крик. От балкона дохнуло холодом, темнотой, другими мирами, другими измерениями. И столько всего было в этой картине с застывшими птицами на неухоженном балконе нежилой квартиры, в этом присутствии и поведении видавших виды птиц. Такая глубина и неизбывная тоска и осознание момента, принятие и утверждение жизни и отсутствия ее, как есть. Слетелись вороны к ночи на заброшенный балкон. Поскорбеть, помолчать, о суетности бытия помудрствовать, народ попугать, урок преподать, напомнить о важном, подпитаться теплом людского жития-бытия, заполнить со смыслом, а не просто так, зияющую молчаливым криком пустоту неблагополучного балкона, да и просто переночевать. Как знать. Эта емкая, уходящая в мыслимые и немыслимые глубины сущего картина на исходе благополучного летнего дня просто потрясала. Захотелось прибавить шаг, поспешить домой, полить цветы на балконе после жаркого дня, оставив в покое ворон и балконы соседнего двора, у нас у всех свои дела.

Перелетная птица

Птица перелётная с весной прилетает, по осени в стаи сбивается и улетает, ни зимы, ни горя не знает. Песню поёт, как солнце взойдёт, днём еду добывает, время придёт, гнездо совьёт, птенцов поднимает, всё время щебечет, поёт и летает, летает, летает. А то, что на два края живёт, ее не смущает. Видимо, знает, что земля у всех одна, и небо везде одно, везде родное и своё. На всё, что ей нужно, птичьих мозгов хватает, и человеческий фактор никак не мешает. Птица всегда при деле, знает, что, когда и как. Она живет с этим миром в унисон, она – его часть, со всеми перелётами, тёплыми странами, природными инстинктами и птичьими мозгами. Ей так назначено, так определено, вот и всё. Птичка Божия не думает, не гадает, но как чуть или если что, у неё есть крылья, и она летает, летает, летает.

Незнакомки

Сегодня утром высоко в небе кружили необычные птицы. Возможно, необычные только для меня. Они не были похожи ни на одну из известных мне птиц. Заостренные вытянутые крылья, хвост, тонкий нос, и во всем силуэте округлость. Летнее утро оказалось неожиданно пасмурным. Светло-серое небо с редкой голубизной и стайка темно-серых незнакомых крылаток. Они были высоко. Горлинки летали низко, от дома к дому, от балкона к балкону, большие голуби-сизари сидели, нахохлившись, на карнизах, воробьев и ворон не было видно вообще, черный дрозд прятался в густой кроне вяза, изредка тихонько пробуя голос. Даже стрижи не носились стремглав, как обычно. Птицы-незнакомки покружили немного и улетели неспешно куда-то на север. Так красиво и странно все было, как будто приоткрылась жизнь какая-то другая, запредельная, жизнь надо всем, что знакомо, известно, обыденно.

Пасмурным утром кружили в небе необычные птицы. Конечно, они с нашей планеты, из леса, с озера за Синими горами или с соседнего континента. Я их не знаю, просто люблю смотреть на птиц в высоком небе и скоро, возможно, узнаю, что это были, к примеру, обычные бакланы с морского прибережья.

Изнанка и лицо

Случается порою так, что рок глумливый или насмешница-судьба сыграют шутку, и ты на людях вдруг в одежде наизнанку, в прямом иль переносном смысле. Изнанка ж, как известно, есть у всех, всего и вся. У жизни каждой есть лицевая и есть изнаночная сторона. Чем дальше они друг от друга, тем тяжелее жить. Чем ближе, тем больше ты в ладу с собой. В идеале они, наверное, сливаются в одну линию, к чему, как к любому идеалу, можно лишь стремиться, но достичь – никогда.

Один из сайтов рукоделия по вязанию в инете называется *Все в мире связано*. Хорошее такое название, простое, понятное, глубокое. Все связано, все не случайно, не скрыть ни узелка, ни неверного стежка. Изнанка всему обратная сторона. Те, кто занимается ручной работой, лучше других знают, чем больше изнанка приближена к лицу, чем аккуратнее, тем идеальнее, прекраснее работа, будь то вышивка, вязание, шитье, или жизнь сама. Порой судьба смеется, забавляется, играет, и вот ты на людях в одежде наизнанку. Не смертельно, не критично, но очень токсично, когда изнанка жизни на виду, когда она груба и неопрятна, и от лица так далека, и мечется меж ними неприкаянно душа. При всем при том изнанка и лицо физически близки донельзя, фактически они – одно, никоим образом не делимое целое.

Доброе утро

Всегда не хватает утра, рассветной тишины, свежести, прохлады. Не хватает, как бы рано ни встала. Не хватает начала дня, его очень мало. Небо светлеет, утро лучится, тают звёзды, просыпаются птицы. Все так юно, свежо и прекрасно, целый день впереди. Предвестие, ожидание, предвкушение – начало доброго счастливого пути. Все так оптимистично поутру и быстротечно. А позже … нам бы день простоять, нам бы ночь продержаться и снова утром наслаждаться.

Неведомый тебе

Малая, очень малая толика света, пространства, капля воды, крупица земли, человеческой массы, толпы, это я, моя вселенная. И меркнет свет, и съёжилось пространство, и высохла капля воды, стала пеплом крупица земли... Спасительная брезжит мысль о том, что у всего есть высший смысл, неведомый тебе. Когда в конце конец. Когда надо его принять и вариантов нет. Ни распутья, ни выбора, просто конец. И уже не работает «Никогда не говори никогда» или «Выбор есть всегда». Можно, как в бездну лететь, «никогда» прокричать, и чуда не ждать. Есть конец, есть никогда, и какая-то беспомощная мысль о том, что во всем, наверное, есть какой-то высший смысл.

Достойные небес

Трудно писать о том, что очень люблю, а о тех, кого люблю, и вовсе не могу. И ответственность высока, и масса чувств, и лексика самого богатого языка не в состоянии выразить всего, что есть в родных и близких, ныне здравствующих и, тем более, ушедших дорогих. Невозможно описать их глубину и свет, всю многогранность ипостасей, даже не вторгаясь в область чувств и значимости лично для тебя. А выбирать моменты или что-то главное – все равно, что ограничить безграничность. К тому же так называемое главное, основное, как и все остальное, относительно и очень субъективно. Думать о дорогих ушедших, вспоминать, переживать пережитое – запредельно тяжело. Писать о них, рассказывать – не хватит жизни, столько всего, слов таких нет, все тщетно и бледно: уходит целый мир, глубокий, бесконечный космос. Разве что извечные слова молитв, слова любви, прощения и благодарности, достойные небес.

Здесь и сейчас

Воспоминания – ты в прошлом, ты в будущем – мечты. Ты в настоящем – каждый шаг и каждый вздох, и каждый взмах ресниц, ты в настоящем – это здесь и сейчас, это жизнь, текущая сквозь тебя из будущего в прошлое, обращая в воспоминания мечты.

МУСТАФА ЧЕМЕНЛИ

ЛИТЕРАТУРНАЯ СУДЬБА ХУРШИДБАНУ НАТАВАН

Впервые я услышал о Хуршидбану Натаван, имеющей неоценимые, несомненные заслуги и занимающей особое место в истории азербайджанской литературы и культуры, от своей прабабушки по материнской линии – Яхшыгоджа (в Карабахе мои сверстники так обращались к своим пожилым бабушкам – со словом «годжа»). В мои детские годы Яхшыгоджа, цветущая пора молодости которой пришлась на XIX век, доживала свои дни в преклонном возрасте уже в XX веке. Каждый раз навещая нас, она неизменно рассказывала мне сказки. В одной из её сказок я застал мою Яхшыгоджа стоявшей вместе со стайкой девчонок из нашего селения в волнительном ожидании появления Хан гызы Натаван, которая проезжала через селение Чеменли, направляясь в сторону Шушинской крепости. В её воспоминаниях Хан гызы Натаван представала восседающей верхом на скакуне, её чепкен[1] с золотыми пуговицами, диадема, золотая пряжка на поясе ярко сверкали под лучами солнца. Воспоминания завершались знаменитым баяты:

Мимо всадник проскакал,
Он, гарцуя, проскакал.
Ярким солнцем засверкал,
Словно месяц с глаз пропал.

(Пер. Эльшады Азизовой)

Много позже я узнал, что та самая Хан гызы, с такой любовью и восхищением описываемая моей престарелой прабабушкой, и была Хуршидбану Натаван. Должен сказать, что для моей Яхшыгоджа, немало повидавшей за свою долгую жизнь, Хан гызы была самой любимой и почитаемой личностью.

Прошли годы, как-то услышанная мной по радио в часы мугама, посвященного Натаван, газель в исполнении устада-ханенде Ягуба Мамедова глубоко запечатлелась в моей памяти.

Конечно же, в годы учёбы в вузе я овладел достаточными знаниями о творчестве этой поэтессы с тонкой душой, о руководимом ею литературном меджлисе «Məclisi-üns» («Собрание друзей»).

Прочитанные мной в произведении «Кавказ» французского писателя Александра Дюма (1802-1870) восторженные строки о Хуршидбану Натаван и её первом супруге Хасай-хане Уцмиеве доставили мне немалое удовольствие.

В 1858-ом году Александр Дюма-отец, будучи в Баку, познакомился в доме у начальника полиции – полицеймейстера г-на Пигулевского с Хасай ханом Уцмиевым, его супругой Хуршидбану, тёщей Бедирджаханбейим и детьми.

[1] «Чепкен» – вид верхней плечевой одежды азербайджанцев на подкладке, с ложными длинными рукавами. Чепкены в основном шили из тирьмы, бархата, а также различных шелковых парчевых тканей. Носят «чепкен» в основном женщины.

Свои первые впечатления о знакомстве автор описывает следующим образом: «Одна из княгинь была жена, а другая дочь Мехтигулу хана, последнего карабахского хана. Матери можно было дать не более сорока лет, а дочери – двадцать. Обе были в национальных одеяниях. Дочь была очаровательна в этом богатом костюме.

Девочка трех или четырех лет, одетая в такое же платье, как и её мать, с удивлением смотрела на нас большими черными глазами. На коленях бабушки сидел мальчик пяти-шести лет, который, на всякий случай и по инстинкту, держался за рукоятку своего кинжала. К моему удивлению, это был настоящий кинжал, обоюдоострый, который мать-француженка никогда бы не оставила в руках своего ребенка, а у матерей-татарок (*имеются в виду азербайджанки.* – **М.Ч.**) он считается первой детской игрушкой (А. Дюма. «Кавказ», стр. 247)».

Александр Дюма пишет далее в своих воспоминаниях: «Час спустя я получил от него (*Хасай хана*. – **М.Ч.**) безупречно написанную по-французски записку следующего содержания: «Мусье, вы владеете слишком хорошим оружием, чтобы позволить себе прибавить что-нибудь к вашей коллекции; но вот один кошелёк и два архалука, которые княгиня просит вас принять. Кошелек вышит ее руками. Князь Хасай Уцмиев». (Там же, стр. 250).

В ответ на этот подарок А.Дюма подарил Хан гызы шахматы из слоновой кости. По словам Бейляра Мамедова – исследователя наследия Хуршидбану Натаван, – внук поэтессы Акперхан Нахчыванлы, рождённый от её дочери Ханбике, впоследствии подарил эти шахматы, преподнесенные Александром Дюма в дар его бабушке, в музей.

Позже судьба меня ещё не раз сталкивала на моём жизненном пути с творчеством, фактами личной жизни Натаван.

В 1983-м году в издательстве «Язычы», где я работал, вышла монография кандидата филологических наук Бейляра Мамедова «Хуршидбану Натаван». Я читал эту монографию, став свидетелем как счастливых, так и безотрадных дней поэтессы. Я сдружился с автором книги Бейляр-муаллимом. Б.Мамедов был не из тех, кто «мозолит» глаза читателей, то и дело навязывая им свои сочинения. Издавался не так часто, но всё, что он писал, вызывало у читателей живой интерес. Каждая его публикация являла собой находку. В один из дней я прочитал в газете «Ədəbiyyat və incəsənət» его интересную статью под заголовком «Xurşidbanu Natəvanın şair qohumları» («Поэты-родственники Хуршидбану Натаван»). В то время я заведовал редакцией классической литературы и фольклора в издательстве «Язычы». Позвонив Бейляр-муаллиму, я поздравил его со статьей, добавив, что «неплохо было бы, если бы вы собрали стихи упоминаемых в статье поэтов и издали их в виде книги». Хотя он и признался в отсутствии такого замысла, но предложение моё принял. Так, в 1989-м году вышла в свет его книга «Natəvanın şair qohumları» («Поэты-родственники Натаван»). Эта книга, подаренная мне Бейляр-муаллимом с автографом-посвящением: «Bu kitabın yaradılmasının təşəbbüskarı əziz Mustafaya xoş təəssüratlarla» («Инициатору создания этой книги, дорогому Мустафе с добрыми пожеланиями»), и сегодня продолжает оставаться для читателей ценным источником.

О составленном в 1886-м году поэтессой Хуршидбану Натаван альбоме из стихов и рисунков «Güldəftəri» («Цветочная тетрадь») мне тоже впервые довелось прочитать из монографии Бейляра Мамедова. Современник Хан гызы – Мир Мохсун Навваб, дав в своей научно-литературной антологии (тезкире) высокую оценку её личности и художественному дарованию, писал: «... обычная по своему душевному расположению и нраву хрупкая женщина с безупречной внешностью. Искусна в женском рукоделии. Чрезвычайно одарена и в совершенстве владеет искусством рисования» (М.М. Навваб.Тезкирейи – Навваб, 1995, стр. 150).

Ещё в советские времена я планировал собрать и издать в одной книге рисунки, выполненные Хуршидбану Натаван, Мир Мохсун Наввабом, Юсиф Везиром Чеменземинли. Однако моим замыслам не суждено было сбыться.

В 2011-м году я отправился в Институт рукописей, где ознакомился с альбомом поэтессы «Güldəftəri». Признаюсь, что при виде рисунков, выполненных Хан гызы более ста лет назад обычным карандашом, я был сильно взволнован.

Обложка альбома с рисунками «Güldəftəri»

К сожалению, рисунки из альбома «Güldəftəri» поэтессы, газели которой неоднократно издавались на азербайджанском и русском языках (1983), до составленного нами в 2012-ом году издания не публиковались в полном объеме. Вот почему мы посчитали целесообразным дать в новом издании, наряду с газелями Натаван, также выполненные ею рисунки. В целях определения степени годности этих рисунков для печати, мы вместе с художником Абдуллой Алекперовым, долгие годы занимавшимся книжной графикой, побывали у доктора филологических наук Паши Алиоглу, являвшегося в то время заместителем директора Института рукописей, и ещё раз внимательно изучили рисунки из альбома «Güldəftəri». Абдулла-муаллим, как специалист, заявил о годности этих рисунков для печати. Я поделился с Пашой муаллимом своими замыслами в связи с предстоящим новым изданием. Он сообщил о хранящихся в архиве Института рукописей мемуарах Мирзы Рагима Фена, внука Натаван – Акпера Нахчыванского, её пасынка Мир Гасана Мир Гашим оглу Агамирова, Зульфугар-бека Гаджибейли, являющихся ценнейшим источником, с точки зрения изучения жизни и творчества поэтессы, деятельности кружка «Məclisi-üns».

Из воспоминаний, опубликованных в разное время в прессе, рассказов людей, происходивших из рода Натаван, видно, что наследие Натаван всё ещё всесторонне и до конца не изучено.

Вошедшее в данную книгу эссе «История одного дарения» известного писателя, переводчика Гусейна Шарифа (1909-1989) является наглядным подтверждением моих слов.

Гусейн Шариф рассказывает о том, как ему, находившемуся в Иране в 1944-м году, одно должностное лицо – Мурадали хан, – подарил рукописи Хан гызы Натаван, о том, как в то время ученый-литературовед Ариф Дадашзаде, с волнением перебирая эти рукописи, сличал их с хранящимися в Рукописном фонде другими документами Натаван, и как, наконец, после резонно заданного Ариф-муаллимом вопроса: «И как теперь быть, Гусейн, где они будут храниться, что ты собираешься делать с ними?» – Гусейн Шариф отвечал: «Ты сам видел надпись Мурадали хана, – он преподнес их мне в дар. Завтра я отправляюсь в Тебриз. Даст Аллах, вернусь, тогда и решим...»

Впервые воспоминания писателя «Bir hədiyyənin tarixçəsi» («История одного дарения»), в том числе три рисунка Натаван и копия фрагмента её рукописи были опубликованы 28 июля 1984-го года в газете «Azərbaycan gəncləri» («Молодежь Азербайджана»).

Так куда же делась уникальная реликвия? Неужели эта бесценная, принадлежащая Хан гызы реликвия могла бесследно пропасть?

Я обращался в Архив литературы и искусства, в Институт рукописей, к отдельным лицам. В ответ звучало одно и то же: «У нас такой рукописи нет».

Наконец, я обратился к работавшему в своё время вместе со мной в издательстве «Язычы» сыну Гусейна Шарифа – Эльдару Шарифову.

Он сообщил, что после кончины отца сдал эти рукописи в Азербайджанский Государственный Музей театра. Я немедля отправился в Музей театра. Рукописи, хранящиеся в отделе личного архива и документов, состоят из 9 газелей и 4 рисунков.

При первом же взгляде на рисунки сразу бросается в глаза их принадлежность руке Натаван. Следует также отметить, что в альбоме Натаван «Güldəftəri» этих цветных рисунков нет. Что же касается стихов, то на сегодняшний день из этих газелей лишь одна до сих пор не была напечатана. (Одна из газелей принадлежит Мирзе Рагиму Фена.) Газель поэтессы с редифом«Getmə» («Не уходи»), посвященная её сыну, также по своему мотиву созвучна с другими её стихами с одинаковым редифом.

Азербайджанским народом и государством высоко ценятся личность, общественная деятельность Хан гызы Натаван, её имя увековечено. Данная книга, составленная и изданная в 2012-м году по распоряжению Президента Азербайджанской Республики господина Ильхама Алиева в связи со 180-летием со дня рождения Хуршидбану Натаван, в 2022-м году была подготовлена нами к печати по случаю 190-летия поэтессы и «Года города Шуша», освобожденного из-под вражеской оккупации, с включением в неё дополнительных новых материалов.

В новое издание вошли материалы, посвященные детям поэтессы – Мехтигулу хану Вефа и Ханбике, а также образцы стихов.

В книгу включены и отрывки из произведений азербайджанских писателей, повествующих о Хан гызы Натаван.

Фатма ханым Кямине, Мирза Гасан Юзбашов, Мирза Мамедгулу, а спустя годы – народные поэты Самед Вургун, Мамед Рагим, Гусейн Ариф и многие другие посвящали стихи и поэмы поэтессе; Азиза Джафарзаде создала книгу «Рассказы о Натаван», Ильяс Эфендиев – пьесу «Хуршидбану Натаван», поэтесса Фарида Алиярбейли – пьесу «Хан гызы», писатель Шовкет Мамедова – пьесу «Натаван», народный артист ВасифАдигезалов – оперу «Натаван».

Видным скульптором Омаром Эльдаровым был воздвигнут памятник поэтессе, целый ряд художников, среди которых особо следует отметить Алтая Гаджиева, Микаила Абдуллаева, Огтая Садыгзаде, Таги Тагиева, Яшара Самедова и др., увековечили художественный образ поэтессы на табло. Народный художник Алтай Гаджиев создал целый цикл произведений живописи и графики, посвященных Хуршидбану Натаван.

Мы с благодарностью чтим память Алтая Гаджиева за предоставленные в своё время нам снимки членов литературных меджлисов «Məclisi-üns» («Собрание друзей») и «Məclisi-fəramuşan» («Общество забытых») – Мирзы Рагима Фена, Исмаил-бека Даруге, Мамо-бека Мамаи, Мехтигулу-хана Вефа, Мирзы Гасана Юзбашова и Гасанали-хана Гарадаги, которые упоминаются в книге. Будет уместным заметить, что секретарь литературного меджлиса «Məclisi-üns» Рагим-бек Фена являлся двоюродным братом деда Алтая Гаджиева по материнской линии – Кербелаи Сахлиялы.

В новое издание книги, посвященной Хан гызы Натаван, были включены стихи, рисунки, воспоминания известных личностей о жизни, личности и литературном наследии поэтессы, и мы посчитали целесообразным дать книге название одной из её знаменитых газелей – «Neçin gəlməz» («Почему не пришёл»). Несмотря на условность названия, думается, что оно наиболее четко отражает в себе как внутренние, душевные переживания поэтессы, так и, в целом, лейтмотив её лирики.

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

ГУСЕЙН ШАРИФ

ИСТОРИЯ ОДНОГО ПОДАРКА

Шёл 1944-й год. В то время я работал в Иранском Азербайджане в должности уполномоченного Всесоюзного общества культурной связи с заграницей (ВОКС).

Во многих городах Южного Азербайджана мною были организованы отделения этого общества. Я регулярно посещал эти отделения, контролировал их деятельность и при необходимости оказывал возможную помощь.

В один из дней я получил письмо от вице-консула из Маку. Он писал, что в Маку меня ждут с большим нетерпением. Хотят организовать там отделение нашего общества. Я отправился туда. Там мы организовали отделение. Председателем был назначен сын Муртузагулу-хана Мурадали-хан.

Мурадали-хан был рослым, богатырского сложения, образованным, культурным молодым человеком красивой наружности, примерно лет двадцати семи – двадцати восьми. По всей вероятности, образование он получил во Франции.

Когда я отправлялся в отделения, то, как правило, ночевал в консульствах. Вечером вице-консул сообщил мне, что Мурадали-хан приглашает меня в гости к себе домой. И я должен принять приглашение. Это очень почтенная, знатная семья, пользующаяся большим уважением среди населения.

Вечером я направился в дом хана. Дом отличался богатым убранством и был обставлен с большим вкусом. В гостиной был накрыт, как говорится, царственный стол, который ломился от обилия блюд, вплоть, как говорится, до птичьего молока.

После приветствий, справившись о самочувствии друг друга и обменявшись любезностями, мы уселись за стол. Меня насильно усадили во главе стола. Изумительно вкусные блюда, источающие восхитительный, аппетитный запах, сменяли друг друга. Следуя правилам этикета, я произнёс тост за здравие хозяина, после чего обратился к Мурадали-хану:

– Агаи Мурадали-хан, видимо, эти прекрасные, отменные блюда приготовлены руками очень искусной ханым, обладающей изысканным вкусом. Браво этим рукам, ещё раз браво! Если позволите, мы бы подняли тост за её здравие. Но было бы лучше, чтобы она сама тоже присутствовала.

– Сию минуту, агаи Шариф, – произнёс Мурадали-хан. – Я сейчас же приглашу мою мать к меджлису.

– Значит, вся эта обстановка в доме, идеальный порядок – дело рук вашей матери? – спросил я.

– Да, её...

Мурадали-хан вышел из комнаты. Спустя несколько минут он вернулся:

– Агаи Шариф, она вот-вот явится.

Вскоре в зал вошла статная, чернобровая и черноглазая обаятельная женщина с миловидным благородным лицом. На ней была одежда, присущая карабахским женщинам. Взглянув на неё, я был изумлён и, не сдержавшись, обратился к Мурадали-хану:

– Агаи Мурадали-хан, но ведь это одеяние наших карабахских женщин. Точно также и украшения на достопочтимой госпоже.

– Так и есть, агаи Шариф, всё верно. Да, это карабахская одежда. Ведь моя уважаемая мать Аннаны-ханым тоже родом из Карабаха. Она из рода вашей знаменитой ханской дочери – Хан гызы Хуршидбану Натаван.

Одним словом, мы с большим удовольствием подняли тост за здравие Аннаныханым, выразив ей глубокую признательность. Это была кроткая, немногословная женщина пятидесяти-пятидесяти пяти лет. Я с изумлением взирал на неё, а она не переставая улыбалась. Вскоре она, продолжая улыбаться, с добрыми пожеланиями покинула нас. После её ухода я обратился к хозяину дома:

– Агаи Мурадали-хан, я и предположить не мог, что увижу здесь такую благородную карабахскую женщину с лучезарным лицом. Я прошу вас, передайте вашей матушке ещё раз нашу глубокую признательность.

После продолжительной беседы Мурадали-хан, извинившись, вышел из зала. Спустя несколько минут он вернулся и, учтиво протянув мне принесённые с собой бумаги, произнёс:

– Агаи Шариф, это то, что хранится, осталось у нас от рукописей Хан гызы Натаван. Сам не знаю, куда пропала остальная их часть... Вы писатель, и вам лучше знать цену этим рукописям...

Вынув из кармана ручку, он написал в углу одной из рукописей, окрашенных в четыре цвета, следующие слова:

«Təqdim be hüzure ağayı Şərifovə ş'are Xanqızı mütəxəllis be Natəvan əz tərəfi Muradəlixan – rəisi – əncüməni – rəvabiti – fəhrəngi – İran və İttihadi cəmahiri Şurəvi».

Перевод текста следующий: «Стихи Хан гызы Натаван вручаются Мурадали-ханом агаи Шарифову – руководитель отделения общества культурной связи между Ираном и Советским Союзом Мурадали-хан».

Не скрою, этот неожиданный поступок хана заставил меня позабыть обо всём – и сам меджлис, и пиршество с яствами. Мои мысли занимали только рукописи. Но ради приличия я обратился к Мурадали-хану со словами:

– Агаи Мурадали-хан, я не смею принять такой подарок. Будет нечестно лишать вашу семью этой памяти, оставшейся от близкой родственницы вашей матери – Натаван. Мне кажется, эти бесценные рукописи должны оставаться в вашем доме.

– Нет, агаи Шариф, у нас могут потеряться. Они должны храниться у вас... У нас в доме и без этого имеются другие памятные реликвии от Натаван.

Я совсем опешил, пот прошиб всё тело. Как – «и другие памятные реликвии?...» «Интересно, что это за реликвии, что они представляют собой?» – подумал я. В горле пересохло. Как я мог в доме, где гостил и был принят с такими большими почестями, выдать обуявшие мою душу чувства, свою заинтересованность? Как мне спросить, что это за реликвии? С большим трудом кое-как совладав с собой, произнёс:

– Агаи Мурадали-хан, даже не знаю, как я смогу отблагодарить вас. Эти рукописи для меня – бесценная реликвия... Я заверяю вас, что буду хранить и беречь их как зеницу ока.

– Не стоит благодарностей, агаи Шариф, ведь наши предки не зря говорили: «Цену золоту может знать только ювелир». А цену им, – он указал рукой на рукописи на столе, – можете знать вы... Пусть они достанутся вам в память от нашей семьи.

На следующий день Мурадали-хан повёл меня в свою летнюю резиденцию – эйлаг Бахчаджыг. Вокруг прекрасного, живописного уголка, окружённого со всех сторон горами, отвесными скалами, росли различные плодовые деревья, тут и там виднелись цветники, бассейны...Однако, кажется, всё это находилось в некотором запустении... Чувствовалось, что многое здесь надо основательно обновить, восстановить. Но видно было, что для этого нет возможности. Поскольку это был приграничный район, здесь происходили различные происшествия, инциденты... К тому же, пока ещё многим была неясна политика новой власти в Южном Азербайджане... Люди ждали, как и чем завершатся происходящие события. Среди населения были и те, кто с одобрением принимал новый строй, и те, кто относился к нему с некоторым сомнением и опаской...

Хотя как в Бахчаджыге, так и по возвращении оттуда, у меня с Мурадали-ханом происходили беседы на разные темы, однако он ни разу больше не заводил речи о «других памятных реликвиях».

***

Слова «другие памятные реликвии» я никогда не забывал. Эта мысль всегда беспокоила меня, давая пищу для размышлений: «Интересно, какая участь постигла эти реликвии, сохранились ли они, и если сохранились, то где хранятся? Каким образом и откуда можно узнать об этом?»

Хотелось бы отметить ещё один факт. В том же 1944-м году из Министерства иностранных дел СССР в Генеральное консульство Советского Союза в Тебризе была отправлена телеграмма. Меня вызывали в Москву. Я срочно прибыл в Баку для вылета в Москву. Переночевал у моего брата Сулеймана. О своём прибытии в Баку я, кроме ЦК КП Азербайджана, никому не сообщал. Несмотря на это, спустя два часа после моего прибытия в Баку, в квартире у брата Сулеймана зазвонил телефон. Взяв трубку, брат сказал:

– Тебя хотят...

Я подумал, что это из ЦК. Но ошибся. Звонил видный литературовед, покойный Мамед Ариф Дадашзаде... Вопрос, заданный им после приветствий, поверг меня в изумление:

– Ай Гусейн, говорят, что ты привёз рукописи Натаван. Как мы можем взглянуть на них?

– Ариф, – сказал я, – завтра я должен лететь в Москву, по возвращении как-нибудь найдём время и посмотрим.

– Очень прошу, покажи их нам до своего отъезда, это крайне важно для нас.

– Постараюсь, Ариф, покажу, как будет возможность.

Вернувшись из Москвы, я, кое-как выкроив время, позвонил Арифу, сообщив о своей готовности.

– Но с одним условием, – добавил я.

– Пожалуйста.

– Эти рукописи я могу показать только тебе.

– Хорошо, буду ждать.

Ариф рассматривал рукописи как зачарованный, с нескрываемым восторгом. Он сличал рукописи Натаван с хранящимися в фонде другими документами, то и дело перебирая их... Ещё долгое время очарованно лицезрел их.

– И как теперь быть, Гусейн, где они будут храниться, что ты собираешься делать с ними? – наконец произнёс он.

– Ты сам видел надпись Мурадали-хана, он преподнёс их в дар лично мне. Завтра я возвращаюсь в Тебриз. Даст Аллах, вернусь, тогда и решим.

«Azərbaycan gəncləri», 28 июля 1984 г.

Перевод Эльшады АЗИЗОВОЙ

ЮСИФ ГАСАНБЕК

ЗАСТУПНИЧЕСКИЕ СТРОКИ ГАЛИБА ШЕФАЕТА

Произведения в книге поэта Галиба «Любовью ланиты окрась» кратки, лаконичны. Яркие находки в области формальных поисков, обилие жизненных фактов и деталей усиливают динамику строк, придают вес и содержательность стихам. Ценно и прекрасно то, что поэтические мысли выражены не сглаженными, трафаретными рифмами, примелькавшимися словосочетаниями, а на первый взгляд резкими, несколько шершавыми, однако новыми поэтическими образами, и нам хотелось бы видеть и в творчестве других молодых поэтов – сверстников автора – эти отличительные особенности. Но в некоторых случаях новое по форме или содержанию слово или выражение непонятно при первом прочтении. Новое и вдобавок не очень хорошо отшлифованное слово ранит фальшивой нотой гармонию строки. Читатель доискивается до истока этой «фальши», старается ее верно понять. Это, конечно, хорошо, похвально, так как читатель волей-неволей выходит из своих «рамок», входит в более широкую творческую сферу.

Поэт Галиб стенает в одном из своих стихотворений – *«Дождь не поливает мое сердце, мое сердце осталось в засушье»*. Это слово «засушье» заставляет нас задуматься. Как это – остаться на засушье? Да! Засушливая почва – та, которую не орошает дождь, которая лишена воды, – безжизненна. Поэт уподобляет жизнь без любви бессмысленному, чахлому существованию на бесплодной земле.

Он, как правило, терпит лишения, сталкивается с трудностями, простирая руки к небу, моля о помощи у Бога, стенает, посыпает голову пеплом. Находит утешение в пословице «взялся за гуж, не говори, что не дюж». Однако поэт считает, что причину несчастий следует искать не где-то там, а в самом себе, и мы сами должны отыскать пути спасения.

Давайте прочтем стихотворение «Грохни оземь мое сердце»:

Полюбило – безответно,
Говорило бессловесно.
Без тебя оно бессмертно –
Мое сердце грохни оземь!

Раньше в нем горело пламя,
А сейчас сплошная яма,
Грохни оземь словно камень,
Мое сердце грохни оземь!

Обычно при чтении стихотворений мы ступенька за ступенькой сходим вниз по стихотворению и подходим к финалу, концовке стиха. Но тут, спускаясь по строкам, мы поднимаемся к кульминационной точке. Этот критерий характеризует большинство произведений Галиба. Но в некоторых стихах мы сталкиваемся с руинами форм. *«Он подставил ночь себе под ноги, чтобы выйти в утро! Но ночь внезапно выскользнула у него из-под ног…»*. Мысль завершена, стихотворение завершено. Мы сожалеем, сочувствуем лирическому герою.

Однако следующая мысль выглядит как лишняя заплата: *«Не смог найти себя в ночи, пропал во мраке»*.

Можно воплотить на бумаге рисунки ассоциативных образов и проинтерпретировать такие строки, как «Любовью ланиты окрась», «Гладь неба в твоих руках». Однако это ассоциативное внушение может меняться в зависимости от мировоззрения, образа мыслей, категорий поэтического чувствования, чувственной мощи отдельно взятых интеллектов. Автор не прибегает ни к одной детали, способной внести ясность в мысли, изложенные в подобных туманных строках. В результате стихотворение избавляется от болезни «детализаций», ставится конец пространным изложениям. Честь верного понимания строки возложена на нас, и, естественно, в таких случаях несложно впасть в домыслы. И мы выходим на битву с толкованиями, гипотезами, вероятностями, предположениями! Поэту удается увлечь читателя, заставить его думать.

Романтический настрой эпосов и сказок, которые мы впитывали с молоком матери, не покидает нас на протяжении всей жизни. Сколь нужно, сколь актуально стихотворение поэта Галиба «Сказка любви», восходящая к тому волшебному миру. Это громкий призыв, пробуждающий от дремучего сна общество, где любовь день ото дня мельчает. Как правило, в финале наших сказок с неба падает три яблока. Рассказчик завершает сказку фразой: одно яблоко тебе, другое мне, а третье рассказчику. Мифический герой сказки зачарован. Ковер-самолет возносит его на седьмое небо, он летит по светящемуся Млечному пути. На пути сверкают звезды и созвездия – светофоры, компасы, указывающие верное направление. Лирический герой, чьи грезы витают высоко в небе, вдруг жалуется: *«Яблоко падает в финале сказки. А ты съел яблоко нашей сказки уже в зачине. В финале с неба упало не яблоко… Выпал камень с недостроенного замка нашей любви»*. И как жаль, что наш современник Меджнун не стал стенать со словами «Горит душа в разлуке, хочу свою любимую, Я болен, хочу лекарства». Лейли не стала проливать слезы со словами «Душа горит в пламени печали! В цепи окована свободная душа!». Мы сочувствуем тяжелому положению влюбленных. Почему столь пала в цене любовь? Мы сожалеем. Но и автор не отвечает на сей вопрос.

Очень интересно и злободневно стихотворение «Нам не на что больше надеяться». Автор опасается, что такие гуманистические нормы как «Подними упавшего», «Помоги нуждающемуся», веками живущие в психологии нашего народа в качестве воспитательно-эстетических критериев, будут навсегда утеряны. Конечно! В тему! Поэт призывает нас беречь, обогащать наши обычаи и традиции, которые рассчитаны на благополучие не только нашего народа, но и всего человечества.

Не уступили друг другу пути,
Заплутались.
Не дошли до пристанища!
Надежду ветер унес!
Мечта сель унес!
Руки тянулись к любви. Не разделили, –
Так и осталась.
Ты осталась да я!
Без надежды, мечты, любви.
Стали друг другу не нужны!

После знакомства с экспонатами и фотовыставками, которые отражают историческое прошлое и нынешний день народа в Краеведческом музее в столице Китая Пекине, ты перекинешь на плечо рюкзак, набитый подарками и сувенирами для близких и родных на родине, и выйдешь наружу. Станешь бродить по улицам с древними рикшами и авто последних моделей, искать свой адрес. Но где твое пристанище? Где тот отель со сверкающей неоновой рекламой? Сколь бы ты ни искал, не сможешь

найти верное направление! Возле тебя задержит шаг молодой китаец, заметивший твое замешательство. Участливо заберет у тебя сумку и привезет тебя на своей машине в отель. Вы сойдете с автомобиля. Молодой китаец, сложив руки, раз десять, а то и пятнадцать примется тебе кланяться. Улыбающийся, радостный молодой человек исполнит эти поклоны с превеликой любовью, от самой души. По сути, это ты должен его благодарить. Ведь он израсходовал свое время и горючее. Ну и что? Молодой китаец заимел возможность протянуть руку помощи нуждающемуся, помочь. Ты подарил ему счастье «оказаться нужным».

Во многих стихах поэта есть отличительная черта многих стихов – попытка и умение немногими словами высказать глубокие мысли, и мы хотели бы развернутости этого стиля. Последователи великого Физули выдвинули из своей среды ярчайших представителей поэзии. Физули говорил: «вдохни в слово жизнь», вознося силу и ценность слова на недосягаемую высоту. Не всем подчиняется поэтическое Слово. Оно требует огранки со всем вниманием и любовью.

Вместе с тем Физули призывал к краткости. «Если желаешь, Физули, большего уважения, используй меньше слов»…

Поистине, «У земли есть уши». Японские поэты, живущие очень далеко от Аравии, где проживал наш дед Физули, словно услышали призыв Физули «поменьше слов». В Стране восходящего солнца очень сильно развита традиция краткого стихосложения. Во всём мире широко известны японские трёхстишия хайку (или хокку) и пятистишия танка (31-слоговая пятистрочная стихотворная форма). Поэт Басё прославился как автор трехстиший хокку. Эпитафией японского поэта Исикавы Такубоку стала его самая известная танка:

На северном берегу,
Где ветер, дыша прибоем,
Летит над грядою гор,
Цветёшь ли ты, как бывало,
Шиповник, и в этом году?..

Выдающийся поэт тюркоязычного мира Назым Хикмет создал образцы лаконичной поэзии, соответствующей призыву Физули.

– Есть сигарета?
– Да!
– Спички?
– Нет!
– Твою сигарету зажжет пламя костров!

Поэт Галиб Шефает – по специальности врач-терапевт. И, сохраняя верность клятве Гиппократа, он реализует в рабочей практике и пропагандирует в своих стихах такие высокие гуманистические ценности как уважение человеческого достоинства, забота и внимание к личности.

Любимая, не отталкивай меня,
Не сможешь стерпеть мороза и вьюги!
Еще столько
Снежных, вьюжных зим впереди!

Мы желаем удачи Галибу на творческом пути.

ГАЛИБ ШЕФАЕТ

Перевод Сиявуша МАМЕДЗАДЕ

Из «Лирической тетради»

***

Ночами вгрызаясь во тьму,
будешь искать меня,
по следу пойдешь моему
при свете дня,
честя и кляня,
но не доищешься,
прохожих расспрашивая,
на службу заглядывая,
себя изматывая,
не найдешь все равно –
ведь для тебя
я сгинул давным-давно.

***

Грёзы мои
расшалились
с безумною силой.
Я кинулся следом,
застал их разомлевшими
в блаженных объятиях милой.
Но, увиденным поражен,
я не решился
нарушить их сон.

***

Я душу свою вывернул,
я душу свою выпростал,
подставил семи ветрам
в ней накопившийся хлам.
Когда нет иного выхода,
и нет мне ни вдоха, ни выдоха,
пусть вихри меня вы́ходят,
и выметут муть из нутра,
и высушат слезы ветра́...

***

Мы были чужими,
Нас чувства сдружили.
Нас покорила
Великая сила
Между людьми –
Диктатура любви.

***

На сердце – засуха, сушь...
Сердце мое – изгой,
заброшено в дикую глушь,
пугающую пустотой.
Не прорастет колосок,
не зазеленеет всход.
Жизни лоток – далёк,
в сердце моем – недород.
Как на отшибе валун,
сердце томится в пыли,
как одинокий горюн,
я на краю земли.

***

Ночь – бесконечная тьма,
загадочна, как ты сама.
Ночь беспросветно длинна,
веры с неверьем война.
Утро нового дня
не обнадёжит меня,
день понапрасну губя,
кану опять во мрак,
где не увижу тебя.

Собака лает во сне

Собачий лай мне слышится во сне.
На улице – метель, мороз и снег.
В душе моей, на самом дне
рыдает кто-то горько обо мне,
И одиночество мне тягостней вдвойне.
Собачий лай мне слышится во сне.
И я в себе замкнулся, как бирюк,
во мне пустыня, ни души вокруг...
Собака лает снова и опять,
пронзительного лая не унять.
Кто лает и кто воет, не понять.
Бездомный пёс, четвероногий тать,
кто натравил тебя, о чём твоя брехня,
зачем изводишь, мучаешь меня?..

***

Я путь вершу в ночи́ к восходу,
вершу я путь напропалую,
сулящий новую заботу,
тоску знакомую и злую.
Иду к тщете и суете,
снующей всюду и везде,
забывшей напрочь о стыде,
поправшей нагло честь и совесть.
Перевернулось все вверх дном,
и кляча стала скакуном.
Я еду в мороке ночном,
к крутой баталии готовясь.
Прижмусь покрепче я к седлу,
и тетива найдет стрелу,
в нависшую ударю мглу,
толпу смутивши этой новостью.

Кривда

Карманы, набитые кривдой,
разносит по домам населенье,
хоть кривдой не будешь сыт,
но всё же находит сбыт.
Наевшись досыта лжи,
ложатся спать малыши.
Грешница губы кривит,–
ангел небесный на вид.
Лодырь «горит на работе»
при всем честно́м народе...
Лезут в друзья закадычные
хамелеоны двуличные.
Люди играют в людей
в свете ходячих идей.
Всё делают понарошке,
только одно по правде –
когда не сегодня-завтра
протянут навеки ножки.

МАРК ВЕРХОВСКИЙ

ДЕВЯТАЯ… БЕТХОВЕНА

В Рождество 25 декабря 1989 года у Бранденбургских ворот в Берлине сборный оркестр, составленный из музыкантов Германии, США, СССР, Франции и Великобритании под управлением американского композитора, пианиста и дирижёра Леонарда Бернстайна (евр. имя Арье-Лейб) исполнил в честь падения Берлинской стены 4-ю финальную часть 9-й симфонии Людвига ван Бетховина «Оду к радости». В тексте оды слово «Freude» (нем.«радость») было заменено на «Freiheit» (нем.«свобода») и таким образом произведение превратилось в «Оду свободе».

Это событие, очевидно, является единственным феноменом, когда оркестры пяти ведущих государств планеты доказали, что во имя мира музыка может и должна объединять народы. К великому сожалению, главы ведущих государств не продолжили данный пример призыва музыки к объединению мира.

Они предпочли военные марши, но не классику великих композиторов.

Очевидно, правители даже противодействовали этим намерениям. Результат их отрицательных амбиций мы видим сегодня в бесконечных войнах.

В 1785 году немецкий поэт Фридрих Шиллер создает «Оду к радости», призывающую людей к объединению и сплочению. Оно являлось отражением революционного времени, когда люди мечтали создать новое общество и сделать жизнь лучше. Сочинение несло не только общекультурную, но и социальную значимость. Впоследствии именно это произведение привлекло внимание одного из самых успешных композиторов современности – Людвига ван Бетховина.

Симфония возникла как синтез двух произведений, изначально задумывавшихся автором отдельно – собственно симфонии с хоровым финалом и полностью инструментальной работы в тональности ре минор. Над фрагментами обоих Бетховен работал более десятка лет. Лишь в 1822 году эти планы соединились в идею общего произведения. Решение ввести в финал «Оду к радости» Фридриха Шиллера (которую Бетховен мечтал инструментовать ещё с 1790-х годов в период учёбы у Йозефа Гайдна) было принято в 1823 году. Однако даже после премьеры, по воспоминаниям друзей, композитор рассматривал возможность сделать 4-ю часть полностью инструментальной, отказавшись от вокальной составляющей.

«Оду к радости» переписывали от руки. На нее было создано очень много песен. Ни одна из них не стала общезначимым шедевром, хотя и до Бетховена музыку на эти стихи писали очень многие. В 1803 г., готовя к изданию собрание своих стихотворений, Шиллер сделал вторую редакцию «Оды к радости». Он ее несколько сократил и изменил некоторые выражения. Именно эта вторая редакция легла в основу текста финала 9-й симфонии.

Премьера, состоявшаяся 7 мая 1824 года в одном из фешенебельных театров Вены, прошла с оглушительным успехом. Бетховен, к этому моменту полностью оглохший, уступил дирижёрское место капельмейстеру Михаэлю Умплауфу, а сам, стоя у рампы, лишь подавал знаками темп каждой части.

Хотя сложное произведение из-за недостатка времени было едва разучено музыкантами, у публики оно вызвало восторг. По его завершении овация продолжалась так долго, что её пришлось останавливать полиции, многие слушатели плакали. Композитор из-за глухоты не слышал аплодисментов, и один из оркестрантов развернул

его лицом к залу, чтобы он мог хотя бы видеть реакцию слушателей. Зал взорвался овациями, гул аплодисментов был нескончаемым. Автор увидел, какое впечатление произвела симфония на людей. Благодарная публика кидала в воздух шляпы. Мечта Бетховена сбылась, музыка сумела объединить людей, сплотить их. Разве это не лучшая благодарность для творца?

Новаторство Бетховена заключается в введении в инструментальную композицию вокальной музыки. Многие музыкальные исследователи рассматривают финальное сочинение Бетховена, как «мессу», повествующую о Ветхом Завете.

Тема радости излагается в партии бас-солиста. Картина торжества подхватывается звучным хором. Особенно ярко звучит тема «Обнимитесь миллионы!», которая с точки зрения полифонии виртуозно объединена с темой радости.

Симфония еще раз подтвердила гениальность автора и была признана публикой. К сожалению, больших материальных средств она автору не принесла. К тому же, хотя сочинение было посвящено королю Пруссии Фридриху-Вильгельму, королевская особа на премьеру не явилась и самые дорогие места в концертном зале остались пустыми, поэтому исполнение симфонии не окупилось композитору, и гонорар оказался ничтожно мал. Великий Бетховен еле сводил концы с концами. Иной раз он даже не выходил на улицу, так как его ботинки были давно изношены.

Кантата «Ода к Радости», включенная в симфонический цикл, это масштабный гимн человеческого духа. Девятая симфония совмещает полярные аффекты. Так эмоциональный накал может сменяться спокойствием и умиротворением, героизм уступает место лирическим моментам, светская по определению музыка имеет ярко выраженные черты религиозной музыки. Рихард Вагнер называл 9-ю симфонию Бетховена «одним из первых образцов «универсальных произведений искусства» или «всеобъемлющей формы искусства».

Тематически симфония № 9 олицетворяет постепенное движение от мрака к свету. Чтобы сделать его максимально последовательным, Бетховен отошёл от канонов построения симфонического цикла, поменяв местами быструю и медленную части в середине. Монументальная 1-я часть симфонии, аллегро, написана в сонатной форме. Русский художник А.Н.Серов в 1868 году писал:

Все ужасы войны – подкладка для этой первой части… это вместе – глубочайшее философское воплощение в звуках тёмных страниц истории человечества, страниц вечной борьбы, вечных сомнений, вечного уныния, вечной печали, среди которых радость, счастье мелькают мимолётным, как молния, проблеском.

С 1972 года отрывок из прелюдии к «Оде к радости» из 4-й части симфонии № 9 является гимном Совета Европы. Дирижёру Герберту фон Караяну были заказаны три аранжировки: для фортепиано, духового и симфонического оркестров. И он великолепно справился с такой сложной задачей.

С 1985 года эта же музыка стала уже гимном Евросоюза.

Многогранность музыкального материала позволяет создать атмосферу, свойственную искусству кинематографа. Это объясняет популярность 9-й симфонии в использовании в современных фильмах.

В 2003 году авторская рукопись 9-й симфонии, хранящаяся в Берлинской государственной библиотеке, была включена ЮНЕСКО в список объектов всемирного документального наследия «Память мира».

Девятая симфония – это послание к человечеству. Искусство Бетховена заключалось в служении людям. Пройдя сквозь времена, его музыка стала носителем идеальной идеи о равенстве и братстве миллионов людей.

Эта музыка вечна!

Вся симфония в целом – это своеобразный завет Бетховена, его личное руководство по усовершенствованию человечества, его личный указатель, направленный

к лучшему миру. Разумеется, это произведение воплотило в себе, вероятно, в последний раз все иллюзии и мечты века Просвещения. Вместе с тем Бетховен осуществил здесь прорыв за рамки всех художественных условностей. Он опрокинул понятия о том, что может и что не может позволять себе музыка и музыкант, какой должна и какой не может быть классическая симфония, что должен оркестр и чего он не должен. Он чувствовал себя здесь совершенно свободным.

Первый из делавар

Вспомнить о племени делаваров подтолкнули меня превратности судьбы, переселившей меня в некогда заселенную этим племенем местность.

С делаварами мы познакомились ещё в юности, когда зачитывались приключенческими романами американского писателя Джеймса Фенимора Купера.

Любовь писателя к индейскому племени делавар, очевидно, была обусловлена местом рождения Фенимора Купера. А родился Джеймс в штате Нью Джерси в 1789 году в районе проживания племени делаваров в городе Берлингтон, штат Нью Джерси, основанного квакерами 24 октября 1693 года. Фенимор был одиннадцатым ребенком из двенадцати детей. Вскоре после его рождения отец, конгрессмен, судья Уильям Купер, достаточно богатый землевладелец, квакер, переезжает с семьей в штат Нью Йорк. Здесь, на берегу озера Оцего, отец основал поселок Куперстаун, в дальнейшем получивший статус города.

В возрасте 13 лет Джеймс поступает в Йельский университет. Однако, спустя три года учебы чересчур активный юноша был исключен из университета из-за шаловливого розыгрыша над сокурсником.

Фенимор поступает на морскую службу в торговый флот (1806-1811). Во время плавания он посещает Англию и Испанию.

В 1811 году будущий президент Томас Джефферсон подписывает приказ о присвоении Куперу офицерского звания.

После нескольких морских походов, Фенимор возвращается в родной Нью Йорк и назначается охранять постройку военного судна на озере Онтарио.

Он часто бродил по окрестным лесам, исследовал озеро и местных жителей – индейцев. Очевидно, это обстоятельство и сыграло главную роль в описаниях Онтарио в его произведении «Следопыт».

Женившись в 1811 году на француженке Сьюзан Аугусте Деланси, семья которой симпатизировала Англии во время войны за независимость, Фенимор в молодом возрасте весьма мягко отзывался об англичанах. У супругов родилось семеро детей, двое из которых скончались в младенчестве.

В принципе, Фенимор не собирался стать писателем и продолжал бы свою военную карьеру, если бы не спор, возникший между ним и его супругой во время чтения какого-то рассказа из популярного журнала. Озадаченный слабостью опубликованного произведения, Фенимор, читая его вслух жене, в сердцах заявил, что он мог бы написать рассказ гораздо лучше некомпетентного автора.

Сьюзан, разумеется, как всякая супруга, усомнилась в способностях мужа и была «наказана» амбициозным моряком созданием им первого своего романа «Предосторожность» (1820 г.) Так, только из принципа, и родился одаренный писатель приключенческого жанра.

По словам критиков это было «второразрядное или даже третьеразрядное подражание», и было действительно лишь пробой пера. Если впоследствии книгу все-таки переиздавали, то это происходило только потому, что читатели жадно набрасывались на любое сочинение, на обложке которого стояло имя проставленного романиста.

Джеймсу Фенимору Куперу был 31 год.

Здесь автор доверяет данному эпизоду биографии Купера, поскольку именно в такой же ситуации в разговоре с супругой критически прошелся по довольно популярному отказнику, пробовавшему себя в писательстве. Автор также, как и Фенимор, решил его перещеголять и «назло» супруге выполнил свое обещание.

Уже в 1823 г. Купер пишет роман «Пионеры», а в 1826 году самый знаменитый свой роман «Последний из могикан».

Автор не ставил себе задачу дать анализ перспективы творчества Ф.Купера.

Просто оказавшись в глубинке региона его приключенческих романов, автор хотел узнать историю о населявших эту территорию племенах. И, разумеется, не мог не отметить роль замечательного романиста Ф.Купера.

Писатель становится пропагандистом гордого, честного и трудолюбивого племени ленапе, ибо, как я уже упоминал вначале, родина будущего писателя находилась как раз в центре пребывания племени ленапе. Именно так называлось племя до присвоения ему в дальнейшем псевдонима, благодаря английскому капитану Сэму Аргайлу, решившему назвать залив, на котором жили ленапе, в честь сэра Томаса Уэста, лорда де ла Вэрра (Делавер). Сам лорд никогда не бывал в этих местах, но название прижилось настолько, что его стали относить и к местным жителям. Так пожизненный губернатор штата Виргиния стал основателем имен залива, реки, индейского племени, университета и штата. Река «Делавар» протекает через родной город классика приключенческой литературы Фенимора Купера – Берлингтон. Поэтому произведения Купера полностью арендовали синоним «делавары», хотя писателем Фенимор стал не в Берлингтоне, а в Куперстауне.

Согласно истории существования индейских племен Северной Америки, племя ленапе (делавары) нисколько не отличалось от других подобных племен. Единственная правда, проходящая красной нитью среди приключенческих произведений Фенимора Купера, является то, что непримиримым и смертельным врагом племени делавар действительно было соседнее племя ирокезов. Мало того, соседи главенствовали во всех столкновениях с делаварами. Они изощрялись в унижении и разграблении их стоянок, закабалении в рабство целых племен. Известен факт, когда ирокезы издевательски оскорбили мужчин ленапе, заставив их надеть женские юбки.

К моменту прихода европейцев делавары представляли собой общество охотников и собирателей, однако с широким использованием сельского хозяйства. Они проживали вдоль реки Делавар, Гудзон, а также на Лонг-Айленде. Делавары выработали весьма сложные методы охоты, в то же время их сельское хозяйство было примитивным, основанным на подсечно-огневом методе, а их поселения являлись сезонными. Повышенный спрос на меха со стороны европейцев привёл к тому, что делавары извели слишком много бобров в низовьях Гудзона. Это заставило скупщиков голландцев переместить торговые точки в другие места, ввиду чего в племени ленапе наступил тяжёлый экономический кризис. Делавары первыми из индейских племён заключили договор с правительством США в 1788 г. (их враги ирокезы воевали во время обеих войн за независимость на стороне Великобритании). Несмотря на тесное сотрудничество с правительством, делавары не были включены в состав Пяти цивилизованных племен, уровень развития которых европейские переселенцы считали близким к собственному. К 1700 году численность делаваров в результате войн и эпидемий сократилась до 4 тыс. человек. В 1845 делаваров оставалось около 2 тыс., столько же показала перепись 1910 года. Нынешнее население восстановилось до 16 тыс. человек, большинство из которых проживает в штате Оклахома.

Купер написал целую серию романов из американской жизни. В них он отобразил войны пришельцев-европейцев между собой, в которые они вовлекали американских индейцев, заставляя племена сражаться друг против друга.

В первой половине XIX в. Купер считался одним из самых знаменитых, глубоких и широко читаемых авторов. Его слава порой затмевала лавры самого Вальтера

Скотта. Его поклонниками были Гете и Бальзак, Жорж Санд и Виктор Гюго, Белинский и Лермонтов, не считая десятков писателей и критиков менее прославленных. В течение десятилетий Европа воспринимала Америку сквозь призму куперовских романов.

Изобретатель телеграфа С. Морзе свидетельствовал: «Я посетил многие европейские страны и все, что я говорю о славе Купера, основано на собственных наблюдениях. В любом большом европейском городе, где бы я ни побывал, произведения Купера занимают почетное место в витринах каждого книжного магазина. Их публикуют в 34 городах Европы, едва только он их закончит. Американские путешественники видели их на турецком и персидском языках в Константинополе, в Египте, в Иерусалиме, в Исфахане».

Интересно, что сам город Берлингтон не особенно чтит своего единственного именитого земляка.

Находясь в Берлингтоне, автор нашел дом, где родился писатель. Это не музей, и дом сохранился лишь потому, что живут в нем совершенно посторонние Джемсу Фенимору Куперу владельцы. Досадно, что в родном городе за более, чем 160 лет после смерти писателя, не нашлось финансовых средств на сооружение ему не только памятника, но и достойной мемориальной доски. Примитивная, почерневшая от времени, почти заржавленная, узенькая, медная табличка напоминает прохожим, что в этом доме родился (просто) Джеймс Фенимор Купер. К тому же её можно обнаружить, лишь нагнувшись на уровень подростка и вплотную к ней приблизившись.

Как само собой разумеющееся, в городе нет ни памятника, ни даже барельефа писателю. На удивление случайно обнаружил улицу Купера (Cooper Street).

В конце 1840-х годов состояние здоровья Купера резко ухудшилось, он уже не мог ходить, не мог писать и время от времени диктовал страницы истории Нью-Йорка своей дочери Шарлотте. Его последняя книга «Новые веяния» вышла в 1850 году.

14 сентября 1851г. Джеймс Фенимор Купер скончался от водянки накануне своего 62-летия. Похоронили его на семейном кладбище в Куперстауне (Нью Йорк). Его супруга, Сьюзан Аугусте Деланси, пережила его на несколько месяцев.

На траурном собрании в зале нью-йоркской городской ратуши было решено начать сбор средств на памятник Куперу. Однако, то ли из-за бедности населения, то ли из-за незнания творчества своего земляка, но собранного количества денег было недостаточно, и деньги раздали друзьям и родственникам писателя, которые почему-то установили возле могилы писателя небольшую статую героя романа «Кожаный Чулок».

Вообще, фактически получается, что статуй героям романов писателя оказалось намного больше, чем памятников самому автору – Фенимору Куперу.

В 1853 г. дом Купера в Куперстауне сгорел, и на его месте позднее был воздвигнут памятник писателю работы известного скульптора Виктора Сальваторе, который и сегодня стоит посреди небольшой площади, на том самом месте, где творил свои произведения Купер.

Джеймс Фенимор Купер оставил после себя 32 романа. Однако наследие его весьма неравноценно.

С тех пор как в 1825 г. впервые был переведен на русский язык роман «Шпион», произведения Купера издавались в России более 230 раз, в том числе 8 раз выходили его собрания сочинений.

По линии отца из семи детей пошла только дочь Джеймса Сьюзен Фенимор Купер. Она стала писательницей и суфражисткой (участницы движения за предоставление женщинам избирательных прав, против дискриминации женщин в целом в политической и экономической жизни.) Известен её роман «Сельские часы», проповедующий смирение и христианское отношение к земле.

Писателем стал и его праправнук Пол Фенимор Купер. Родился в 1899 в Олбани, Нью Йорк. Умер Куперстауне в 1970. Известен роман «Остров затерянных».

Продолжение текста куплетов, очевидно, не стоит напоминать.

В свой подростковый период я вскипал гневом, когда слышал начало песни, начинавшейся словами: «*старушка не спеша дорожку перешла*..». И не за содержание незатейливого куплета, а за типичное подражание еврейскому менталитету одесского разлива. Ведь, чтобы разозлить обычного еврея, достаточно было просто картавить и сделать специфический уклон песенки. Именно этого и добивались мои соседские ребята, чтобы как-то «насолить» мне. Вообще-то ребята не были «чистыми» антисемитами, но зная, чем можно уколоть еврейского интеллигентного мальчика, старались не упустить такого развлекательного момента. Этот куплет для меня был действительно «ахиллесовой пятой». Я сразу в полном остервенении кидался в драку с оскорбителем.

Конечно, в нашем интернациональном Баку «настоящие» антисемиты не водились. Местные национальности, как мне кажется, не знали даже, что означало это непонятное слово и потому еврейское население республики было защищено от этого зла, которое культивировалось в некоторых славянских республиках Союза. В нашем дворе жило несколько представителей этих республик. Вот они-то и изводили меня этим куплетом. Кстати, их родители не поощряли такие забавы своих отпрысков.

Самое интересное в этом противостоянии заключалось в том, что я и не догадывался, что эти куплеты в оригинале исполняются на еврейском языке идиш, поскольку являются чисто еврейским трактирным шансоном. Я считал, что песня создана именно в антисемитских целях. И верил в эту чепуху все 50 лет, что я прожил в Союзе. И только переехав в США и услышав здесь эти куплеты на идиш, я узнал истинную историю этой шальной песни.

Шолом Секунда родился в Украине и был музыкально одаренным мальчиком. В 1907 году его семья перебралась в Америку. Шолом пел везде, где только его слушали, стал брать уроки музыки у композитора Эрнста Блоха и окончил институт музыкального искусства. Семья была бедна, и он подрабатывал в массовке в еврейском театре. Секунда считал себя классическим композитором, а на жизнь зарабатывал, сочиняя музыку для спектаклей на идише.

В 1932 году театр поставил музыкальную комедию «I Would if I Could», (на идише Men Ken Lebn Nor Men Lost Nisht), и там с огромным успехом прозвучала песня на слова Джейкоба Джейкобса «Bei Mir Bistu Shein» – «Для меня ты самая красивая». Исполнителей Аарона Лебедеффа и Люси Левайн много раз вызывали на бис. Но сам мюзикл успеха не имел и продержался всего один сезон. Авторы пытались пристроить историю в Голливуд, но там отказались, сочтя ее слишком местечковой.

«Вторую жизнь» песне дали в 1937 году Сэм Кан и Сол Чаплин (музыканты, писавшие в соавторстве слова к песням, впоследствии – оскаровские лауреаты за музыку к фильмам). Услышали они ее в одном из баров Гарлема в исполнении двух чернокожих певцов (они пели на идише). Мелодия очаровала Кана и Чаплина, и они обратились к «Каменсам», музыкальному издательству в Бруклине, с предложением выкупить песню. Выкупив права на песню у авторов (всего-то за 30 долларов), они обработали ее, написав английский текст. В конце того же года песня была записана в исполнении еще не слишком известного вокального трио сестер Эндрюс Систерз (Andrews Sisters) и таким образом она стала хитом.

Песню подхватил более известный вокальный дуэт сестер Бэрри (Клара и Минни Багельман), однако, они снова вернулись к исполнению на идиш.

Популярную песенку исполняли многие, не могли пройти мимо и такие исполнители, как Элла Фитцджеральд и Джуди Гарланд.

И зазвучал хит по всему миру. Он с триумфом исполнялся даже в Германии, пока кто-то из нацистских заправил не выяснил, что автором ее является еврей.

В Советском Союзе песня появилась в 30-х годах. И никто иной, как настоящий еврей Леонид Утесов – Ла́зарь (Ле́йзер) Ио́сифович Вайсбе́йн, первым подхвативший мотив, сочинил незамысловатый пародийный русский текст, которым воспользовались недалекие антисемиты. Исполнение куплетов принесло певцу кучу гонораров, а бедным аидам обычные еврейские неприятности.

В 1940 году советский школьник 9-го класса 242-й ленинградской щколы Паша Гандельман, услышав исполненную Леонидом Утесовым песню «Моя красавица», решил создать новую поэтическую интерпретацию этой мелодии.

В моде были собственные сочинения молодых авторов и их с юношеским азартом распевали на молодежных вечеринках. Вот он и решил попробовать написать что-нибудь в этом роде. Цель была опробовать быстроту восприятия песни в народе. Павел писал по куплету на уроках литературы, а на переменах проверял эффект получившегося на одноклассниках. Одобренные куплеты переписывались и разбредались по дворам. Название песне дали по названию барка «Жанетта» из популярной в то время у школьников книги «Плавание «Жанетты» Джордж Де-Лонга, вышедшей в 1936 году в издательстве Главсевморпути.

Так появилась песня «Жанетта», которая по мере распространения изменялась и стала известна под названием «В Кейптаунском порту».

В 1941 году Павел Моисеевич Гандельман поступил в Военно-медицинскую академию. В годы Великой Отечественной войны участвовал в обороне Ленинграда. В блокаду был эвакуирован в Киров, откуда летом 42-го года с 3-го курса попал на Сталинградский фронт, из 205 курсантов с войны вернулись только половина. Был ранен. Награждён медалью «За победу над Германией» и Орденом Отечественной войны II степени. После войны окончил обучение, служил военным врачом, в 1970 году демобилизовался в звании подполковника. В 1970–1990 годах преподавал в Ленинградском педиатрическом медицинском институте. С 1990 года на пенсии.

«А бедная «Жанетта» подверглась такой радикальной обработке, что иногда ее трудно было узнать…Сюжетная канва, конечно, сохранялась, но за ее пределами у разных соавторов рождались вдохновенные фантазии. Скажем, наиболее привлекательной рекламой таверны Кэт оказалось то обстоятельство, что там «юбки узкие трещат по швам»; исход схватки в таверне живописался с точностью «до наоборот», и жертвами ее оказывались, как ни странно, французы, несмотря на двойное численное превосходство над англичанами; бедняга «Жанетта» пребывала в кейптаунском порту уже не «с какао на борту», а «с пробоиной в борту», что, впрочем, не изменило ее планов выйти на заре в океан к другому континенту…», – писал в своих воспоминаниях Павел Моисеевич Гандельман.

К великой справедливости в 1961 году права на песню вернулись к Шолому Секунде и Джейкобу Джейкобсу. И уж тут-то композитор подписал договор с музыкальным издательством и вытребовал себе достойные проценты.

Этого хватило Секонде до конца жизни наслаждаться авторством хита, деньгами и славой. Мало того, после его смерти в 1974-м, права по закону еще 75 лет будут принадлежать его семье.

Но настоящую сенсацию песни устроила известный российский прозаик, поэтесса, драматург, сценарист, переводчица, исполнительница разных музыкальных направлений Людмила Стефановна Петрушевская. Москвичка, окончила факультет журналистики МГУ. Работала корреспондентом московских газет, сотрудницей издательств, с 1972 года – редактором на Центральной студии телевидения.

Петрушевская рано начала сочинять стихи, писать сценарии для студенческих вечеров, всерьёз не задумываясь о писательской деятельности. Первые же пьесы были замечены самодеятельными театрами: пьеса «Уроки музыки» (1973) была поставлена в 1979 году Р. Виктюком в театре-студии ДК «Москворечье», а также В. Голиковым в театре-студии ЛГУ и почти сразу запрещена (напечатана лишь в 1983

году). Постановка «Чинзано» была осуществлена театром «Гаудеамус» во Львове. Профессиональные театры начали ставить пьесы Петрушевской в 1980-е годы: одноактная пьеса «Любовь» в Театре на Таганке, «Квартира Коломбины». Её произведения представляют собой своеобразную энциклопедию женской жизни от юности до старости.

Людмила Петрушевская получила Всемирную премию фэнтези – World Fantasy Award (WFA) – за лучший сборник рассказов, опубликованный в 2009 году.

В 72-х летнем возрасте она представила свою интерпретацию песни «Старушки...».

Пропустив первые щадящие куплеты по переговорам старушки с милицейским патрулем, перехожу на альтернативное решение проблемы штрафа пожилой дамы (леди Петрушевской) в ответ на угрозы представителей власти.

ГБДД стоит,
Приняв упорный вид,
Старушку не желая отпускать:
Давно пора понять,
Что некуда линять,
Придется, бабка, денежки отдать.

ГБДД наряд –
Он, может, сам не рад,
Начальству должен сдать
Он тысяч пять! (И не рублей...)

Старушка не спеша
Достала ППШ,
Сейчас я вам напомню вашу мать.
Я ветеран войны,
И вы понять должны,
Я снайпер – мне придется вас убрать.

С тех пор ни ГБДД,
Ни парни с МВД,
И никакой патруль
Не трогает бабуль!

Старушка не спеша
Дорожку перешла,
И бабушку никто не задержал.
Какой с бабули толк,
Их тут хороший полк,
И каждая, наверно, с ППШ!

Таким образом, Людмила Петрушевская, наконец, очистила светлый образ Леонида Утесова от молодого удальства бездумного шансона.